

В.А. Мешков МИХАИЛ БУЛГАКОВ И КРЫМ: *новые страницы*

В.А. Мешков

МИХАИЛ БУЛГАКОВ И КРЫМ: *новые страницы*



В. А. МЕШКОВ

**Михаил Булгаков
и Крым:
новые страницы**

**Симферополь
2016**

ББК 84-4

М 41

Издание второе, дополненное и исправленное

*Одобрено Издательским советом, выпущено
при поддержке Министерства внутренней политики,
информации и связи Республики Крым за счет средств
бюджета Республики Крым.*

Мешков В. А.

М 41 Михаил Булгаков и Крым: новые страницы. — Симфе-
рополь: 2016. — 272 с., ил.
ISBN 978-5-9907963-9-3

Издание основано на авторских исследованиях и публикациях в прессе и в научных сборниках, докладах на симпозиумах и конференциях о новых или малоизвестных фактах жизни и творчества Михаила Булгакова, связанных с Крымом. По сравнению с первым изданием, вышедшем в 2011 году, существенно расширен объем за счет новых материалов, внесен ряд исправлений и уточнений.

Новое издание книги выходит в год 125-летия Михаила Афанасьевича Булгакова.

Книга будет интересна не только краоведам, историкам и литературоведам, но и широкому кругу читателей — студентам, школьникам и всем поклонникам творчества писателя.

ISBN 978-5-9907963-9-3

© В.А. Мешков, 2011, 2016.
© АНО «РИЦ «Крым»,
Таврида, издание, 2016.
© ГУП РК «Издательство
и типография «Таврида», 2016.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие ко второму изданию</i>	4
ОТ АВТОРА	6

ЕВПАТОРИЯ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Евпаторийская загадка Михаила Булгакова	12
Михаил Булгаков и Евпатория	17
<i>М.А. Булгаков. «Сильнодействующее средство»</i>	28
Булгаковская история	31
Мистика Михаила Булгакова и Евпатория	49
Евпаторийские друзья Волошина и Булгакова	66
«Собачье сердце» М. Булгакова и пропажа калаш:	
Как это было в Евпатории.....	70
Булгаковский дом на Садовой и Евпатория	78

ВЗГЛЯД ИЗ КРЫМА

Сергей Есенин и Михаил Булгаков	92
Булгаков, Троцкий, Фрунзе и Крым в 1920 году	108
<i>М.А. Булгаков. Путешествие по Крыму</i>	127
<i>Л.Е. Белозерская-Булгакова. Коктебель — Крым</i>	152
Михаил Булгаков в «Трудах и днях» Максимилиана	
Волошина.....	164
Михаил Булгаков: Крымские поиски и находки	180
Родословие Михаила Булгакова: крымская ветвь	185

ПАМЯТИ Л.А. МИНАКОВОЙ

Дорога длиной в 90 лет	190
Весна 1944-го: Трудная дорога домой, в Евпаторию	194
95 лет — жизнь продолжается	198

БУДЕТ ЛИ В ЕВПАТОРИИ УЛИЦА МИХАИЛА БУЛГАКОВА?

Музей под открытым небом	202
Памятная доска в честь Булгакова	203
2006 — Будет ли в Евпатории улица М. Булгакова?.....	206
Информация к размышлению	225
2014-2016 — Будет ли в Евпатории улица М. Булгакова?	229

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>М.А. Булгаков. Автобиография (1924)</i>	241
Булгаков и Евпатория	243
Булгаковские дни в Евпатории	249
«Булгаковский дом» снова в Крыму	253
...Стать бесстрастно над красными и белыми	255
120-летие писателя М.А. Булгакова	259
На главном крымском литературном Симпозиуме	262
Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст ...	265
ПРИМЕЧАНИЯ	270

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Прошло пять лет после выхода первого издания этой книги. За это время произошло много событий, как в жизни Крыма, так и в области литературы, занимающейся изучением жизни и творчества писателя Михаила Афанасьевича Булгакова. Свой очень скромный вклад внес в это дело и автор, однако первое издание книги было встречено почитателями Булгакова с интересом, и это вдохновляло к дальнейшим поискам связей писателя с Крымом.

Кроме того, высказывались упреки, что первое издание в основном посвящено евпаторийским событиям, и пожелания расширить тематику и на другие города Крыма. В полной мере удовлетворить эти интересы читателей пока не так просто, тем не менее все же удалось немного продвинуться в этом направлении.

Оказалось возможным изучить связи не только Булгакова, но и Максимилиана Волошина с Евпаторией, и обнаружились их общие евпаторийские друзья, которые бывали в Коктебеле в «Доме поэта». В направлении исследований Булгаков-Волошин-Коктебель-Евпатория можно ожидать еще много нового или совсем забытого.

Некоторые сдвиги наметились и в поиске крымских родственников и знакомых Михаила Булгакова. После выхода первого издания этой книги некоторые из них связались с евпаторийской родственницей писателя Л.А. Минаковой, а некоторые — с автором. Один из них, Николай Николаевич Белый, ныне житель Симферополя, не только с интересом прочитал книгу, где обнаружил сведения о своих прямых родственниках Бредихиных, но и сам обнародовал о них интереснейшие сведения. Вместе с автором этих строк он принимал участие в очередных Крымских Международных Булгаковских чтениях в 2012 году. Н.Н. Белый представил многочисленные документы, фотографии и доклад, обосновывающий сведения об общении писателя с его родственниками. Хотя прямых сведений, учитывая известные обстоятельства того времени, судя по всему, не сохранилось, но имеется много косвенных подтверждений воспоминаний Л.А. Минаковой.

Н.Н. Белый отмечал, что первое издание этой книги вдохновило и его на создание истории своей семьи, и начало этому уже было положено на Булгаковских чтениях. Его статья «М.А. Булгаков и евпаторийские Бредихины» была опубликована в «Вестнике крымских литературных чтений» (Симферополь:

«Крымский архив», 2013) и помогла автору этой книги в дальнейшей работе.

К сожалению известные позитивные события в жизни крымчан в 2014 году парадоксальным образом отразились на Крымских Булгаковских чтениях, проводившихся в последние годы в г. Саки в рамках Международного научного симпозиума «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст». Это мероприятие и многочисленные чтения в его рамках, в том числе и Булгаковские, были успешно проведены в 2013 году, а вот в 2014 году не состоялись. «Украинский статус» симпозиума утратил свою силу, а по каким-то причинам в российскую юрисдикцию он сразу не перешел. Как оказалось, в случае глобальных крымских перемен, прозвучавших на весь мир, как бы не была значима поддержка России, все равно требуется определенный переходный период. Вокруг Крыма разгорелись страсти, определенным кругам на Западе и на Украине трудно «переварить» потерю Крыма, с которым связывались далеко идущие натовские планы. Два-три процента жителей Крыма, преуспевавших при «украинском статусе» полуострова, высказались против долгожданного для большинства населения Крыма исторического свершения.

Если вспомнить, подобное случалось с представителями «власть имущих» и близкой к ним интеллигенции и в былые исторические времена, что неизбежно приводило к конфликту с окружением, и зачастую к эмиграции. Другой пример представляют люди, подобные Михаилу Булгакову. Он тоже в минуты слабости проклинал судьбу, не позволившую ему стать эмигрантом. Но это были только минуты. И после них он с удвоенной силой возвращался к творчеству, которое дает человеку свободу в любом месте и любом обществе. Однако вряд ли его книги и их темы были бы так востребованы сегодня, сложись его трудная судьба иначе...

А в 2015 году упомянутый Международный симпозиум и чтения в его программе продолжили свою жизнь в Симферополе на базе Федерального Крымского университета (бывший ТНУ), и проходили в бывшем загородном доме Воронцова в живописном парке. Председателем симпозиума стал доктор филологических наук, доцент Таврической академии Сергей Олегович Курьянов. Автор этой книги принимал участие в этом событии и выступил с докладом на «булгаковскую тему», и публикацию на основе этого доклада читатели также найдут в этой книге.

Так что жизнь продолжается, а изучение жизни и творчества Булгакова, если вспомнить и обобщить слова писателя, «принесет нам еще много неожиданностей». И наверное, не только в этой области...

2016

ОТ АВТОРА

Как всем известно, в нашей жизни велика роль всяких случайностей и неожиданных обстоятельств. Эта книжка тоже появляется на свет вроде бы во многом случайно, но вполне вероятно, часто нам только кажется цепью случайностей то, что вполне закономерно ждет момента для реализации в нашем мире. Особенно в тех случаях, когда это связано с жизнью, судьбой и творчеством замечательного писателя Михаила Булгакова.

По некоторым причинам, о которых читатели узнают далее, меня давно интересовал вопрос, как связан Булгаков с Евпаторией, бывал ли здесь? Краеоведам об этом было неизвестно, поэтому ответ вроде бы напрашивался отрицательный. Но эта проблема не забывалась, а в 2000-м году нашлось время внимательно изучить собрание сочинений Булгакова. И отыскался не только «слабый» след, как в «Театральном романе», а вполне уверенный — в фельетоне «Сильнодействующее средство». Так появилась первая статья в евпаторийской газете «Трибуна», до этого темой «Булгаков и Евпатория» никто не занимался. Как я тогда полагал, публикация эта не вполне удалась, и вскоре об этом за другими делами позабылось.

Некоторый резонанс все же она вызвала, просто я об этом не знал. О том, что в Евпатории проживают родственники Булгакова, никто в городе тоже не знал и не предполагал. И это притом, что двое из них, Любовь Александровна и Игорь Леонтьевич, даже однофамильцы писателя. Но главной неожиданностью было то, что жила в Евпатории и еще одна родственница Булгакова, Любовь Александровна Минакова, и она знала и помнила о посещении писателем Евпатории, была живой свидетельницей его приезда.

Что было дальше, читатель узнает из этой книжки. Надо отметить, что восстановить, как можно полнее, обстоятельства приезда Булгакова оказалось не так просто. А без Л.А. Минаковой это никогда бы, наверное, не удалось. Трудностей было много, и ее возраст, и здоровье, и прошедшее с тех пор время. Удивительно, но все это Любовь Александровна смогла преодолеть. И теперь мы имеем достоверную, даже считаю, весьма точную

картину столь давних событий. Недаром в фильме «Тегеран-43» один из героев заметил: «На свете нет ничего надежней человеческой памяти». Но это если люди не отказываются от своей памяти и тогда, когда повседневная жизнь вытесняет память о прошлом все дальше и дальше, и кажется проще и выгоднее жить только сегодняшним днем.

А может, и сам человек живет, пока живет его память. Я прихожу к Л.А. Минаковой, и она сама удивляется, как оживает ее память, и все новые подробности всплывают, и все более уточняют ту картину, которую удалось восстановить. К тому же она прекрасный рассказчик, и ее всегда интересно послушать и спросить о былом. «А знаете, ведь Булгаков привез из Москвы подарок только нашей сестре Шура, она уже ходила в школу. А мы с братом Петей еще были малы. Подарил он голубую общую тетрадь с серебряными буквами на обложке, пенал с ручкой, карандашом и резинкой и коробку цветных карандашей. Может, он вез этот подарок всем детям, но все забрала Шура, а мы с братом, наверное, жаловались, что нам ничего не досталось из подарка. Потом с этим пеналом ходил в школу Петя, а после него уже и я».

Вспомнила Любовь Александровна, что от прежних хозяев дома (какой-то конторы) у них еще оставался в квартире телефон, и о своем приезде, как она полагает, Булгаков сообщил по телефону. Оказывается, телефон появился в городе еще до революции. Пользоваться телефоном их семье в 1920-х годах пришлось не очень долго, его бывшие хозяева все же забрали.

Много и других интересных подробностей вспомнилось, которым тогда было трудно поверить. Так мне, например, казалось, когда Любовь Александровна вспоминала рассказы своего отца о его приезде в Евпаторию и встрече с Булгаковым в 1911 г., о судьбе братьев писателя и других уехавших за границу родственников. К сожалению, пока это только устные рассказы, слышанные от родителей и других родных, не подкрепленные какими-либо документами. Но в июне 2005 г. вместе с Л.А. Минаковой довелось побывать у ее дальней родственницы, имеющей отношение и к семье Бредихиных. Кое-что о Бредихиных читатель узнает в этой книжке, но здесь сообщу и некоторые новые сведения.

Родственные связи семьи Булгаковых, если не считать ближайших родственников писателя, оказались очень обширны и по настоящее время никем систематически не изучены. В «Жизнеописании Булгакова» М. Чудаковой упоминаются Покровские и Ткаченко. Бредихиных никто не упоминает, и вот теперь благо-

даря Л.А. Минаковой узнаю, что кроме крымских Бредихиных, были также киевские. Сохранилась икона «Матерь Божья», на которой имеется запись о том, что она посылается Надежде Васильевне Ткаченко и Григорию Васильевичу Миронюку как благословение в день их венчания 15 августа 1911 г. от Марии Дмитриевны Бредихиной из Киева. Н.В. Ткаченко — родная сестра А.В. Ткаченко, отца Л.А. Минаковой. Наверняка подобная икона посылалась и на свадьбу Екатерины Булгаковой в мае 1911 г., и вполне возможно, через Михаила Булгакова. Думаю, эти факты, не являясь прямым доказательством, делают все более достоверными сведения о приезде писателя в Евпаторию в 1911 году, да и другие рассказы Л.А. Минаковой. В последнее время выявляется ряд обстоятельств, хоть и косвенным образом, но подтверждающих, что сведения Минаковой заслуживают дальнейшего изучения. Так, в крымском архиве найдены сведения об евпаторийце Александре Булгакове, 1898 г.р., однокотке брата писателя Николая Булгакова. По семейным преданиям, он в 1920 году помог Николаю после тяжелого ранения уйти из Крыма за границу.

За эту память стоит еще раз поблагодарить Александра Васильевича Ткаченко. Когда я смотрю на его фотографии последних лет жизни, мне легко представляется, каким мог быть облик Булгакова, если бы он дожил до таких лет. В фотографии Ткаченко 1920-х годов мне тоже что-то напоминает облик писателя, видятся какие-то общие родственные черты. В самые трудные годы А.В. Ткаченко верил, что Михаила еще вспомнят. И как мог, эту веру и то, что знал и помнил сам, старался передать дочери. Случайно или нет, но они свой человеческий долг выполнили, внесли свой вклад в историко-культурное наследие Евпатории и Крыма. С полным основанием на стене дома №12 по ул. Урицкого, где побывал писатель, теперь находится памятная доска.

Много раз я перечитывал фельетон Булгакова «Сильнодействующее средство», и со временем все больше удивлялся, почему раньше он казался всего лишь литературной безделушкой, забывшей о Евпатории. Эта короткая «пьеса» — совершенное в своем жанре произведение, и его хоть сейчас можно разыграть на сцене с самыми лучшими артистами. Думаю, что в «Театральном романе» Булгаков литературно, по законам жанра, приукрасил начало своего пути к театральной сцене МХАТ. Ныне теоретизирования на эту тему посвящены уже многие толстые тома. На самом деле начальным толчком послужил, скорее всего, именно этот фельетон «Гудка», а потом его прочитали в МХАТе и увидели в Булгакове «своего» автора. И все это скрыто всего лишь за одним словом «Евпатория» в «Театральном романе».



М.А. Булгаков. 1926.

Предлагаемая книжка состоит из статей автора, они публиковались в различных крымских изданиях в разное время. Был соблазн на их основе составить обычное «гладкое и причесанное» краеведческое повествование. Но это бы не отразило поиск и находки, ошибки и просчеты, открытия и удачи. Поэтому пусть читатель простит за возможные повторы и навязчивые темы, зато сохранится подлинность изложения событий, открывших новое видение крымской темы в жизни и творчестве писателя.

Одной из навязчивых тем является неоднократное обращение в этих статьях к городским чиновникам с предложением переименовать улицу в честь Михаила Булгакова*. Но при этом оказалось, что многие чиновники и депутаты, публично выражая поддержку этой идее, подписывая обращения граждан к властям по этому поводу, после выборов «меняют» свое мнение в угоду сиюминутным политическим выгодам. Ситуация с улицей Михаила Булгакова в Евпатории и сегодня, в год 120-летия писателя является проблематичной, напоминая пресловутую «проблему русского языка», которая всплывает перед выборами и уходит в «тень» после их проведения.

Другое дело, когда «булгаковские дела» решают не чиновники, а культурная и научная общественность. Большая поддержка была оказана московским Центром-музеем «Булгаковский Дом» и Крымским Центром гуманитарных исследований. С их помощью Евпаторийским культурно-просветительским обществом имени Анны Ахматовой были проведены впервые в Крыму Булгаковские научные чтения. «Булгаковский дом» привез свою выставку сначала в Евпаторию, а на следующий год в гораздо расширенном варианте уже в Симферополь.

В Симферополе прошли и вторые Булгаковские чтения, уже в рамках международного научного симпозиума, и они будут проводиться в Крыму ежегодно. Булгакова теперь изучают в рамках школьных и вузовских программ, а его жизнь и творчество во многом связаны с Крымом. Поэтому неудивителен интерес к нему и со стороны крымчан, интересующихся историей и краеведением, и со стороны преподавателей, студентов и школьников. Автор сам был свидетелем такого интереса и бурных дискуссий, как с участием специалистов, так и читателей всех возрастов в Евпатории и Симферополе.

Отметим, что «крымский взгляд» на Булгакова зачастую отличается от привычных убеждений известных булгаковедов. Это

*Не решен этот вопрос и ныне в 2016 году. Об этом см. стр. 224?

связано с тем, что многие события Октябрьского переворота, Гражданской войны, особенно в Крыму, долгие годы были забыты или закрыты для изучения. Много нового открывается только сегодня, на многие события давних лет мы тоже теперь смотрим по-другому. И сам писатель, как и почти все его соотечественники, о многих событиях своей жизни не мог рассказать без опасности для своего существования. Как отмечает исследователь Борис Соколов в книге «Михаил Булгаков: загадки судьбы»: «Документов, связанных с Булгаковым, от этого периода практически не сохранилось, да и сам он в силу ряда обстоятельств не был заинтересован в том, чтобы прояснить ряд моментов своей биографии».

В этом направлении имеется большое поле для дальнейшего изучения и поиска, и автор надеется, что его книга в этом смысле не только будет интересна для широкого круга читателей, но и поможет будущим исследованиям краеведов, историков, литераторов и всех, кто увлечен Булгаковым. Можно не сомневаться, что о писателе и его произведениях нам еще предстоит узнать много нового. Крымская тема в этом связи принесет нам еще много открытий.

Автор благодарит за поддержку и помощь Ирину Яковлевну Горпенко-Мягкову, руководителя научно-методического отдела Центра-музея «Булгаковский дом» (Москва) и сотрудников ТНУ города Симферополя.

Особую благодарность за поддержку и доброжелательное отношение автор выражает редакциям газет «Литературный Крым» (Симферополь) и «Литературная газета+Курьер культуры: Крым-Севастополь», а также редактору газеты «Евпаторийская здравница» Нине Борисовне Щербаковой.

Автор также благодарит за внимание и доброжелательное отношение к своим работам известного булгаковеда, автора «Жизнеописания Михаила Булгакова» доктора филологических наук Мариэтту Омаровну Чудакову (Москва).

На начальном этапе помощь и поддержку оказывал краевед-любитель, историк по образованию В.М. Заскока (Евпатория), однако обязанности госчиновника и депутата горсовета вынудили его отказаться от сотрудничества.

Апрель 2011

ЕВПАТОРИЯ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Евпаторийская загадка Михаила Булгакова

Бывал ли Михаил Афанасьевич Булгаков в Евпатории? Когда я спрашивал об этом знакомых краеведов, то получал ответ, что все может быть, но, скорее всего — нет. Связь писателя с городом следует, поэтому искать не в факте возможного визита, а прежде всего в его творчестве.

Жизненный путь М.А.Булгакова был труден. Он родился 3 (15) мая 1891 г. в Киеве, и был первым ребенком в семье, имевшей шесть детей. Отец его был в то время доцентом Киевской духовной семинарии, а мать посвятила себя воспитанию детей.

После окончания гимназии и университета в военное время 1916 г. Михаил Афанасьевич начал работать врачом в киевском госпитале Красного Креста. Тогдашние события российской жизни быстро развеяли мечты о «воле, деньгах, силе, славе». Многое описано в рассказах Булгакова, и прежде всего в «Записках юного врача».

Революционное время он пережил в Киеве, и эти события отразились потом в романе «Белая гвардия» и пьесе «Дни Турбинных». Вихри гражданской войны вовлекли его, вольно или невольно, в белое движение как военного врача. События революции и гражданской войны Булгаков пережил как трагедию России и свою личную.

На исходе гражданской войны он оказался на Северном Кавказе. В это время, как вспоминала его первая жена, Булгаков ей сказал: «Я печатаюсь», а она ответила: «Ну поздравляю, ты же всегда этого хотел». В грозненских и владикавказских газетах 1920-х годов и появились первые рассказы и статьи Булгакова. В советское время о них старались не вспоминать: сотрудничество с «белыми» не шло на пользу писателю. Но в конце 1980-х была найдена статья Булгакова «Грядущие перспективы» (осень 1919 г.), где революция и гражданская война восприняты писателем как социальное безумие, за которое придется долго и дорого платить. Один из выводов: западные страны быстро вознесутся «на невиданную еще высоту мирного могущества, а мы так сильно

опоздаем, что никто из современных пророков, пожалуй, не скажет, когда же, наконец, мы догоним их и догоним ли вообще?».

К середине февраля 1920 г. белые на Кавказе были разгромлены. Из-за тифа. Булгаков остался во Владикавказе, а когда выздоровел, то уже оказался при советской власти. Прошлое надо было скрывать. С этого времени профессия врача была оставлена навсегда, и Булгаков пришел к своему истинному призванию — литературе. Литературная работа была самая разнообразная — заметки, фельетоны, рецензии, написание и постановка пьес, преподавание в студиях, лекции.

Но приспособиться к новой жизни было непросто. Вскоре он оказался в поле критики как «буржуазный элемент». Начались скитания — Баку, Тифлис, Батум, Киев и, наконец, в конце 1921 г. — Москва. Здесь Булгакову пришлось начинать с нуля в литературном и житейском смысле. Трудно было найти хорошую работу, жилье. Сам писатель в письме матери жизнь в Москве представлял так: «...идет бешеная борьба за существование и приспособление к новым условиям жизни». В рассказе «Сорок сороков» он потом напишет: «... я словно проснулся. Я развил энергию, неслыханную, чудовищную. Я не погиб, несмотря на то, что удары сыпались на меня градом».

В период 1921-26 гг. Булгаков работал во многих газетах, которые часто возникали и лопались. В те же годы рождались роман «Белая гвардия», повести «Собачье сердце», «Роковые яйца», «Дьяволиада».

К этому периоду относится публикация в газете «Гудок» фельетона на евпаторийскую тему (3 января 1924 г.). Прочитав его сегодня, читатель удивится, как близки, оказывается, нам те события: учителям и сейчас неохотно платят зарплату! Кроме того, интересно стремление Булгакова к «театральной» форме в таком виде вроде бы простом деле, как написание фельетона по письму — жалобе в газету.

После выхода романа «Белая гвардия» и других произведений росла известность Булгакова как писателя. В то же время началось его сотрудничество с МХАТом во главе со Станиславским. В итоге — многолетние аншлаги спектакля «Дни Турбиных». Пьесы его шли не только в Москве. Правда, чем больше было пьес, тем труднее они пробивались к зрителю.

В 1925 г. Булгаков совершил поездку в Крым, в Коктебель — к М. Волошину. Волошин был едва ли не единственным, кто по достоинству оценил роман «Белая гвардия». «Как дебют начинающего писателя ее можно сравнить только с дебютом Достоевского и Толстого», — написал он в марте 1925 г.

Булгаков гостил у Волошина больше трех недель, а перед отъездом хозяин подарил ему свою акварель с надписью «Дорогому Михаилу Афанасьевичу, первому, кто запечатлел душу русской убоицы, с глубокой любовью». Потом Булгаков побывал в Ялте и Севастополе. Впечатления от поездки описаны в рассказе «Путешествие по Крыму».

К началу 30-х годов резко ухудшились уже и театральные дела. Причина проста: все его произведения были запрещены. В прессе СССР за десять лет его литературной работы было три похвальных отзыва и 298 враждебно-ругательных... В своем отчаянно смелом письме Правительству СССР от 28 марта 1930 г. Булгаков просил или отпустить его за границу или дать работу в МХАТе. 18 апреля ему позвонил сам Сталин... Писателю дали возможность работать в театре у Станиславского. Но уже никогда при жизни его не печатали и не ставили его новых пьес.

Булгаков еще писал пьесы, инсценировки русской и зарубежной классики, режиссировал и даже выступал актером, но в итоге ушел из МХАТа — для полноценной работы над романом «Мастер и Маргарита» и «Записки покойника» («Театральный роман»).

И вот в «Театральном романе» находим упоминание о Евпатории. Описывая свои первые впечатления о жизни театра, герой Булгакова рассказывает о работе «заведывающего внутренним порядком»: «С течением времени я начал понимать, чего просили у Филиппа Филипповича. У него просили билетов... С течением времени я понял, что он руководится вовсе не внешним видом людей и, конечно, не их засаленными бумажками. Были скромно, даже бедно одетые люди, которые внезапно для меня получали два бесплатных места в четвертом ряду, и были какие-то хорошо одетые, которые уходили ни с чем. Люди приносили громадные красивые мандаты из Астрахани, Евпатории, Вологды, Ленинграда, и они не действовали или могли подействовать только через пять дней утром, а приходили иногда скромные и молчаливые люди и вовсе ничего не говорили, а только протягивали руку через барьер и тут же получали место».

Следует вспомнить, что роман писался в 1936-37 гг. о событиях 1925-26 гг., и если «Белая гвардия» создавалась в традициях «Войны и мира» Л.Н.Толстого, то в упомянутом выше письме Правительству СССР писатель сам характеризует себя так: «М.Булгаков стал сатириком, и как раз в то время, когда никакая настоящая (проникающая в запретные зоны) сатира в СССР абсолютно немыслима... **Всякий сатирик в СССР посягает на советский строй.** Мыслим ли я в СССР?»

Последние два романа, особенно «Театральный», тем не менее, в значительной степени содержат элемент сатиры. Вот и в приведенном отрывке фактически описывается в сатирическом виде, как в то время происходило распределение жизненных благ. Тема эта была бо́льшая и для самого писателя. На примере маленькой театральной «конторы», маленького администратора показан общий принцип: негласность, неизвестность, безличность, записочки и телефонные звонки. И чтобы никто не знал, как и почему, и за какие заслуги.

Но с точки зрения краеведа интересен мотив появления маленькой тогда курортной Евпатории в ряду таких знаменитых российских городов как Ленинград, Вологда, Астрахань. Что-то этим Булгаков хотел подчеркнуть, может, какую-то связь театра с этими городами? И что за люди могли быть из Евпатории? Что за громадные красивые мандаты они приносили?

Любопытно: прототипом главного героя «Театрального романа» Максудова является сам Булгаков, и все остальные имеют реальных прототипов — Станиславского, Немировича-Данченко и других. Филипп Филиппович — это главный администратор театра Федор Николаевич Михальский. Поэтому скорее всего упомянутые люди с красивыми мандатами из Евпатории были на самом деле, и цепкая память писателя удерживала это в памяти много лет, чтобы вдруг создать такую достоверную картину.

До самой смерти, он находился под странным обаянием телефонного разговора со Сталиным, и его фразы: «Нам бы надо встретиться, поговорить с Вами...» Но встречи не было, ответа на письма тоже. Все же в начале 1932 г. возобновили спектакль «Дни Турбиных», известно, что и Сталин не раз бывал на спектакле МХАТа.

Но здоровье писателя, подорванное лишениями в годы революции и гражданской войны и нервными перегрузками, уже нельзя было вернуть. «С июня 1930 г. я хвораю тяжелой формой нейростении с припадками страха и предсердечной тоски и в настоящее время я прикован. Во мне есть замыслы, но физических сил нет, условий, нужных для выполнения работы, нет никаких», — писал Сталину Булгаков в мае 1931 г. «Причина моей болезни — многолетняя затравленность, а затем молчание». В этот период вопрос о необходимости лечения, конечно, он обсуждал с родными и близкими, друзьями и знакомыми — а такие болезни вполне соответствовали профилю санаториев нашего города. Но серьезно заняться лечением Булгаков так и не смог.

Остаток жизни был отдан двум последним романам. Особенно упорно работал писатель над «Мастером и Маргаритой»,

с 1928 г. и до самой смерти от нефросклероза 10 марта 1940 г. Известно не менее пяти редакций романа, который Булгаков считал своим главным произведением. Известно, что 13 февраля 1940 г. он все еще над ним работал.

Крымский мотив есть и в этом романе. Директора московского театра варьете Степу Лиходеева сверхъестественным образом Воланд забрасывает в Ялту, Крым является одним из мест действия пьесы «Бег», которой М. Горький предсказывал «анафемский успех». Так что тема «Булгаков и Крым» еще ждет своего изучения.

2002



Евпатория середины 1920-х — начала 1930-х годов

Михаил Булгаков и Евпатория

С творчеством Михаила Афанасьевича Булгакова мне довелось познакомиться еще подростком в начале 1960-х годов. Новая книга в темно-синей обложке, предложенная знакомой библиотечкой в новосибирском Доме офицеров, содержала «Записки юного врача», «Жизнь господина де Мольера» и «Записки покойника (Театральный роман)». Потом в середине 60-х в журнале «Москва» появился роман «Мастер и Маргарита», принесший писателю запоздалую посмертную славу. К началу 90-х появилось и первое пятитомное собрание сочинений, а к 2000 г. в Москве в издательстве «Голос» вышел большой 10-томник.

К этому времени я уже несколько десятилетий был жителем Евпатории и иногда интересовался у знакомых краеведов, бывали ли Булгаков в Евпатории. Сведений об этом не было, но один из друзей, краевед и историк В.М. Заскока, заинтересовался моими аргументами и предложил написать об этом статью.

Она была опубликована в евпаторийской газете «Трибуна» №6(март 2002 г.), правда в сокращенном и отредактированном виде. В частности была опущена самохарактеристика Булгакова (...я — МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ), данная в эпиграфе статьи. Не вошел в публикацию и вывод о загадочной, мистической связи писателя с Евпаторией, сделанный на основе анализа фельетона «Сильнодействующее средство» и эпизода из «Театрального романа». Ведь у Булгакова каждое слово всегда со смыслом, часто неоднозначным. Любил он и розыгрыши, например, работая в «Гудке» в 20-х годах, несколько раз подписывал публикации псевдонимом Г.П. Ухов, пока в редакции не разразился скандал.

Кроме того, предполагалось, что вместе со статьей будет опубликован и вышеупомянутый фельетон, и это значительно усилило бы во многом эмоциональные и интуитивные моменты статьи. Также мне казалось, что булгаковское слово будет более убедительным для читателя. Но редакция фельетон решила не печатать, и публикация получилась, на мой взгляд, неполноценной и в какой-то степени разочаровала. Жизнь пошла дальше, и это забылось.

Спустя некоторое время в местной и республиканской прессе стали появляться публикации о родственниках Булгакова в

Крыму, и в Евпатории в частности (Евпаторийская здравница от 10.07 2002, от 13.07.2004, Брега Тавриды №1 2004 г. и др.). К сожалению, подавалось все это журналистом-«булгаковедом» в стиле желтой или бульварной прессы, с претензией на сенсацию, и уснащалось обилием нелепиц и заведомо неверных сведений. Поскольку я не журналист и не краевед, а просто научный работник (кандидат технических наук), интересующийся жизнью и творчеством Булгакова, то следуя совету булгаковского профессора Преображенского практически не читаю прессу. О публикациях я узнал в начале лета 2004 г., когда мне позвонила родственница М.А. Булгакова.

Это оказалась Любовь Александровна Минакова (урожденная Ткаченко), 1919 г.р., почти всю жизнь проживающая в Евпатории по адресу ул. Урицкого, 12, кв. 1. Потом я бывал у нее дома, и мы много беседовали. Любовь Александровна — прекрасная русская женщина, простая и душевная, прожившая трудную жизнь честно и с достоинством. Много лет работала медсестрой, и хотя не имеет высшего образования, ее врожденная интеллигентность, прекрасная речь и хорошая память сразу обращают внимание.

Она тоже критически относится к вышеупомянутым публикациям, инициатором которых была не она, а ее подруга, педагог и литератор Ада Харитоновна Эренграсс. В ее возрасте бульварные сенсации мало волнуют, но ей хотелось бы оставить память о пребывании М.А. Булгакова в Евпатории. К сожалению, никаких документов, подтверждающих это, у нее не сохранилось. Поэтому, прежде чем изложить те сведения, сообщенные Л.А. Минаковой, которые, на мой взгляд, заслуживают внимания, следует отделить зерна от плевел вышеупомянутых публикаций.

Например, из публикации в «Брегах Тавриды» у неискушенного читателя может создаться впечатление о «поездках писателя к Антону Павловичу Чехову в Ялту», чего, увы, не было. Впервые Булгаков в 1925 г. посетил Ялту и дом-музей Чехова, умершего в 1904 г. Отец Л.А. Минаковой не был «красным партизаном» и не получал в этом качестве «уютный домик на берегу моря». В Коктебель к Волошину М.А. Булгаков с женой Л.Е. Белозерской выехал в начале июня из Москвы, а не из села Кара-Найман, как предполагается в этой же публикации.

Версия о поездке Булгакова в Кара-Найман на волах (ЕЗ от 13.07.2004) рассмешила Л.А. Минакову, писателю, как она помнит по рассказам отца, нашли конный транспорт, хотя и не сразу. В связи с историей о спасении брата Булгакова Николая отметим пока, что это не могло быть в 1922 г. (ЕЗ, там же), т.к. достоверно известно, что в 1920 г. Николай был уже за границей.

Родители Булгаковых не могли эмигрировать из России в конце 1917 (ЕЗ, там же), поскольку отец умер в Киеве в 1907 г., а мать там жила до своей смерти в начале 1922 г. Возможно, слухи о спасении Николая или другого брата имеют какое-то основание, но все же «булгаковедам» следует соотносить слухи и свои фантазии с реально установленными фактами и документами.

Из воспоминаний Л.А.Минаковой после нескольких долгих бесед выделим следующие сообщенные ею факты.

Ее бабушка Мария Сергеевна Булгакова была двоюродной сестрой отца М.А. Булгакова. Поэтому, если она не ошибается с отчеством бабушки, которая умерла в 32 года, то ее прадед был Сергей Авраамович, родной брат Ивана Авраамовича, деда семьи Булгаковых по отцу Афанасию Ивановичу.

Ее дедушкой был Василий Алексеевич Ткаченко, у них с Марией Сергеевной было пятеро детей: три дочери — Вера, Надежда, Любовь и два сына — Владимир и Александр. Последний сын, Александр Васильевич Ткаченко 1888 г.р. — отец Л.А.Минаковой, до революции он с женой Евдокией Федоровной проживал в Петербурге (Петрограде), служил поручиком. По семейным воспоминаниям, принимал участие в революции на стороне большевиков. Однако в 1919 г. он отправляет семью из голодного Петрограда к родственникам в Крым. В дороге на станции Лозовая 3 октября родилась Любовь Александровна. Потом добрались к родственникам — в село Кара-Найман (ныне Крыловка Раздольненского района Республики Крым), где по окончании гражданской войны к ним присоединился и глава семьи. В начале 1923 г. переехали в Евпаторию, где в конце 1923 отец арендовал дом по нынешнему адресу Л.А.Минаковой, однако затем от этого отказался, и за семьей осталась часть дома.

По семейным воспоминаниям, в марте 1925 г. у них около недели гостил М.А.Булгаков, затем отправился в Кара-Найман, к местному целителю А.И. Глушко, хорошему знакомому отца Л.А.Минаковой.

Кроме некоторых детских впечатлений Любовь Александровна твердо помнит, что в 1964 г. ее отец, уже больной, обращался к Глушко и она сама по просьбе отца читала ему ответное письмо. И там были строки: «Саша, ты просишь, чтобы я тебе помог. Но мне 92-й год, и я сам нуждаюсь в помощи. Что касается Михаила Булгакова, то пойми, сколько ему было лет и сколько тебе сейчас. И потом, я не помню диагноз, от чего я его лечил и чем, ведь прошло столько лет...»

Среди семейных фотографий долгое время сохранялся снимок примерно 1910-11 г., М.А.Булгаков и А.В. Ткаченко стоят вдво-

ем. Любовь Александровна точно не может вспомнить, в Киеве или Крыму был сделан снимок. Возможно, ее отец и М.А. Булгаков были в Крыму на свадьбе родственницы Екатерины Ивановны Булгаковой. В семье долгое время хранилось приглашение на свадьбу. Но после смерти родителей фотографии были у брата Л.А. Минаковой, а после его смерти пропали. Не сохранились и письма.

Используя эти сведения, я провел их предварительный сравнительный анализ с известными фактами и документами, используя «Жизнеописание Михаила Булгакова» М.Чудаковой, дневники и письма Булгакова (с.с. т.10 изд. «Голос») и его произведения этого периода. В результате прихожу к заключению, что вероятность посещения Булгаковым Евпатории (возможно, и не раз), довольно велика. Также вполне вероятно, что он посещал село Кара-Найман и целителя Глушко.

Обоснования этим выводам следующие.

1) Возвращаясь с Кавказа после краха Белой армии Булгаков писал сестре Надежде из Тифлиса 2 июня 1921 г. «Может быть, окажусь в Крыму...». Затем был батумский период и мысли поехать в Константинополь. И, как напишет затем в «Записках на манжетах»: «Через море и море, и Францию — сушу — в Париж!». А ведь его братья Николай и Иван разными путями и судьбами, в разное время, но через Крым, ушли за границу и добрались в Париж!

Вполне возможно, что в 1923-25 гг. эти мысли еще посещали Булгакова, и он мог побывать в Евпатории, в Кара-Наймане, встречаться с родственниками, попытаться узнать о том, как его братья перебрались за границу и есть ли теперь такая возможность. Некоторым подтверждением служит упоминание в письме к сестре Надежде от 24 марта 1922 г. о том, что: «Работой я буквально задавлен. Не имею времени писать и заниматься, как следует, франц<узским> яз<ыком>». Но зачем в полуживой и голодной Москве того времени нужен был французский?

Про Николая в «Жизнеописании» сказано только: «... он оказался в Крыму, где был тяжело ранен, еле выжил, и затем училище (юнкеров — прим. автора) было эвакуировано на «Рионе» в 1920 году». В настоящее время известно письмо (от 16 января 1922 г.) Николая Афанасьевича Булгакова (1898-1966) из Загреба матери, полученное ею незадолго до смерти. Там есть строки: «После довольно бедственного года, проведенного в борьбе за существование, я окончательно поправил свои легкие и решил снова начать учебную жизнь. Но не так легко это было сделать: понадобился целый год службы в одном из госпиталей, чтобы окончательно стать на ноги». Много позже братья смогли

переписываться, помогать друг другу, но многие обстоятельства крымского периода в жизни Николая и другого брата Ивана остаются неизвестными.

Близкие отношения у Булгакова были с двоюродным братом Костей (Константин Петрович Булгаков 1892-?), известна их переписка этого периода. В «Жизнеописании» Чудаковой (журнальный вариант) указано, что не позже ноября 1921 г. Костя, заехав из Петербурга в Москву к Булгакову, уехал в Киев, а затем также оказался за границей! Подробных сведений, как это произошло, пока я не нашел, как и в случае братьев Булгакова. Но Чудакова или ошиблась датой или в журнале «Москва» опечатка. В дневнике Булгакова от 18 октября 1923 г.: «Сегодня Константин приехал из Петербурга. Никакой поездки в Японию, понятное дело, не состоится, и он возвращается в Киев». Таким образом, Костя в конце 1923 г. еще был в Киеве.

В связи с этим интересно отметить, что в конце 30-х годов, как сообщила Л.А.Минакова, ее отец был репрессирован, и у него выбивали признание, что он японский шпион. В ее семье это всегда считали нелепой глупостью, но в «Жизнеописании» упоминается, что родители Кости находились в Японии и часто присылали ему посылки. Если чекистам были известны родственные связи Булгаковых с семьей А.В.Ткаченко, то их логика становится понятной. Весьма вероятно, что полная информация о поездках Булгакова находится в архивах КГБ.

2) После жизненных невзгод 1916-22 гг. плохое состояние здоровья беспокоит Булгакова, и он часто об этом сообщает в письмах и дневнике.

Так, в письме сестре Надежде в 1923(?) году, он пишет: «... доктора нашли, что у меня поражены оба коленные сустава... Что будет дальше — не знаю, моя болезнь (ревматизм) очень угнетает меня».

В дневниковых записях: 24 мая 1923 г. «21 апреля я уехал из Москвы в Киев и пробыл в нем до 10-го мая. В Киеве делал себе операцию (опухоль за левым ухом)».

18 октября 1923 г. «Сегодня был у доктора, посоветоваться насчет боли в ноге. Он меня очень опечалил, найдя меня в полном беспорядке. Придется серьезно лечиться».

19 октября 1923 г. «Сегодня вышел гнусный день, род моей болезни таков, что на будущей неделе мне придется слечь».

6 ноября 1923 г. «Страшат меня мои 32 года и брошенные на медицину годы. У меня за ухом дурацкая опухоль [...] уже два раза оперированная. Из Киева писали начать рентгенотерапию. Теперь я боюсь злокачественного развития. Боюсь, что шалая, обидная, слепая болезнь прервет мою работу».

В письме П.Н. Зайцеву 31 мая 1924 г.: «...все как полагается, приходит сразу, лежу с припадком аппендицита».

Дневник 26 августа 1924 г. «Был у проф. Мартынова по поводу моей гнусной опухоли за ухом. Он говорит, что в злокачественность ее не верит, и назначил рентген».

Хотя Булгаков постоянно обращался к врачам, как видно, избавившись от болезней было не просто, и он вполне мог побывать в Евпатории, с целью хотя бы узнать о возможности курортного лечения, могли его уговорить обратиться и к целителю. Откуда пришло улучшение, сведений я не нашел, но в дневнике запись от 23 декабря 1924 г.: «Сейчас я работаю совершенно здоровым, и это чудесное состояние, которое для других нормально, — увы — для меня сделалось роскошью, это потому, что я развинулся несколько. Но, в основном, главном, я выздоравливаю, и силы, хотя и медленно, возвращаются ко мне. С нового года займусь гимнастикой, как в 16-ом и 17-ом году, массажем и к марту буду в форме».

*** Есть неуместная раздражительность. Все из-за проклятого живота и нервов. Записи о своем здоровье веду с единственной целью: впоследствии перечитать и выяснить, выполнил ли задуманное».

Из детских воспоминаний Л.А.Минаковой: «Дядю Мишу видели мало, а в комнату к нему не пускали, говорили, что у него болит живот». В семье также сохранялась память, что целитель Глушко лечил Булгакова от желудочных болей. Как видим, это не противоречит имеющимся свидетельствам, приведенным выше. Каков был результат визита к целителю, если он был в марте 1925 г., можно только гадать, но вскоре Булгаков перенес операцию аппендицита, которую делал тот же проф. Мартынов. Точной даты операции найти пока не удалось, было это в середине мая 1925 г. Через месяц Булгаков вместе с новой женой Л.Е. Белозерской отправились в Коктебель к Волошину. В дальнейшем, по крайней мере, на несколько лет жалобы на здоровье прекратились, а в 1926 г. писатель с женой отдыхал у друзей на подмосковной даче в Крюково и был в хорошей физической форме, купался, играл в теннис и т.д.

3) С учетом новой информации я еще раз проанализировал имеющиеся литературные источники, и в первую очередь фельетон «Сильнодействующее средство», опубликованный в газете «Гудок» 3 января 1924 г. Следует отметить, что это газета железнодорожного ведомства, и ее работники наверняка имели льготы на поездки ж.д. транспортом. Возникает вопрос, писался ли фельетон в Москве по письму в редакцию или фельетонист побывал

на месте действия? При этом следует учесть, что имя героини учительницы школы ликбеза на ст. Евпатория Южных железных дорог Клавдии Войтенко, урожденной Манько (см. 182 стр.), наверняка не вымышлено, и факт имел место, и кто-то должен был проверить этот факт, иначе могло быть опровержение. Конечно, были рабкоры, но вряд ли рабкор поехал бы из Евпатории за 70 км в Симферополь проверять обстоятельства этого дела. А именно в Симферополе происходит действие фельетона, хотя этот город прямо не назван.

Характеризуя «кабинет крымского культотдела» Булгаков пишет: «Накурено, тесно и паршиво». Мог бы он, недавний врач белой армии, так написать, не видя это лично. Ведь тогда был риск, что его обвинят в умышленном очернении советской действительности! И риск бессмысленный...

И здесь обнаруживается любопытная деталь, что вряд ли могла быть в письмах, но хорошо знакома жителям Евпатории, или приезжим, которые, имея дело в Симферополе, должны возвращаться в Евпаторию. Число пригородных поездов зимой резко снижается, и опоздав, трудно будет вернуться другим способом.

Поэтому в фельетоне Войтенко волнуется по этому поводу: «Мне, голубчик, на поезд надо. Опоздаю я». И через некоторое время: «... (волнуется). Мне в Евпаторию надо, я опоздаю». Конечно, эту деталь в фельетоне можно объяснить гениальным воображением Булгакова, или что ему кто-то рассказал, или что он изучил расписание поездов, в том числе и пригородных и т.д. Нафантазировать можно много чего...

Но наиболее вероятно, что в конце 1923 г. (скорее всего в декабре) сам Булгаков проследовал по маршруту Москва-Симферополь-Евпатория, проверил факты и встретился с героями своего будущего фельетона. Эту поездку он мог использовать и для встречи с родственниками в Евпатории или Кара-Наймане. А упомянутую деталь произведения он мог запомнить на собственном опыте поездок. Недаром в «Жизнеописании» отмечается, что писатель любил «переносить в свой текст точные прототипические детали».

Так мне одно время казалось, но затем я проанализировал все известные материалы Булгакова-журналиста, и особенно за период работы в «Гудке». Обнаруживается, что если материал основан на письме в редакцию или письме рабкора, то это обязательно отмечается либо цитатой, либо эпиграфом, т.е. Булгаков дает понять, что пишет в редакции и основываясь на чужом сообщении. Бывают публикации явно юмористического, шутливого характера, и тогда имена вымышлены так, что читатель легко

это понимает. Но в «Сильнодействующем средстве» эти моменты явно отсутствуют, из чего следует, что всю ответственность за материал Булгаков берет на себя. В эпиграфе читаем: «Если К. Войтенко не уплатят жалованья, пьеса будет отправлена „Гудком“ в Малый театр в Москву, где ее и поставят». Но тогда можно усмотреть некоторую нелогичность в том, что сильнодействующим средством оказывается только намерение героини написать в «Гудок», и если она этого не сделала, то непонятно, как узнали об этом в газете?

И тут пришло решение этой загадки! Конечно, не было письма в редакцию от Войтенко или от рабкора, да и сам факт вряд ли посчитали бы достойным того, чтобы командировать Булгакова в Евпаторию.

А что же тогда было, спросит читатель. А была поездка Булгакова в Евпаторию к родным и вполне булгаковская история. Основные ее моменты теперь возможно реконструировать.

В середине 1923 г. Булгаков становится штатным фельетонистом «Гудка» (до этого работал обработчиком писем). В декабре этого года «Гудок» публикует 12 числа его фельетон «Лестница в рай» и 25 числа большой (для газеты) рассказ «Налет», эпизод гражданской войны. Следующей публикацией в самом начале 1924 г. и было «Сильнодействующее средство». Известно, что писатель был в Москве перед самым Новым годом и там же его встречал. Значит, поездка в Евпаторию была между 12 и 25 декабря. Дневниковые записи за период после 6 ноября 1923 г. до 8 января 1924 г. отсутствуют (хотя они могут быть утрачены).

Приезд к родным в Евпаторию не мог остаться незамеченным среди родственников и знакомых, тем более дела у столичного журналиста Булгакова складывались в этот период удачно. Узнав о его пребывании в Евпатории к нему обращается со своей бедой К. Войтенко, тем более, что ее дело тоже имеет отношение к железнодорожному ведомству. Известно, что Булгаков всегда по возможности помогал людям, к нему обращавшимся, хотя бы советом.

Как видно, он внимательно разобрался в этом деле, недаром сказано в характеристике Войтенко, у нее «в руках какие-то бумаги». Из содержания фельетона следует, что работала Войтенко учительницей школы ликбеза станции Евпатория, но платить ей должен был крымский культотдел, вероятно относящийся к другому ведомству, и в силу каких-нибудь бюрократических трений, не платили ни те, ни другие. Ситуация была близка и знакома Булгакову, и не могла не вызвать сочувствия. Ему и до этого приходилось, и в будущем пришлось тоже зачастую «выбивать» оплату за свой труд.

Как видно, Булгаков побывал в Симферополе, возможно вместе с Войтенко, и детально описал в фельетоне место действия. Скорее всего, не обошлось без розыгрыша, возможно Булгаков как-то «сыграл» роль столичного журналиста.

В Симферополе, конечно, Булгакову обещали, что зарплату выплатят, поэтому виновные в фельетоне не названы конкретно. И тут возникает интересная коллизия: уедет Булгаков, Войтенко опять не будут платить, и как тогда будет выглядеть писатель в этом деле? Михаил Афанасьевич находит остроумный выход, по приезду в Москву убеждает редакцию, что и честь «Гудка» может пострадать, и человеку необходимо помочь, так что «пьесу» немедленно публикуют. Адресат К. Войтенко указан точно, и теперь она знает, что «Гудок» следит за ее делом, а Булгаков сделал все возможное. Во избежание лишних домыслов указано, что «учительница неопределенного возраста».

Кроме того, по этой «пьесе» его могли заметить руководители МХАТ, ведь спустя год с небольшим ему предложили написать уже настоящую пьесу! Теперь ясно, что в целом это виртуозная журналистская работа, о которой и сам писатель, наверное, вспоминал с удовольствием. А заодно и о Евпатории сохранились приятные впечатления.

4) Другой раз Евпатория упоминается в «Театральном романе» в эпизоде, связанном с Еленой Сергеевной, будущей женой писателя, и ее сыном Сергеем. Перечень городов, из которых могли приехать люди с мандатами и требовать билеты на спектакль МХАТ, содержит Астрахань, Евпаторию, Вологду, Ленинград. Зная творчество Булгакова, нельзя допустить, что этот перечень случаен, взят с «потолка». Скорее всего, писатель хотел передать привет этим городам, родственникам или друзьям. Ведь не вспоминает он здесь Владикавказ, Батум или Тифлис, где приходилось бедствовать.

Например, в Ленинграде жили такие друзья Булгакова, как писатель Е.И. Замятин. Булгаков восхищался Ленинградом и в письме Замятину 27 сентября 1928г. писал: «Вспоминали поездку на взморье. Ах, Ленинград, восхитительный город!»

В Астрахани у Булгакова, возможно, тоже были друзья, с которыми связано романтическое воспоминание Елены Сергеевны Булгаковой (см. ее письмо к А.С. Нюренбергу от 13 февраля 1961 г.).

В Ленинграде М.А. Булгаков бывал не раз, а вот что связывало его с Астраханью, Вологдой и бывал ли он в этих городах, было бы интересно узнать!

Можно только добавить, что до революции Евпатория была популярным местом отдыха актеров и работников МХАТ, они

даже имели дачи. Какой-то период и после революции эта связь с Евпаторией сохранялась.

Астрахань и Вологда могли снабжать МХАТ рыбными или другими съестными деликатесами, к которым и работники театра, и сам писатель были равнодушны.

Выводы. Из проведенного анализа, который далеко не исчерпывающий и основан на ограниченных источниках, можно вывести некоторые версии, гипотезы и предположения. Вероятность реализации той или иной версии может быть оценена только субъективно, пока нет точных фактов и документов.

С субъективной точки зрения автора данной статьи, вероятность того, что Булгаков посетил Евпаторию в декабре 1923 г., равна 100%. Подтверждающим документом является фельетон «Сильнодействующее средство» с учетом приведенного выше анализа и сведений от Л.А. Минаковой. Возможно, что именно об этой поездке сохранялась память в семье Ткаченко и в детских воспоминаниях Л.А. Минаковой, т.к. в точности даты иногда она не уверена, но хорошо помнит, что это было холодное время года и «дядя Миша был в черном пальто или плаще». Однако в последнюю нашу встречу Любовь Александровна настаивала на дате март 1925 г., и если это точно, то даты не сходятся.

Тогда должна быть другая поездка в Евпаторию ориентировочно в марте 1925 г., хотя из «Жизнеописания» и имеющихся документов следует, что в январе-марте 1925 г. Булгаков был очень занят в Москве. Поэтому, на основании воспоминаний Л.А. Минаковой следует допустить, что такая поездка могла состояться в холодное время года с 1924 по весну 1925 г. Вероятность этой другой поездки я оцениваю 50%.

Следовательно, имеются серьезные доказательства, что Булгаков был в Евпатории и, возможно, не раз в период 1923-25 гг. Оснований не доверять воспоминаниям Л.А. Минаковой я лично не вижу. Просто за давностью лет информация о точной дате могла быть утрачена, ведь в семье Ткаченко ничего не документировалось. Но сам факт посещения Булгаковым семьи Ткаченко в Евпатории я также считаю установленным с вероятностью 100%.

Эти обстоятельства были известны А.Х. Эренграсс, и, ознакомившись с моей публикацией в «Трибуне», она обратилась, по свидетельству Л.А. Минаковой, к представителю прессы. Однако довести это дело до логического завершения (как в случае с Анной Ахматовой, память которой — проезд Ахматовой и памятная доска, сохраняется в Евпатории благодаря усилиям А.Х. Эренграсс), она не успела.

Поэтому в заключение хочется обратиться к властям Евпатории и городскому голове А.П. Даниленко, много сделавшим к юбилею для внешнего имиджа города. Не меньшее значение имеет и внутренний, духовный имидж Евпатории, и хорошо, что были и есть такие люди, как А.Х. Эренгросс, Л.А. Минакова, которых заботит и эта важная составляющая жизни города.

С этой точки зрения было бы неплохо, чтобы в городе появилась улица Булгакова (и памятная доска тоже), и еще лучше, если она будет пересекаться с улицей Гоголя. Булгаков считал Гоголя одним из своих учителей и старался продолжить в литературе гоголевские традиции. На могиле Булгакова в Москве ныне находится гранитная глыба, голгофа, снятая с могилы Гоголя при установке нового памятника. Гоголь был его любимый писатель. А голгофа некогда была привезена в Москву из Крыма...

Автор благодарит В.М. Заскоку за помощь, поддержку и полезные дружеские обсуждения.

Автор надеется, что вместе с этой публикацией будет напечатан и булгаковский фельетон, как документ, доказывающий факт посещения писателем Евпатории.

30 августа 2004 г.



Евпатория - здание Горсовета, современный вид

СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩЕЕ СРЕДСТВО

Пьеса в 1-м действии

Если К. Войтенко не уплатят жалованья, пьеса будет отправлена «Гудком» в Малый театр в Москву, где ее и поставят.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Клавдия Войтенко, учительница неопределенного возраста. В шубке и шапочке, в руках какие-то бумаги.

Крымский культотдельщик, среднего возраста, симпатичный. Одет в рыжий френч и такие же штаны.

Курьер из культотдела, 50 лет.

Сцена представляет кабинет крымского культотдела. Накурено, тесно и паршиво. Одна дверь. На первом плане стол с телефоном и чернильницей. Над столом — три плаката: «Если ты пришел к занятому человеку — ты погиб», «Кончил дело — гуляй смело», «Рукопожатия отменяются раз и навсегда».

Культотдельщик сидит за столом и задумчиво смотрит в зрительный зал. У двери, на стуле, курьер. Полдень.

Курьер. О-хо-хо... (*Кашляет.*)

Пауза.

Дверь открывается, и входит Войтенко.

Курьер. Куды? Куды? Вам кого?

Войтенко. Мне его. (*Указывает пальцем на культотдельщика.*)

Курьер. Они заняты, нельзя.

Войтенко (*застенчиво*). Ну, я подожду.

Курьер. Сядьте тут, только не шумите.

Войтенко садится на стул. Пауза.

Войтенко (*шепотом*). Чем же он занят? Никого нету.

Курьер. Это нам неизвестно. Может, они думают... Что к чему...

Пауза.

Войтенко. Мне, голубчик, на поезд надо. Опоздаю я. Может, тыб сказал ему...

Курьер. Ну, ладно. Доложу.

Идет к столу и кашляет. Пауза. Кашляет.

Кульототдельщик (*очнулся*). Уйди, Афанасий, ты мне надоел. (*Задумался.*)

Курьер (*вернулся*). Ну вот... я ж говорил... а ну вас к богу.

Войтенко (*волнуется*). Мне в Евпаторию надо, я опоздаю. (*Идет к столу, кашляет.*)

Кульототдельщик (*рассеянно*). Уйдешь ли ты, Афанасий? (*Поднял глаза.*) Пардон! Выко мне?

Войтенко. К вам, извините...

Кульототдельщик. С кем имею честь?

Войтенко (*приседает*). Позвольте представиться: учительница школы ликбеза на ст. Евпатория Южных железных дорог Клавдия Войтенко, урожденная Манько.

Кульототдельщик. Тэк-с. Что же вам угодно, урожденная Манько?

Войтенко (*волнуется*). Изволите ли видеть, я еще за август сего года жалованья не получала.

Кульототдельщик. Гм... Какая история! Вы, наверное, списков не прислали.

Войтенко (*устало*). Какое там не прислали! Присылали. (*Вертит какие-то бумаги.*) Список прислали, и профуполномоченному нашему евпаторскому я говорила... двадцать раз.

Кульототдельщик. Гм... Аф-фанасий.

Курьер. Чего изволите?

Кульототдельщик. Потрудись узнать, где список на жалование урожденной Манько!

Пауза. Курьер возвращается.

Курьер. Нету урожденной... (*Кашляет.*)

Кульототдельщик. Ну, вот видите!

Войтенко. Позвольте, что ж я вижу? (*Волнуется.*) Это вы должны видеть! Если у вас пропадает...

Кульототдельщик. Виноват-с... Прошу быть осторожнее. Это вам не Евпатория.

Войтенко (*начинает плакать*). С... августа... месяца... сего бегаешь... ходишь... ходишь...

Кульототдельщик (*растерялся*). Прошу не плакать в присутственном месте.

Курьер. Наплачут полные комнаты, а вытирать мне... Только и делаешь, что с тряпкой бегаешь. (*Ворчит неразборчиво.*)
Войтенко рыдает.

Культоотдильщик. Прошу вас успокоиться!

Войтенко рыдает.

Культоотдильщик. Подайте другие списки!
Войтенко (сквозь *бурные рыдания*). Я на вас жалобу подам в КаКа.

Культоотдильщик (*обиделся*). П-пожалуйста... Хоть в КаКа, хоть в РеКаКа. Не испугаете!

Войтенко. В «Гудок» напишу!! Как вы...

Культоотдильщик (*бледный как смерть*). Виноват... Хе-хе. Зачем же так? Э... Спешить? Афанасий!! Стакан воды урожденной Манько. Присядьте, прошу вас. Хе-хе, экая вы горячка!.. Сейчас... Фрр! Фрр! «Гудок»! Афанасий! Сбегай к Марь Ивановне. Скажи, чтоб был список. Со дна моря чтоб его достала. Хе-хе. Знаете ли, бумаг целая гибель, голова кругом идет.

Войтенко просыхает, вытирает глаза платочком.

Курьер (*входит*). Нашлось. (*Протягивает бумагу.*)

Культоотдильщик (*с торжеством*). Ну, вот видите, и нашлось. Хе-хе. А вы сейчас плакать... «Гудок»!.. Вот мы вам сейчас резолюциюку напишем... Чирк перышком, и готово... Выдать деньги.

Войтенко (*совсем высохла*). Я уж надежду потеряла!

Культоотдильщик. Что вы! Что вы! Никогда не следует терять надежду!.. Вот с этой резолюцией прямо, потом направо, потом опять направо, потом налево, там отдадите...

Войтенко (*сияет*). Благодарю вас, благодарю вас!

Культоотдильщик. Что вы, помилуйте, это мой долг! А «Гудок» — это, знаете, ни к чему. Ну зачем раздувать факты. Аф-фанасий! Проводи! (*Приятно улыбается.*)

Занавес

Впервые опубликовано в газете «Гудок» 1924 г., 3 января. Подпись: «Михаил Б.».

Источник: М.А. Булгаков. Собрание сочинений в пяти томах. Том второй. Москва,

«Художественная литература», 1992 г. Стр. 366–369.

Булгаковская история

У каждого, кто когда-то приобщился к творчеству Михаила Булгакова, могла произойти связанная с этим какая-нибудь интересная, в духе Булгакова, или, проще говоря, булгаковская история. Но обычно нам просто попадается книга, мы ее читаем, обсуждаем с кем-то, потом что-то остается в памяти, что-то уходит навсегда. Если о книге и авторе остались положительные эмоции, то в дальнейшем встречи с его творчеством будут подобны встречам с хорошим и верным другом.

Автору этих строк книга Булгакова встретила еще в начале 1960-х, и предложил ее прочитать подростку человек, знающий толк в книгах. Книга была прочитана с интересом, но тогда больше привлекала научная фантастика, путешествия и приключения. Со временем в памяти остались кое-какие эпизоды из «Записок юного врача». Из жизнеописания Мольера запомнилось, что он как-то враждовал или боролся с церковниками.... Мало запомнилось из «Театрального романа», т.к. его события и герои были странны, незнакомы и необычны. Что-то малопонятное, но с налетом сказочности в духе Гофмана, одного из любимых мной писателей...

Через несколько лет произошла новая встреча с Булгаковым, с его «Мастером и Маргаритой». Будучи уже студентом первого курса вуза в Хабаровске, журнал «Москва» прочитал одним из первых в библиотеке, сразу отдал читать друзьям и потом долго и с трудом разыскивал, чтобы вернуть в библиотеку. Этот роман Булгакова сразу стал легендарно популярен, хотя тогда мало кто его читал, но все жаждали прочитать. В те времена хорошую книгу приобрести было очень тяжело, к тому же наступали времена брежневско-сусловской идеологии, и Булгаков явно в нее не вписывался. Интересы студента технического вуза, а затем инженера, тоже были далеки от литературных.... Помню, что книг Булгакова на прилавках магазинов не находил. «Мастера и Маргариту» издали книгой в 1973 г., без 159 купюр журнальной публикации, но достать ее было трудно.

И все же Булгаков постепенно входил в культурную жизнь советского государства. Где-то стали появляться его пьесы в театрах, кинематограф представил свои версии «Дней Турбиных», «Бега», комедии «Иван Васильевич» с лучшими нашими режиссерами и киноактерами. Интересно, что сам Булгаков кино не любил, и относился к нему иронически.

О жизни и условиях творчества Михаила Булгакова в то время мы почти ничего не знали. А на западе давно издавали и изучали Булгакова. У нас же даже литературоведы, до поры до времени, мало что могли опубликовать на эту тему.

Обстановка изменилась с наступлением перестройки. Идеологическая цензура ослабла, стали издавать Бухарина и Троцкого, Солженицына, Сахарова и многих других бывших «врагов народа» и диссидентов.... Вполне возможно, что это делалось в угоду Западу, с прицелом на горбачевское нобелевское лауреатство...

Но на этом фоне стали приоткрываться и кладовые русской советской и русской зарубежной литературы, до той поры обычному советскому гражданину совсем неведомые. Вот тогда появились труды Мариэтты Чудаковой, много лет изучавшей жизнь и творчество Булгакова. Сначала сборник «Воспоминания о Михаиле Булгакове», а затем полноценное «Жизнеописание Михаила Булгакова».

В эти времена я работал в Евпатории инженером, учился в заочной аспирантуре и часто бывал в Москве. Один из научных руководителей жил на улице Малой Бронной, совсем недалеко от Патриарших прудов (тогда Пионерских). Иногда я бывал у него в гостях. Добирался обычно из Подмосковья, от станции Крюково (как потом узналось, и в этих местах бывал Булгаков) электричкой до Ленинградского вокзала, затем на метро от станции Комсомольской до станции Маяковская. Выходишь, и перед тобой площадь Маяковского, справа улица Горького (теперь Тверская), и идешь от нее вниз, мимо Консерватории и Театра Сатиры, и вскоре сворачиваешь налево.

Всегда было такое впечатление, что попадаешь в другой мир. Где-то, совсем рядом толпы спешащих, озабоченных москвичей и приезжих, непрерывные потоки машин, а здесь почти тишина, редкие прохожие, мало автомобилей, нет автобусов и троллейбусов. Один из домов по левой стороне был изукрашен фанатскими надписями поклонников Булгакова (уже появились), напоминавшими о проживании здесь писателя. Было, кажется, и кафе с булгаковской тематикой. Времени на экскурсии у меня не было, дел в Москве хватало, и я просто пробегал дальше, надеясь, что когда-то удастся спокойно здесь еще побывать. Далее справа открывались пруды, хотя на самом деле водоем был один, и довольно в запущенном в те времена состоянии. Нигде тогда никаких памятных табличек или досок о Булгакове не было. Пробегал и я мимо прудов, и тоже с мыслью, что когда-нибудь будет время их рассмотреть. Но как это часто бывает, времени так и не нашлось, а с тех пор почти десять лет прошло, и в Москве бывать уже не пришлось.

Но и на бегу и в спешке всегда думалось о том, что попал в подлинно булгаковские места, где часто бывал писатель и, как видно, на него тоже эти места производили особое впечатление. Отдаленно у меня всегда мелькала мысль, что и с Евпаторией Булгакова что-то связывало, я это почему-то знал с детских лет, но что вызывало эту мысль, тогда вспомнить никак не удавалось.

Конец 1989 года я проводил в Москве, время перед самым Новым годом было занято трудами и заботами, много было чертежей и подготовки своих материалов к защите. Друзья, у которых я остановился, уехали встречать Новый год в Ленинград, и меня никто не отвлекал. Новогодние гуляния в тот раз были не для меня, в первой декаде января назначили защите, и только вечером после трудов праведных я позволял себе чтение для отдыха. У хозяев квартиры был томик Булгакова с его «Белой гвардией», до того времени мной не прочитанной.

До конца роман и в тот раз не удалось прочитать, но с тех пор осталось впечатление, что очень неплохо встречать Новый год вдали от суеты и обывательских забот, по вечерам за неторопливым чтением одного из лучших, и возможно, недооцененных романов двадцатого века....

После Нового года я перебрался поближе к институту, в Менделеево под Москвой, рядом там город Зеленоград и станция Крюково. И институт, и поселок, окружены сосновым лесом, огромными необхватными деревьями, высокими до невероятности, и закрывающими небо. Гостиница, где жил, располагалась на вершине холма, на опушке этого леса. Навсегда запомнился вечер, как ни странно, перед самым рождеством. Уже днем разыгралась сильная метель, а к вечеру все усиливался ветер, снег как-то необычно закручивался вихрями, между деревьев иногда возникали огромные вращающиеся снежные столбы. Ближе к ночи снег повалил еще сильнее, и ветер усилился, пурга и метель кружили голову даже не проникая через оконное стекло. Вдруг началась гроза, но беззвучная, никаких раскатов грома не было. Вспышки происходили внутри леса, на мгновение все освещалось белым светом в одном месте, и тут же гасло и вспыхивало в другом месте. Гроза длилась около получаса, оторваться от этого зрелища, которое случается увидеть раз в жизни, было невозможно. После грозы, в двенадцатом часу, все же пошел спать, на завтра было много дел.

Утром было тихо, морозно и солнечно. Тропинка к институту шла через лес, по дороге попались два поваленных грозой дерева. Их стволы разрывались вблизи корня как будто от внутреннего взрыва. Недавнее чтение «Белой гвардии» навевало сравнение природных явлений с социальными и житейскими потрясениями. Не всегда и не всем удается благополучно пройти или хотя бы пережить связанные с ними испытания. Но тогда не было и мысли о том, что и нашему поколению вскоре предстоит утратить большую Советскую Родину, также как в начале века герои романа Булгакова утратили Российскую Империю....

Защита прошла удачно, приглашали остаться работать в институте. Но жизнь сложилась так, что я вернулся в Евпаторию. Потом начались смутные времена, иногда многие из нас оказывались на грани выживания. Многое в произведениях Булгакова стало близким и понятным. По мере возможности все эти годы читал и перечитывал те вещи Булгакова, что попадались изредка, читал и литературу о писателе и о том времени. По телевидению прошел фильм «Собачье сердце», много писали о съемках фильма «Мастер и Маргарита» с участием Анастасии Вертинской и других известных артистов, но уже происходил распад советского кинематографа и фильм в наших краях не появился. Невольно опять вспомнилось, что Булгаков не любил кино и не любил чужих переделок его произведений.

Полного Булгакова у меня все не было, но многие годы хотелось перечитать все и систематически, тогда, думал, и вопрос с Евпаторией может как-то решиться.

И вот в самом конце прошлого века (фраза эта звучит для нас еще малопривычно) на предновогоднем евпаторийском толчке удалось приобрести желаемый пятитомник, изданный в 1990-92 году к столетнему юбилею писателя. Так что через десять лет Новый год вновь встречал за недочитанной тогда «Белой гвардией», как будто продолжил прерванную беседу с давним, хорошим другом. Потом внимательно, не торопясь, прочитал все пять томов. Стало ясно, что упоминание о Евпатории мне встретилось при первом чтении в детстве «Театрального романа», и это как-то связало в памяти Булгакова и Евпаторию. Для меня Евпатория всегда была родным городом, здесь провел часть раннего детства, потом бывал в гостях у родственников, окончив вуз, стал жителем Крыма в этом городе. Память человеческая избирательна, бывает, непредсказуемо себя ведет, многое забывается или хранится где-то в глубине, и вдруг всплывает неожиданно.

Когда же при дальнейшем чтении собрания сочинений обнаружился фельетон Булгакова на евпаторийскую тематику, это заинтересовало еще больше, хотя раньше такими загадками никогда не занимался. Теперь в разговорах с нашими краеведами стал интересоваться, что им известно о том, бывал ли Булгаков в Евпатории. Как оказалось, кто-то ничего не знал, другие, ссылаясь на книгу «Булгаков и Крым» уверенно утверждали, что Булгаков не был в Евпатории, т.к. там ничего не написано. Под воздействием одного из друзей, в конце концов, свои соображения и предположения изложил в статье в евпаторийской газете «Трибуна».

К сожалению, как часто бывает, редакция решила «улучшить» статью, разумеется, в сторону урезания. Урезали заодно и весь булгаковский фельетон «Сильнодействующее средство», который я уже рассматривал как важнейший документ, указывающий на то,

что Булгаков мог побывать в Евпатории. Поэтому посчитал тогда публикацию неудачной, и вскоре о ней забыл, были и другие дела.

Но недаром сказано, нам не дано предугадать, как наше слово отзовется....

Как оказалось, в Евпатории все это время жил человек, у которого тоже была своя булгаковская история, гораздо интереснее и продолжительнее, длившаяся уже почти восемь десятков лет. И наступил момент, когда, благодаря пусть даже не совсем удачной публикации, наши истории пересеклись.

Статья все же что-то сдвинула с мертвой точки, появились после этого другие публикации (о которых я не знал), в чем-то тоже не очень удачные, наверное, в первую очередь каким-то поверхностным отношением и неглубоким проникновением в обстоятельства жизни и творчества Булгакова. Но это тоже были шаги вперед.

Помню, что вначале я не очень внимательно отнесся к тому, что просила позвонить женщина по поводу статьи о Михаиле Булгакове. Через несколько дней позвонил, познакомились по телефону, и Любовь Александровна Минакова предложила прочитать последние публикации в крымской прессе о Булгакове и его родственниках. Это было мудрое предложение, если бы потом я не позвонил, то для меня на этом вся история и закончилась бы. Но это была булгаковская история, и через неделю я позвонил, побывал в гостях у Любови Александровны, и мы сидели в комнате, в которой, будучи в Евпатории, несколько дней жил Булгаков.

Любовь Александровна Минакова, которой в октябре того года исполнилось 85 лет, несмотря на это, прекрасная собеседница, сохранившая память о многих событиях, и не только своей жизни. Как-то сразу мы нашли общий язык. Я откровенно ей рассказал, что мне не понравилось в публикациях на булгаковскую тему, какие ошибки там обнаружил. В то же время я быстро понял, что Любовь Александровна — живой, искренний человек, она может заблуждаться, ошибаться, но готова и признать свою ошибку, если ей становится ясно, в чем она состояла. Но если что-то Любовь Александровна твердо знает или помнит, то она от этого никогда не откажется. В публикациях же проскальзывала двусмысленность, какое-то недоверие, мол, столько лет прошло....

При первой встрече договорились, что я буду время от времени приходить, и будем вместе обсуждать и анализировать все имеющиеся источники, из которых главнейшими я считаю те материалы Булгакова и о нем самом, что уже опубликованы и доступны, и то, что сохранила в своей памяти Любовь Александровна. Работа была не такая простая, здоровье Любови Александровны не позволяет ей переутомляться, а мы увлекались и часто беседовали почти полдня.

Краткое знакомство с Булгаковым состоялось у Любви Александровны еще в раннем детстве. Что-то сохранилось в памяти как детские воспоминания о приезде дяди Миши, что-то вспоминалось из рассказов родителей. Любовь Александровна честно сразу отметила, что всю жизнь она не придавала этому событию особого смысла, и только в последние годы узнала о значении творчества Булгакова, о том, что теперь многих людей интересуют и его произведения, и события его жизни.

В самом деле, ее биография — это обычная жизнь обычной советской женщины в провинциальном курортном городке. Советская школьница в двадцатых-тридцатых годах, потом дальнейшая учеба и работа, замужество, семья, ребенок, семейные и домашние заботы и хлопоты, потом война со всеми ее тяготами и страданиями, возвращение в освобожденную Евпаторию, налаживание новой жизни. Литературой тогда не увлекалась, да и не до того было. Но хорошо помнит, что у отца была небольшая книжка Булгакова в серой обложке, которую, как и книгу стихов Есенина, он не оставлял на виду. Держал ее за томами энциклопедии. Но она эту книжку даже не брала в руки и так и не читала. При аресте отца в 1938-м книги, именное оружие, некоторые вещи, забрали сотрудники НКВД.

Да и Булгаков при жизни в обойму известных и уважаемых властью писателей не входил. Сначала с помощью цензуры его запретили как писателя, потом к цензуре присоединились и многие собратья по перу, чтобы запретить и все его пьесы. В провинции и так мало что знали о писателе Булгакове, а еще меньше о драматурге Булгакове. В газетах же он писал чаще под псевдонимом, и закончилось это в 1924 г. А к середине тридцатых Булгакову позволялось работать только либреттистом для музыкальных спектаклей и опер. Несколько десятилетий Булгаков как бы не существовал для советской литературы.

В самом конце 1940 г. отец Л.А. Минаковой вернулся из застенков НКВД, измученный, искалеченный, больной. Каким-то образом, находясь в тюрьме, он узнал о смерти Михаила Булгакова. Еще Любовь Александровна вспоминает, что иногда отец рассказывал о повести «Собачье сердце» и о том, что посвящена она дяде Михаила, известному в Москве врачу. Повесть эта в то время так и не была издана. Поэтому знать о ней отец мог либо от Михаила (что более вероятно), либо от кого-то из сокамерников. Там было много образованных и начитанных людей, а «Собачье сердце» Булгаков читал на литературных вечерах и встречах, направлял в несколько издательств, давал читать знакомым.

В эти годы Любовь Александровна бывала в Евпатории наездами, в 1938 году она вышла замуж за летчика Сергея Минакова,

и находились они теперь под Ленинградом, в Петергофе. Начало войны застало их в Таллине, куда мужа временно откомандировали, и возможно это спасло от блокады. С маленьким сыном эвакуировалась в Саранск. Много было трудностей, и сына воспитывала, и работала на разных должностях в авиачастях. Удача иногда их вспоминала, в Саранске потом оказались и родители. Мать работала медсестрой, а отец — механиком по ремонту автомобилей, которые сам перегонял на передовую. Обиды на советскую власть не держал, а дочери говорил, что Родина у человека только одна, и что бы ни случилось, другой уже никогда не будет.

Удачей было и то, что в Крым, а потом и в освобожденную в 1944 г. Евпаторию возвращались все вместе с авиачастью, в которой работала Любовь Александровна. Муж погиб в 1942 г. на фронте, и надо было начинать новую послевоенную жизнь. Потом было второе замужество, рождение второго сына, трудовые будни медсестры в здравницах Евпатории. Постарели родители, надо было и им помогать.

И вот в конце жизни отец стал вспоминать Михаила, спрашивал дочку, помнит ли она его приезд. Иногда что-нибудь вместе вспоминали. Отец писал в Кара-Найман лекарю Глушко, который был мужем их дальней родственницы, видно тоже что-то просил вспомнить о приезде Булгакова. Об этом письме уже рассказывалось в предыдущих публикациях. Его Любовь Александровна запомнила наизусть, потому что отец тогда тяжело болел и просил ее читать письмо вслух. Еще помнит свой сон тех времен, где-то они идут с братом Петей и дядя Миша их держит за руки ...

Я спросил Любовь Александровну, было ли такое на самом деле? Нет, это только сон. Было все по-другому. Много раз обсуждали мы эпизоды, сохранившиеся в памяти Любви Александровны, и наверное все, что можно еще вспомнить, она уже рассказала. Видели они с братом дядю Мишу всего два раза. В день приезда он вошел в их комнату вместе с матерью, мать сказала, что приехал дядя Миша и поживет у них. Дядя Миша их потрепал по головкам, а потом мать сказала, что дяде Мише надо отдохнуть, он нездоров, и его не надо беспокоить. Последующие дни дети его не видели, он уходил рано утром, а приходил, когда они уже спали. Помнит, как отец говорил матери, что они пойдут с Михаилом к родственнице тете Поле.

Второй раз встретились с дядей Мишей накануне его отъезда. Наверное, он спросил детей, что бы они хотели в подарок. И что могли хотеть маленькие дети в то не очень сытое время? Каких-нибудь сладостей, которые они видели не часто. И они пошли с дядей Мишей в ближайший магазин. Он был недалеко от их дома, на перекрестке нынешних улиц Гоголя и Кирова, назывался ма-

газин Эринджека и торговал любыми товарами. Тут, вспомнив о рассказанном сне, я поинтересовался, вел ли их дядя Миша за руку. Оказывается, нет, Любовь Александровна запомнила, что они с братом сначала семенили сзади. В магазине был невысокий продолговатый прилавок овальной формы. Он был разделен на сегменты и разделял сладости по сортам (халва, изюм, карамель и т.д.). Конечно, именно он притягивал детей, когда они попадали в магазин. Наверняка его запомнили многие евпаторийцы, чье детство пришлось на тот период. Дядя Миша купил им по кулечку карамелек, и они вернулись домой.

Какой смысл в этих подробностях, спросит нетерпеливый читатель? И будет неправ. Именно благодаря этим путешествиям в глубины человеческой памяти открылась одна деталь, многое сразу уточнившая и разъяснившая. Любовь Александровна после наших бесед, чтения моей последней публикации, призналась, что раньше не думала о таких деталях, не считала их важными. Но поскольку я дотошно и внимательно ее расспрашивал о, казалось бы, мелких и незначительных подробностях, то это и ее постепенно настроило на внимательное и критическое отношение к анализу того, что осталось в памяти.

И вот незадолго до написания этих строк, в начале нашей очередной беседы, Любовь Александровна сказала: «А знаете, вы правы насчет даты приезда Михаила Булгакова. Я все вспоминала, почему я посчитала, что это было в марте 1925 года?



*Александр Васильевич Ткаченко.
1911 г.*

В это время у нас в семье было другое событие, родители решили отказаться от аренды всего дома, наверное, были об этом разговоры, и потом в семье вспоминали это событие и эту дату. Но в 1925 году мне было пять с половиной лет, я уже была большая, мама меня посылала в морпорт относить отцу на работу обед.

И помните тот прилавок со сладостями? В то время я уже сама могла выбрать и купить их себе, а вот когда были с дядей Мишей, помню, что держалась руками за край прилавка и все тянулась опереться подбородком на этот край, чтобы заглянуть и рассмотреть, что

там есть. Так что все правильно, это могло быть только в 1923 году, я была маленькой, недавно исполнилось четыре года. И в Евпаторию после революции он приезжал один раз, иначе наша семья знала бы. От родственников и от отца я знаю, что был он еще до революции в 1911 году на свадьбе Екатерины Булгаковой. Мой отец тоже был на этой свадьбе, и у нас долго хранилось красивое приглашение на эту свадьбу. Но потом отдала на хранение родственникам, а они теперь не могут его найти».

Все же недавно Любовь Александровна показала мне другое приглашение на ту же свадьбу. Оно нашлось у другой ее родственницы, Т.Н. Бредихиной¹. Но то приглашение, о котором вспоминает Любовь Александровна, было большего размера и более красочно оформлено. Как видно, сделали два варианта этих приглашений, более простое, небольшого размера, для родственников и приглашенных, живущих в Крыму, и большего размера, родственникам в другие города. Булгаковым в Киев, Ткаченко (отцу Л. А.) в Петербург ...

Следует заметить, что никакие известные на сей день сведения, не противоречат тому, что в конце мая 1911 года Булгаков побывал на свадьбе, познакомился там с Александром Ткаченко. Вместе с Михаилом мог и Ткаченко заехать в Киев, так как вспомнить, где они были сфотографированы, в Крыму или Киеве, Любовь Александровна не может. Но здесь мы все более вступаем на зыбкую почву догадок и предположений, а потому продолжим булгаковскую историю Л.А. Минаковой.

После войны, как и у всех, были у нее радости и горести, много пришлось трудиться, забот и в семье и на работе всегда хватало. Дети росли, учились, а ее родители старели.... Отец умер в 1964 году, мать пережила его не надолго. Время летело все быстрее, и вот уже разъехались дети в разные края, потом случилось несчастье с мужем. Его смерть на совести тогдашних городских властей, считает Любовь Александровна. Ради своих корыстных интересов оскорбили ветерана войны, да так, что сердце его не выдержало. Потом приезжали, просили прощения, соболезновали. Но кому нужно это фальшивое и поддельное сочувствие.

Подошел и пенсионный срок, и осталась Любовь Александровна уже одна. В советское время, пока была еще помоложе, хватало сил на общественную работу. Стала читать книги, любила отечественную классику, Тургенева, Толстого, и классику приключенческого жанра. В конце 70-х и начале 80-х прочитала несколько произведений Булгакова, и, как она искренне призна-

¹ Более точно, Т.Н. Горкун (урожденная Миронюк), а Бредихина — фамилия ее матери.

Иванъ Карловичъ
и
Агрипина Несторовна
Бумаковы

покорнѣйше просятъ Васъ почитать своимъ присут-
ствиемъ бракосочетаніе дочери ихъ

Екатерины

съ

Андреємъ Павловичемъ Шкоровымъ,

имѣющее быть во Вторникъ 31-го Мая 1911 года въ час. веч., свадебный вечеръ въ дер.
Куль-Сеитъ.

Павелъ Фабриловичъ
и
Александра Нормановна
Шкоровы

покорнѣйше просятъ Васъ почитать своимъ присут-
ствиемъ бракосочетаніе сына ихъ

Андрея

съ

Екатериной Ивановной Бумаковой,

Приглашение на свадьбу. 1911 г.

ется, была разочарована. Интерес вызвал только роман «Белая гвардия», а вот «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце», «Рокковые яйца» были ей непонятны, для чего они написаны, в чем замысел автора? Говорила она об этом с некоторым смущением, ведь многие теперь изливают свои восторги, затронув эту тему.

Когда мы об этом говорим, я ее успокаиваю, ведь это была, в общем-то, обычная реакция обычного советского человека, привыкшего совсем к другой литературе и другому отношению к литературе. В советское время литературное произведение не оценивалось как произведение искусства, культурное явление — главными критериями были приемлемость для советской цензуры и одобрение властей. И это десятилетиями фильтровало, формировало и сформировало вкусы общества. Или полную безвкусицу, которую можно рассматривать как логический итог советского периода воспитания вкусов. С другой стороны, советские власти запретами создавали ажиотажный спрос, например, на Солженицына. Но вот он издан, ажиотаж на запретный плод исчерпал себя, и теперь не сразу найдешь книгу Солженицына среди тьмы тьмущей дамских романов, детективов, сериалов и прочих сиюминутных поделок. К настоящей, подлинно художественной литературе доступ непросто во все времена и по многим причинам, а память обывателя очень коротка. И советские власти, и последующие, каждая по-своему, стремились и стремятся к обществу с короткой памятью. На такое общество и рассчитана нынешняя массовая литература и шоу-бизнес. Чудо уже то, что Булгакова пока издают и помнят, ведь скольких уже забыли повторно, после краткого периода «перестройки»....

Но не всех и не всегда удастся исковеркать, среди таких людей и Любовь Александровна Минакова. Она осознала, что ценность Булгакова не отменяется отношением к нему и его творчеству отдельного человека, ценность эта определяется местом в общечеловеческой культуре. Просто долгое время считала, что известные ей сведения о Булгакове, о его посещении Евпатории, сейчас никому не интересны.

Все же был в ее жизни эпизод, в результате которого в городе некоторый круг знакомых узнал о ее родственных отношениях, пусть и дальних, с семьей Булгаковых. Как-то на общественной работе от совета ветеранов дежурила в продуктовом магазине. Отмечала тех ветеранов, что по своим карточкам получали продукты, был и такой период в нашей истории. Подошла знакомая, вместе с которой Любовь Александровна работала одно время, и в руках у нее был двухтомник Булгакова. «Вы любите Булгакова?», «Да, я очень, очень его люблю!», отвечала знакомая.

«А вот я многое у него не понимаю, хотя и его родственница», сказала Любовь Александровна. «Как родственница? Ведь и я родственница...». Тут они поняли, что много лет прожив в одном городе, больше года работая в одном санатории, не знали о своем родстве. Теперь они поддерживают отношения, бывают друг у друга в гостях, на именинах и праздниках, обсуждают и булгаковскую тему. Оказалось, что страх и недоверие, укоренившиеся в советский и особенно сталинский период истории, на многие десятилетия заглушали в людях и родственные чувства, и родственные связи. Еще недавно многим приходилось заполнять анкеты с вопросами: Есть ли родственники за границей? Находился кто-то из родственников в оккупации? И т.п. Мой отец не раз мне говорил, что его карьере военного во многом мешал тот факт, что его родители находились в Крыму весь период немецкой оккупации. И это приходилось указывать в анкетах. Не помогало и то, что сам он честно прошел всю войну с самого начала и дошел до Берлина.

Поэтому и сейчас многие, достаточно пожилые люди, рассуждают так: «Сегодня я всем рассказываю, что я родственник Булгакова, а завтра новая власть опять объявит его врагом народа, и кем я тогда окажусь?»

Можно только уважать мужество Любви Александровны Минаковой, ведь без ее активной гражданской позиции важный эпизод в истории Евпатории был бы утрачен. Промелькнули бы в газетах публикации с жиденькой сенсацией о родственниках Булгакова, и так бы все и заглохло.

Пока же есть необходимость подвести некоторые итоги и внести уточнения, отметив то, что стало понятнее, и то новое, что появилось после предыдущей нашей публикации («Литературный Крым», 30 октября 2004 г., №36-37).

Теперь считаем достоверно установленным фактом, что Михаил Булгаков был в Евпатории в гостях у семьи Александра Васильевича Ткаченко, отца Л.А. Минаковой, в середине декабря 1923 г.



*Александр
Васильевич Ткаченко
в 1920-х годах.*

Пробыв в Евпатории около недели, он выехал в село Кара-Найман вместе с А.В. Ткаченко. Транспорт, взятый на время у родственников Бредихиных, служила повозка, переделанная из бывшей кареты, запряженная двумя лошадьми. Уехали рано утром, когда дети еще спали. На другой день А.В. Ткаченко вернулся домой верхом, пригнав лошадей, а повозка осталась в Кара-Наймане. Булгаков же в конце декабря был в Москве, где и встречал Новый, 1924 год. А 3 января 1924 года в газете «Гудок» опубликован



*Вскоре после войны 1941 — 1945 гг.
Снимок сделан около террасы дома №12 по ул. Урицкого.*

фельетон Булгакова «Сильнодействующее средство», связанный с Евпаторией и Симферополем.

Недавно обнаружил еще одно интересное обстоятельство. В комментарии к письму Михаила родной сестре Вере от 23 января 1923 г. сообщается, что в годы гражданской войны Вера оказалась в Симферополе и прожила там несколько лет. Данное письмо было адресовано ей в Киев, куда она приехала (или вернулась совсем?). В нем Михаил уговаривает ее остаться в Киеве: «Я очень обрадовался, узнав, что ты в Киеве. К сожалению, из телеграммы не видно — совсем ли ты вернулась или временно? Моя мечта, чтобы наши все осели бы, наконец, на прочных гнездах в Москве и Киеве». Но у Веры Афанасьевны уже была своя семья в Симферополе. Скорее всего, в конце 1923 года она была в Симферополе, и Михаил, по пути из Кара-Наймана в Москву, вполне мог у нее побывать. Возможно, эти обстоятельства заинтересуют кого-нибудь из симферопольцев, и мы узнаем что-то новое? В Интернете на сайте «Булгаковская энциклопедия» сообщается, что в начале 1920-х Вера Афанасьевна Булгакова (1892-1972, в некоторых источниках 1893) вышла замуж за Николая Николаевича Давыдова (1898-1971), потомка знаменитого Дениса Давыдова, и уехала из Киева в Симферополь. В середине 1920-х они переехали в Москву. Поэтому и в последующих поездках в Крым Булгаков мог бывать в Симферополе, если там жила родная сестра или

еще кто-то из родных. Когда я рассказал об этом обстоятельстве Любови Александровне, она сообщила, что, возможно, кто-то из общих родственников и ныне проживает в Симферополе.

Наверное, неслучайно в полученном в декабре 1926 г. разрешении на постановку пьесы Булгакова «Зойкина квартира» в перечне городов есть Симферополь. Неслучаен, как видно, для писателя и маршрут Евпатория — Симферополь.

Но вот вопрос, ответ на который интересует и Л.А. Минакову, и автора этих строк, бывал ли Булгаков в Евпатории, да и вообще в Крыму, до революции? Хорошо известно, что семья Булгаковых имела дачу под Киевом, и с наступлением тепла центр их семейных событий перемещался именно туда. Имеются воспоминания сестер Михаила Булгакова о том времени. Конечно, вряд ли их публиковали полностью, а в известных публикациях только Надежда Булгакова упоминает о поездке матери в Крым в 1912 году. При этом все дети оставались в Киеве. Больше никаких подробностей найти не удалось.

А Любовь Александровна утверждает, что Михаил был в Евпатории в 1911 году на свадьбе. На этой свадьбе он встретился и познакомился с ее отцом, об этом ей известно из его рассказов. Одно из приглашений сохранилось и воспроизводится с разрешения Л.А. Минаковой и Т.Н. Бредихиной. Свадьба эта была значительным событием для всех родственников, а Михаил после смерти отца был как бы главой семьи.

Михаила Булгакова свадьба могла заинтересовать и по другой причине. В 1908 году он познакомился с приехавшей в Киев к родственникам саратовской гимназисткой Татьяной Лапой. Гимназическое увлечение переросло в роман. Как оказалось, всерьез, они переписывались, приезжали друг к другу. Михаил в 1911 году учился в университете, дающем диплом врача. С нетерпением мечтал о самостоятельной жизни с любимым человеком. И конечно, думая о своей будущей свадьбе, любопытно было побывать на свадьбе у родственников.

Любовь Александровна сама познакомилась с тем, что об этом периоде сказано в «Жизнеописании Михаила Булгакова» М. Чудаковой, и указала на то, что точные подробности отсутствуют. Известно, что в 1911 году в Киеве было беспокойно, происходили волнения и забастовки студентов. Булгаков, скорее всего, был в стороне от этих событий. Занятия в университете временами прекращались. Так что на этом фоне Михаил мог найти время для поездки в Крым в конце мая.

Далее известно, что в конце июля 1911 года в Киев приехала Татьяна, окончившая саратовскую гимназию. Некоторое время

она гостила на даче Булгаковых, хотела остаться в Киеве, но по требованию отца в начале сентября возвратилась в Саратов. Михаил затосковал, забросил и занятия, обучение затянулось на лишний год. Кстати, к этому периоду относятся первые литературные опыты Булгакова, увлечение музыкой и даже мысли о карьере оперного певца. На рождество он ездил в Саратов, знакомиться с родителями Татьяны. Летом 1912 года он снова приехал в Саратов, и в конце августа вместе с Татьяной они уехали в Киев. Обвенчались они там же в апреле 1913 года, свадьба была очень скромной, т.к. одобрения родителей жениха и невесты не вызвала.

Все эти события довольно логично соответствуют возможной поездке на свадьбу в Евпаторию, хотя происходила она в богатом имении Бредихиных в селе Куль-Сеит (ныне Татьянаовка). Владелицей поместья была мать невесты Агриппина Несторовна Булгакова, урожденная Бредихина. В Евпатории она имела большой дом, в котором и останавливались гости из других городов России. Здесь и познакомились Михаил Булгаков с Александром Ткаченко, который тоже еще был неженат, у него такое событие случилось в 1914 г. Интересно, что подтвердилась народная примета: неженатые, побывавшие на чужой свадьбе, скоро и свою свадьбу сыграют. Свадьба продлилась два-три дня, а потом, вероятно, после отдыха в Евпатории, новые друзья отправились в Киев. Время уже было летнее, дачное. Любовь Александровна вспоминает, что в своих рассказах об этом времени отец упоминал Лысую гору, а дача Булгаковых находилась где-то неподалеку.

За время нашего совместного изучения булгаковской темы, как считает Любовь Александровна, она многое стала вспоминать и сама анализировать, и это и ей многое прояснило в ее родственных отношениях. Ведь именно роль богатого семейства Бредихиных, исследователям, изучавшим жизнь Булгакова, совсем неизвестна. Потому что к тридцатым годам прошлого столетия многие родственники предпочли забыть о таком родстве. И не только в силу пословицы, что родственников любят богатых.... Крым стал советским, и Бредихины лишились не только богатства, но многие стали жертвой репрессий, уехали за границу, а те, кто остался, старались жить тихо, вписавшись в новые порядки.

Это совсем другая история, в общем-то, типичная для того времени. Пока же стало понятно, что именно к Бредихиным в Крым тянулись родственники, как до революции, так и в первые послереволюционные годы. Как видно знали, что не откажут ни в

помощи, ни в крыше над головой, да и курортные места уже были известны и притягательны. Евпаторию и Романовы посещали....

И вот вспоминая и уже анализируя то, что осталось в ее памяти, Любовь Александровна сама поняла и указала автору этих строк, какое значение имели родственные связи с Бредихины-ми. Именно на Бредихиных рассчитывал Александр Васильевич Ткаченко, когда в 1919 году отправлял свою семью в Крым, в Кара-Найман. Лошадей и повозку для поездки Михаила Булгакова и А.В. Ткаченко в Кара-Найман также предоставили Бредихины. Более того, версия о том, что Булгаков едет к лекарю Глушко частью, видимо, служила и для отвода глаз. Ведь Глушко, по некоторым сведениям, потомок фельдмаршала Кутузова, был в родстве с Бредихиными, как муж одной из сестер. Поэтому детям могли говорить, что дядя Миша плохо себя чувствует, и едет к целителю. А истинной целью поездки, скорее всего, было желание Булгакова узнать подробности о судьбе своих братьев.

Здесь Любовь Александровна спорит с М.Чудаковой, сообщающей в «Жизнеописании Михаила Булгакова», что Николай Булгаков* был эвакуирован из Крыма на «Рионе». По рассказам ее отца, которые теперь находят подтверждение и от других родственников, его переправили в Турцию с помощью контрабандистов. Вспоминали даже имя Османа. В оплату требовали только золото и драгоценности. И хотя цена была немалая, родственники собрали, что могли и спасли Николая. Основной вклад был со стороны Ивана Карповича Булгакова и Бредихиных. Разумеется, все это держалось в тайне, знали только некоторые родственники. Доверить эти факты письмам или другим письменным свидетельствам, никто и подумать не мог. Поэтому ничего не известно об этом даже самым внимательным исследователям жизни Булгакова и его семьи. Точной даты этих событий теперь не вспомнить, но на основании анализа, сделанного в прошлой публикации, следует заключить, что происходили они в конце 1920 года после взятия Крыма Красной Армией. Следует отметить, что ранее я скептически относился к этим рассказам, ведь они противоречили «Жизнеописанию», да и первоначально указанная дата этих событий оказалась ошибочной. Но в конце 1920-го, когда в Крыму остались во власти победителей, или прятались, десятки тысяч солдат и офицеров разбитой белой армии, такая история вполне была реальна. Николай Афанасьевич Булгаков был всего лишь кадет, имел ранение и мог быть не в госпитале, а у родных. Да и сомнительно, чтобы простых кадетов власти белых эвакуировали в первую очередь, оставив тысячи офицеров. А вот когда начался красный террор и расстрелы, многие из оставшихся готовы были покинуть Крым за любую цену.



***По сведениям евпаторийских родственников Михаила Булгакова, на этой фотографии его брат Николай в 1918-1920 (?) гг. (публикуется впервые). В этот период Николай был курсантом Киевского военного Инженерного училища, переведенного в Крым, в Феодосию. Слева на снимке был Александр Булгаков, но многие советские годы родственники боялись, что обнаружится родство с человеком, бежавшим за границу, и эту часть фото отрезали.**

В то время так поступали во многих семьях (прим. 2011 г.).

И здесь всплыло еще одно обстоятельство, сравнительно мало-известное. За несколько лет до революции в семью Булгаковых в Киеве вошли два их двоюродных брата Костя и Коля. Костя был на год моложе Михаила и стал его близким другом, а Коля был сверстником Николая Булгакова. О Косте я писал в предыдущей публикации, а вот о Николае Петровиче Булгакове, о его жизни и судьбе не нашел пока никаких сведений. Ведь он тоже мог стать кадетом, оказаться в Крыму и у тех же общих родственников!

Но Любовь Александровна утверждает, что все-таки это был родной брат Михаила. Недавно она видела у одной из родственниц фотографию Николая Булгакова в его студенческие годы. Оказывается, Николай тоже бывал в Крыму и дружил с одним из родственников по линии Бредихиных. К сожалению, пока нет разрешения владельцев, чтобы предоставить эту фотографию для печати.

Любовь Александровна теперь сожалеет, что в 1964 году она не очень внимательно относилась к рассказам отца, а ведь перед смертью человек вспоминает то, что было самым важным в его жизни. Тогда были еще какие-то письма и фотографии. Теперь только то, что, несмотря на прошедшие «годы и невзгоды», осталось в ее памяти. Все равно следует поблагодарить Любовь Александровну: память о Михаиле Булгакове она сохранила и теперь передает всем нам. На мой взгляд, это намного обогащает и углубляет тему «Булгаков и Крым».

И, чем больше узнаем что-то новое, тем больше новых вопросов.... Многочисленными исследователями пока изучено в основном то, что находилось на поверхности. А в период революции и гражданской войны происходили и такие события, о которых их участники предпочитали потом не вспоминать. Быть может, публикации автора для кого-то послужат началом еще одной булгаковской истории.

Для автора этих строк когда-то булгаковская история началась с одного слова «Евпатория» в «Театральном романе». А для Любви Александровны — с эпизода в невообразимо далеком теперь детстве 1923, о котором осталось только воспоминание: «Было прохладно, и мама одела мне красный теплый капор и пальто. Мы шли по тропинке, через Гоголевскую площадь, и на середине площади я упала и заплакала. Дядя Миша поднял меня, отряхнул и сказал: Петя, возьми Любочку за ручку! После этого мы с братом шли впереди, а дядя Миша за нами. Это было накануне его отъезда в Кара-Найман...».

Если когда-нибудь в Евпатории появится улица Булгакова, это будет лучшим финалом нашей булгаковской истории. Как-то мы говорили с Любовью Александровной об этом и вдруг подумали, есть музеи Булгакова в Киеве и Москве, но нигде нет улицы Булгакова. И городские власти Евпатории имеют теперь, по нашему мнению, все основания, чтобы такая улица впервые появилась в Евпатории! В год 60-летия Победы это будет не только хорошим подарком для участницы Великой Отечественной Войны Л. А. Минаковой, но и станет памятным событием культуры для жителей города.

2005

Мистика Михаила Булгакова и Евпатория

Любители творчества Булгакова из Евпатории при чтении его «Театрального романа» не могли не отмечать строчки о нашем городе. Евпатория там упоминается всего лишь раз, в сцене у администратора театра, в списке городов, откуда приезжали люди с просьбами о получении билетов на спектакли: «Люди приносили громадные красивые мандаты из Астрахани, Евпатории, Вологды, Ленинграда, и они не действовали или могли подействовать только через пять дней утром, а приходили иногда скромные и молчаливые люди и вовсе ничего не говорили, а только протягивали руку через барьер и тут же получали место». Казалось, тем более это должно было бы заинтересовать крымских краеведов, авторов книги «Булгаков и Крым».

У нас была подсознательная убежденности, что в произведениях большого писателя не бывает ничего случайного, взятого с потолка, и каждое слово несет определенную смысловую нагрузку.

В этом была какая-то загадка, своего рода мистика. Почему вдруг Евпатория?

Спустя много лет, когда стал доступен, пусть и не «весь Булгаков», но многое из его наследия, мистические предчувствия нашли новое подтверждение.

Это был фельетон «Сильнодействующее средство», в котором опять фигурировала Евпатория, и который резко отличался и по форме, и по содержанию от булгаковских фельетонов того периода.

Но в то время мы еще не занимались вопросами «литературного краеведения», хотя иногда беседы на эту тему время от вре-

мени случались. В результате возникла идея написать статью для одной из евпаторийских газет.

Эпиграфом к той первой статье было взято суждение Булгакова о себе, которое сам писатель выделил заглавными буквами: «...я — МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ...» (письмо Правительству СССР, 28 марта 1930 года)².

С этого и началась наша евпаторийская булгаковская история. Постепенно становилось понятно: что бы новое мы не узнавали о Булгакове, все равно остается, и даже усиливается какое-то «мистическое» впечатление...

Поэтому не будем повторять факты и доказательства приезда Булгакова в Евпаторию, о них уже написано в других статьях. Интерес представляют тайны, связанные с Евпаторией, которые сопутствуют многим другим загадкам биографии писателя и его «мистике».

Прежде всего, восстановим хронологию событий того времени.

В октябре 1923 года в очерке «Золотистый город», опубликованном в берлинской газете «Накануне» (она доставлялась и в Москву) писатель неожиданно смело высмеивает «культ личности» Троцкого, второго человека в иерархии советской власти, всеми предполагаемого наследника умирающего Ленина. Сейчас даже среди историков мало кто понимает политическую напряженность того момента. В партийных верхах уже шла подспудная, но ожесточенная борьба за власть в стране. В последние месяцы своей жизни Ленин, вместе с Троцким, доверив Сталину должность генерального секретаря партии, пытались исправить свою ошибку. Не будь Ленин смертельно болен, может, это и удалось бы. Но, похоже, оба сильно недооценили Сталина-политика. Он втайне объединился с Зиновьевым и Каменевым, привлек на свою сторону Бухарина, Орджоникидзе, Дзержинского, многих других партийных авторитетов. Их задачей теперь стало развенчать Троцкого в глазах всей партии и народа.

Вольно или невольно, Булгаков оказался одним из первых, если не самым первым, бросившим сатирический «камень» в Троцкого. Тот был в бешенстве, а Сталин не мог не заметить и не оценить смелости человека, «сыгравшего» на его стороне. Ведь даже в конце 1923 года никто не знал, выздоровеет ли Ленин и чем закончится борьба за власть.

Да и после смерти Ленина в «Песне о великом походе» (июль 1924) Есенин все еще славил «товарища Троцкого», командовавшего «храбрым Ворошиловым» и «удальым Буденным».

² К сожалению, редакции газеты «Трибуна» в 2002 году, этот эпиграф, и некоторые мысли о мистичности темы «Булгаков и Евпатория» показались «несерьезными» и были выброшены.

А Горький в письме (декабрь 1924) из-за границы сочувствовал Троцкому: «Ах, какая грустная история с Троцким! Теперь здешние ликуют, радуются нашему несчастью».

Маяковский даже в 1925 году, когда Троцкого на посту наркомвоенмора заменили на Фрунзе, написал такие строки:

Заменить ли горелкою Вунзена
Тысячевольтный Осрам?
Что после Троцкого Фрунзе нам,
После Троцкого Фрунзе — срам.

А вот Булгаков имел свое суждение о Троцком, он не поддался «авторитетным мнениям». Это понимал Сталин, сказавший через несколько лет Горькому: «Вот Булгаков!.. Тот здорово берет! Против шерсти берет!..».

Происходившие тогда в СССР изменения представлялись Булгакову с одной стороны в сатирическом виде, а с другой — следствием неискоренимости потусторонних сил зла («Дьяволиада», 1925) и их воздействия на мир живых людей. Эта же идея воплощена им в мистическом романе «Мастер и Маргарита». Таинственная сила этого произведения такова, что многие читатели и даже литературоведы перестают отдавать себе отчет, что мир романа — мир фантастического вымысла, причудливо переплетенный с реалиями быта и общественной жизни довоенных советских лет.

МИСТИКА — ученье о таинственном, загадочном, сверхъестественном, о сокрытом иносказательном смысле и значении ученья и обрядов веры. Мистический — сокровенный, скрытый, таинственный, темно иносказательный.

Словарь Даля, т.2.

МИСТИЦИЗМ(отгреч. «мист» — посвященный в таинство) — религиозное и философское воззрение, допускающее непосредственное общение человека с сверхъестественными силами — богами, духами и пр. (на самом деле являющимися продуктом вымысла).

Малая советская энциклопедия. — Т. 6. — 1937. — Стб. 964.

Это «роман о дьяволе», и то, что реально в его мире, весьма наивно прямолинейно проецировать на наш материальный мир. Например, стало общим местом, говоря о Булгакове и его творчестве, радостно восклицать, что «Рукописи не горят!». Увы, фраза эта от

лукавого, т.е. от Воланда, а в нашем мире рукописи горят превосходным образом, как обычная бумага, и не одно тысячелетие.

Возникает вопрос, как должны были понять в правительстве СССР 1930 года слова Булгакова: «...я — МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ...»? Ведь в средние века и впоследствии, мистика часто служила формой для выражения недовольства окружающим миром и поиска нового устройства общества.

Похоже, в правительстве и не могли понять смелости, или отчаяния Булгакова, и не знали, что с ним делать дальше. А дальше опять произошли загадочные, а для Булгакова, возможно, мистические события: самоубийство Маяковского, и вскоре после похорон поэта — спасительный телефонный звонок Сталина.

В жизни каждого человека происходят странные необъяснимые совпадения, непонятные происшествия, загадочные и таинственные случаи. Не имея объяснения, часто говорят в таких случаях: МИСТИКА! С точки зрения марксистско-ленинской науки считалось, что никакой мистики нет, наука при желании и возможности все объяснит с материалистической точки зрения. Вот в чем было коренное расхождение писателя Булгакова с советским официозом. В том же письме писатель заявлял о своем неверии в советскую «религию», что у него «глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции...».

Но почему при всем при этом сам Сталин ему посочувствовал и продлил ему жизнь лет на 10? Тоже МИСТИКА!?

А вот другой такой случай, открывшийся недавно. В детских «пьесах» Миши Булгакова в качестве персонажей часто фигурировали близкие родственники. Его сестра Надежда, спустя много лет, вспоминала об одной из таких сцен: «И.П. с револьвером врывается в столовую и целится в Костю. Тот мгновенно ныряет под стол, и пуля попадает в Муика, которая со словами «Пианино Леле!» умирает». Костя — двоюродный брат будущего драматурга, а два других персонажа в то время вызывали антипатию Михаила. И.П. — это Иван Павлович Воскресенский, врач, друг семьи, собиравшийся стать мужем матери будущего писателя, что вызывало недовольство Михаила.

Муик — прозвище Ирины Лукиничны, вдовы С.И. Булгакова, родного дяди Михаила. Своих детей у нее не было, и после смерти мужа она жила в семье Булгаковых, помогала растить детей. Однако любимицей у нее была самая младшая из девочек —

Елена (Леля), и остальные дети за это тетку недолюбливали. Она была для них объектом добродушных шуток, розыгрышей, ей придумали шутовское прозвище. Даже годы спустя в письмах писателя находим самодельный шуточный глагол «муикнуть».

Но в советское время все Булгаковы то ли умалчивали о дальнейшей жизни Ирины Лукиничны, то ли сами не имели точных сведений. Совсем недавно, один из московских энтузиастов «булгаковедения» Евгений Пажитнов сумел пролить свет на ее судьбу.

В первую мировую войну Ирина Лукинична Булгакова поступает в Российское Общество Красного Креста³ и работает в его госпиталях фельдшером. Михаил Булгаков после окончания университета в 1916 году работает врачом в госпиталях этого же общества. К концу 1916 — началу 1917 гг. И.Л. Булгакова находится в лазарете Красного Креста в Ливадии (район Ялты, бывшая царская дача). Ее подругой была княгиня Наталья Трубецкая (1870 — 1920), также служившая в лазарете. После прихода в 1920 году Красной Армии они, как и многие другие сотрудники госпиталя, не захотели бросить больных и эвакуироваться с армией Врангеля. Никто не ожидал, какая участь ждет тех, кто честно выполнял свой долг милосердия.



Расстрельная анкета с резолюцией «Расстрелять. Удрис. 19.XII. <19>20». И.Л. Булгакова в 1910-е годы

³ В 1910-е — 1930-е Российское Общество Красного Креста чаще упоминалось в виде аббревиатуры «РОКК». И вот еще одна загадка: Рокк — фамилия чекиста, одного из персонажей повести «Роковые яйца». А в газете «Труд» сам Булгаков для «хохмы» использовал псевдоним Г.П.Ухов (затем это могло быть Н.К.Вдовин, К.Г.Бухов).

Лазарет перешел под новое командование, и его главной задачей стала не забота о раненых и больных, а «выработка мер для чистки лазарета от контрреволюционного элемента». Партийное руководство составляло списки «лиц из состава лазарета, как из служащих, так равно из больных, которые подлежали удалению». На самом деле «чистка» заключалась в аресте и скором расстреле попавших в списки. Это и произошло с княгиней Натальей Трубецкой.

По инициативе Ирины Лукиничны группа медработников и больных обратилась в особый отдел с ходатайством: *«Мы, что подписались, сёстры милосердия, правление и члены профсоюза сестёр милосердия Ялтинского района, просим в самое ближайшее время рассмотреть дело члена нашего союза сестры Наталии Трубецкой. Мы, правление союза, знаем сестру Трубецкую с момента её приезда в Ялту, ручаемся своими подписями, что сестра Трубецкая не была причастна ни к какой политической организации, ни при старой, ни при новой власти, а потому убедительно просим т. Коменданта тюрьмы отдать сестру Н. Трубецкую правлению членов профсоюза на поруки».*

В этот же день все шестнадцать подписавшихся, то есть выгораживавших княгиню, врага трудового народа, были арестованы и вскоре расстреляны в Багреевке, районе под Ялтой недалеко от водопада Учан-Су. Среди них 21 декабря 1920 года расстреляна и Ирина Лукинична Булгакова.

Получается, что в своей детской «пьесе» Михаил Булгаков как бы предсказал ее смерть от пули. Опять-таки, кто-то скажет — случайное совпадение, а кто-то скажет — «Мистика!». Но что думать, если в жизни человека не одно такое мистическое совпадение, даже если под мистикой мы будем понимать то, что пока не поддается объяснению.

В жизни Булгакова таких загадочных, таинственных событий было предостаточно, что и отразилось в его творчестве.

Мы не знаем, был ли Михаил Афанасьевич при всем при этом верующим человеком. Из дневника его сестры Надежды можно узнать, что уже в 1910 году он таковым не был, в спорах с верующими родными и друзьями защищал теорию Дарвина, и ему ясен был ответ на вопрос «Христос — Бог по-твоему?» — «Нет!». Но в 1920-х годах Булгаков явно осуждал вульгарный атеизм и травлю верующих, называл это «преступлением, которому нет цены».

Вернемся к Евпатории. Так ли уж случайно Булгаковым было выбрано место и время евпаторийской поездки в декабре 1923 года?

Как нам видится, осенью 1923 года Булгаков, будучи разумным человеком, хорошо понимал неопределенность своих перспектив в большевистской России. Еще свежи были его личные

впечатления от ужасов и террора гражданской войны, эха крымских расстрелов 1920-1921 гг. В стране продолжались политические преследования противников большевизма, религиозных деятелей, представителей культуры и науки. Поэтому одним из наиболее достоверных мотивов поездки в Крым, в Евпаторию, и в это время может быть именно смутный политический момент.

Из Крыма в 1920 году ушли за границу два брата Булгакова, здесь, как теперь знаем, погибла его тетка, в Симферополе жила сестра Вера. О других родственных связях нам известно благодаря одной из старейших жительниц Евпатории Любови Александровне Минаковой.

Кроме всего прочего, у Булгакова всегда было желание попасть за границу, увидеть мир. А учитывая политическую обстановку в стране и её непредсказуемость, если бы бывшему белогвардейцу пришлось бежать за границу, то Крым выглядел в этом смысле наиболее предпочтительным вариантом.

Известно, что в те годы сообщение с «остальным миром» еще было возможным. Благодаря местным жителям, промышлявшим контрабандной перевозкой товаров, легко было попасть в Турцию, Румынию, Болгарию. По воспоминаниям писателя Слезкина, именно в те московские годы Булгаков пытался копить золотые советские червонцы. А как вспоминает Минакова, отец ей рассказывал, что Николай Булгаков, брат писателя, ушел за границу не с войсками Врангеля, а позже, и с помощью контрабандистов⁴. Для этого крымские родственники собрали, кто мог, золото и драгоценности. Булгаков же, кроме указанного эпизода, в накопительстве замечен не был. Впрочем, выводы здесь может сделать читатель.

Но кроме бегства за границу можно усмотреть и другой вариант, если Булгакову пришлось бы оставить Москву и карьеру писателя и журналиста. Ведь он был квалифицированный врач, с опытом работы в самых разнообразных, зачастую очень суровых и жестких условиях военных лет.

В Евпатории в это время происходило становление советской курортной отрасли. Газета «Гудок», в которой служил Булгаков, принадлежала могущественному тогда железнодорожному ведомству, по совместительству руководимому Дзержинским. Железнодорожники активно внедрялись в евпаторийский курорт, и в дальнейшие советские годы стали его важной составляющей. Достаточно вспомнить, что в 1922 году профсоюзу железнодорож-

⁴ Сведения Минаковой объясняют, почему пути братьев Булгаковых за границей на десяток лет разошлись.

ников и наркомату путей сообщения были переданы санатории «Гелиос», «1-е Мая», «Шайтан» с целым рядом пансионов и дач в западной части дачного района города.

Так что, если бы Булгакову пришлось снова «переквалифицироваться в доктора», место врача в санатории было бы не худшим вариантом. Менее привлекательно было бы возвратиться к тому, с чего начинал врач Булгаков — к работе в сельской местности. Так становится более понятной поездка писателя в село Кара-Найман к лекарю Глушко⁵. Можно было сравнить условия работы «при самодержавии» и при новой власти.

Но был и еще вариант на случай, если бы пришлось снова изменить жизнь, вариант театральный. Увлечение театром Михаил Булгаков сохранял с юных лет и до конца жизни. И не просто увлечение, с 1925 года театральная сфера деятельности стала его профессией. Сейчас уже все знают, что он обладал не только талантом драматурга, но и способностями актера, режиссера, сценариста и либреттиста. Был момент, когда он просил правительство оставить его в театре хотя бы простым рабочим.

И здесь мистика! Ведь Евпатория — город с богатыми театральными традициями. Здание театра, мимо которого не мог пройти Булгаков в Евпатории, уже почти столетие является гордостью города. Евпаторийский театр был широко известен и привлекал многих российских гастролеров. До приезда Булгакова на сцене театра уже выступали такие знаменитости как Ф. Шалапин, А. Вертинский, А. Нежданова, Д. Южин и др.

В Евпатории часто происходили дебюты молодых талантливых исполнителей, в дальнейшем уверенно занимавших ведущие позиции в театральном искусстве. Например, в Евпатории в 1916 году дебютировала Фаина Раневская. До революции в окрестностях Евпатории актерами МХАТа обживался район «Чайки». Здесь в 1915 году Станиславский купил участок земли, и его стали активно осваивать — возникла коммуна актеров. А в 1923 году в Евпатории существовал и свой театральный коллектив.

Так что Булгаков, который всегда интересовался театром и уже имел некоторый опыт актера, режиссера, драматурга (Киев, Владикавказ), и в Евпатории мог оценить возможности для новой попытки возобновления своей театральной карьеры.

А если вспомнить о Симферополе, также фигурировавшем в «пьесе»-фельетоне «Сильнодействующее средство», то и там

⁵ Ныне уточнено, что лекарь и целитель Глушко — на самом деле Александр Иванович Глушков, работавший еще до революции, долгие годы фельдшером деревни Каранайман Коджамбакской волости Евпаторийского уезда. Возможно, он был прототипом в юмореске М. Булгакова «Целитель».

были не меньшие возможности. Некоторые сведения об этом могла ему сообщить сестра Вера. Она жила в Симферополе в начале 1920-х годов, и уехала в Киев летом 1923 года. С братом у нее была переписка, а в том же году Булгаков побывал в Киеве, и они встречались.

В свое время Вера разделяла театральные увлечения брата. Об этом имеются сведения в семейном архиве их сестры Н.А. Булгаковой-Земской: «Студентом М. А. участвовал в любительских платных спектаклях, которые ставились в дачном поселке Буча летом 1910 г., под фамилией Агарина. Он исполнял роли⁶: начальника станции — в комедии «На рельсах», дядюшки молодоженов в комедии Григорьева «Разлука та же наука», Арлекина — в одноактной пьесе «Коломбина» («роль первого любовника — не его амплуа», — замечает впоследствии Н. А.).

Вот как пишет об этом Н. А. к двоюродной сестре Иларию Михайловне Булгаковой (1891—1982) (Лиле): «В Бучанском парке подвизаются на подмостках артисты императорских театров Агарин и Неверова (Миша и Вера) под режиссерством Жоржа Семенцова... [друг семьи] ...В воскресенье вечером мы были в парке, где Миша удивлял всех игрою (играл он действительно хорошо)» (13 июля 1910). И на следующий день запись в дневнике: «Миша великолепно играл 11-го» (14 июля 1910)».

Становится понятным, насколько полезной и познавательной была для Булгакова евпаторийская поездка. Напомним читате-



Евпаторийские родственники Булгакова: А.В. Ткаченко, его жена и их дочь Л.А. Минакова. 1960-е годы.

⁶ Сохранились афиши этих спектаклей. В них участвовала и Вера Булгакова под фамилией Неверова.

лям, что по сведениям Л.А. Минаковой, это была не первая его поездка в Евпаторию. Первая происходила еще в мае 1911 года в связи со свадьбой родственницы Екатерины Булгаковой. К сожалению, фотография и документальные свидетельства об этой поездке в Евпатории не сохранились. Нет сведений об этом времени и у «булгаковедов».

Судя по всему, и в первую очередь по тону фельетона «Сильнодействующее средство», поездка 1923 года придала Булгакову жизненной уверенности. Как ни удивительно, но многие его дела пошли в гору. А самое интересное, что дела у Троцкого складывались наилучшим образом для ... Булгакова. Когда начинаешь устанавливать точные даты, то совпадения снова кажутся мистическими.

3 января 1924 года в «Гудке» публикуется фельетон «Сильнодействующее средство», а 8 января 1924 года «Правда» публикует сообщение о состоянии здоровья Троцкого. Он «5 ноября заболел инфлуэнцей и ввиду лихорадочного состояния и затяжного характера болезни, могущей принять более резкую форму, ему предоставляется отпуск с полным освобождением от всех обязанностей на срок не менее двух месяцев для специального климатического лечения». В этот же день М. Булгаков отмечает это событие в дневнике и делает вывод: «Комментарии к этому историческому бюллетеню излишни. Итак, 8-го января 1924 г. Троцкого выставили. Что будет с Россией, знает один Бог. Пусть он ей поможет!». А ведь это тогда тоже было всего лишь предсказанием, в которое мало кто верил. Окончательно Троцкого «выставили» только в 1929 году!

Далее происходят наиболее мистические события, до сих пор загадочные для историков. Случайно или нет, но за несколько дней до смерти Ленина, Троцкого отправляют на Кавказ в Сухуми для лечения. 21 января в 18 часов 50 минут Ленин умер.

22 января зашифрованная телеграмма, извещавшая о смерти Ленина, застала Троцкого на вокзале в Тбилиси. Он тотчас же послал в Кремль телеграмму: «Считаю нужным вернуться в Москву. Когда похороны?» Ответ прибыл примерно через час: «Похороны состоятся в субботу, не успеете прибыть вовремя. Политбюро считает, что Вам, по состоянию здоровья, необходимо ехать в Сухум. Сталин» (Троцкий «Портреты»).

Через несколько дней Троцкий узнал, что был обманут Сталиным, в действительности похороны состоялись в воскресенье 27 января.

Насколько высоки на тот момент были акции Булгакова-журналиста в «Гудке», говорит то, что он автор репортажа о похоронах Ленина, опубликованного в тот же день.

Дальнейшая карьера журналиста и писателя Булгакова шла по восходящей до 1926 года. Сатирическая повесть «Собачье серд-

це» после безуспешных попыток публикации вызвала реакцию «органов», обыск, допросы и — опять мистика. Почему-то оставили на свободе. Разумного объяснения этому тоже не имеется.

К этому времени Булгаков уже начинающий драматург, и его дальнейшая жизнь будет связана с театром. Остается только отметить «евпаторийскую» мистику, обычно не обращающую на себя внимание. Главным театром для Булгакова становится именно Московский Художественный театр, в истории которого упомянутые выше интересные евпаторийские страницы. Так что в театре общался Булгаков с людьми, многие из которых, начиная с самого Станиславского, знали Евпаторию.

Но и кроме театра, в круг общения Булгакова входили и другие известные «евпаторийцы». В конце 1922 — начале 1923 годов на «Никитинских субботниках» он читал свои «Записки на манжетах», а Илья Сельвинский — свою поэму «Рысь». Хотя об их личных отношениях мы не знаем, но наверно не случайно, что в 1924 году Булгакова приглашали уже в кружок поэтов, с участием Сельвинского (на квартире П.Н. Зайцева, среди поэтов были А. Белый, П. Антокольский, Б. Пастернак и др.). Булгаков с успехом читал для них повесть «Роковые яйца».

Но наиболее часто жизнь сталкивала Булгакова с поэтом В. Маяковским. У них было своего рода соперничество, причем Булгаков в отличие от поэта, который не остался в стороне в борьбе с «булгаковщиной», вел себя по-джентльменски. Маяковский пытался превзойти Булгакова в театральной сфере, создавая «идеологически выдержанные» пьесы для театра Мейерхольда. Но кроме этого, Булгаков и Маяковский часто были противниками за бильярдным столом.

Случайно или нет, но когда Маяковский был в Евпатории, он жил в гостинице «Дюльбер», а это в «двух шагах» от дома, где останавливался Булгаков. Заметим, что «Дюльбер» был местом, привлекавшим любителей бильярда. Так же, как у Булгакова, Евпатория отразилась и в творчестве Маяковского.

Как-то в разговоре с Л.А. Минаковой речь зашла о третьей жене Булгакова — Елене Сергеевне. Булгаков у нее тоже — третий муж, а ее девичья фамилия — Нюренберг. Любовь Александровна вспомнила, что до войны, во времена ее детства в нашем городе был часовых дел мастер с такой фамилией. Оказалось, что Л.А. Минакову память «почти» не подвела, мастер был, и фамилия его — Ниренберг! В справочнике курорта Евпатории за 1925 год находим рекламу «гарантирую верность хода на 2 года» часового мастера С.И. Ниренберга!

Одни исследователи обнаруживали у Елены Сергеевны немецкие, балтийские, еврейские корни, по матери — русские корни. Исследовательница Лидия Яновская, ныне живущая в Израиле, обратила внимание, что отец Елены Сергеевны имел фамилию Ниренберг и изменил фамилию на Нюренберг при переходе из лютеранства в православие.

О евпаторийском Ниренберге нам ничего не известно, однако не исключено, что какие-то родственные связи с семьей Е.С. Булгаковой можно проследить. А если обратиться к «Театральному роману», то обнаружим рядом с упоминанием Евпатории эпизод в той же сцене у администратора театра. Дама с сыном, перебившим шоколаду, «списана» Булгаковым с натуры, это Елена Сергеевна, большая поклонница МХАТ, и ее сын Женя.

Так что возможно, и здесь не случайно у Булгакова возникла ассоциация с Евпаторией, Елена Сергеевна с детьми могла посещать Евпаторию, а евпаторийский Ниренберг мог быть ее родственником.

Более интересно, что Михаил Булгаков, будучи в Ленинграде 10 мая 1926 года встретился с другой известной «евпаторийкой» — Анной Ахматовой. Это было в Большом зале филармонии (на



Михаил Афанасьевич и Елена Сергеевна Булгаковы. Апрель 1935 г.

Лассалья), где Всероссийский Союз писателей устраивал большой литературно-художественный вечер. Среди участников на афише вслед за Ахматовой был объявлен «Мих. Булгаков (прибывший из Москвы автор сборника «Дьяволиада» и романа «Белая гвардия»)». На этом же вечере среди выступающих были другие «евпаторийцы» — Борис Лавренев, Алексей Толстой...

К этому добавим, что Ахматова много лет дружила с Фаиной Раневской. Как тут не вспомнить о мистике, — как будто «евпаторийцев» что-то притягивало друг к другу?

Встреча и знакомство в Ленинграде со временем переросли в дружеские отношения семьи Булгаковых с Анной Ахматовой. Из дневника Е.С. Булгаковой известно, что 10 декабря 1933 года: «Вечером у нас: Ахматова, Вересаев, Оля с Калужским, Пята Попов с Анной Ильиничной. Чтение романа. Ахматова весь вечер молчала». Кроме Ахматовой и писателя Вересаева, остальные — близкие родственники и друзья Булгаковых: сестра Елены Сергеевны — Ольга, ее муж актер МХАТ Калужский, биограф Булгакова — театральный режиссер Попов с женой. Это было одно из первых чтений романа «Мастер и Маргарита». Когда Ахматова приезжала в Москву хлопотать за арестованных — за сына и мужа, за друзей и знакомых, в семье Булгаковых она всегда находила сочувствие, поддержку, помощь.

По мнению М. Чудаковой в «Жизнеописании Михаила Булгакова»: «Глубокое и до сих пор не расшифрованное свидетельство о соотношении творчества Булгакова с его жизнью и смертью оставлено в строках близко знавшей писателя А. А. Ахматовой: „И гостью страшную ты сам к себе впустил. И с ней наедине остался.“ (Эти стихи она принесла Елене Сергеевне 16 апреля <1940>). Конструирующая, прогнозирующая творческая воля художников — в ее воздействии на биографию и постбиографию — не может быть оценена нами не только в полной, но еще и в приблизительной мере». Как видим, и у такой серьезной исследовательницы в серьезных строках прорезается нечто мистическое.

А стихи Ахматовой в год 70-летия со дня смерти Булгакова 10 марта 1940 года стоит вспомнить. Впервые они были опубли-



кованы только в 1966 году в альманахе «День поэзии» (в год смерти Ахматовой!). Ниже они приводятся по тексту из «Записных книжек» Анны Ахматовой (ноябрь 1963, с.406).

**Памяти М. Б<улгако>ва
(из книги «Венок мертвым»)**

Все это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья,
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.
Ты пил вино, ты как никто шутил
И в душных стенах задыхался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.
И нет тебя, и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта, прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.
О, кто поверить смел, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней погибших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Все потерявшей, всех забывшей, —
Придется поминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь предсмертной боли.

1940. Фонтанный Дом.

Жизнь и творчество Булгакова, его смерть, послужили каким-то мистическим толчком и для Ахматовой. Мужество и упорство писателя, не ждавшего славы и признания при жизни, как будто передалось ей, и ее поэзия обрела новое вдохновение.

Случайно или нет, но именно 1940 год является началом создания мистической «Поэмы без героя», над которой Ахматова работала до конца жизни, как и Булгаков над романом «Мастер и Маргарита». Как роман не имеет окончательной редакции, так и поэма, несмотря на все ее редакции, вряд ли обрела окончательный авторский вид. Поэтические эпизоды романа напоминают, что и свои «Мертвые души» Гоголь назвал поэмой, и в обоих случаях это «поэмы без героев».

Находясь в эвакуации 1942-1944 годов Ахматова одновременно с работой над «Поэмой без героя» создает мистическую пьесу



М.А. Булгаков с женой в последние дни жизни.

«Энума элиш» («Когда наверху» — в переводе с древневавилонского). Приятельница Ахматовой С.К. Островская вспоминала, что «по стилю это напоминало острую гротесковую прозу в манере сатир раннего Булгакова». В 1962 году сама Ахматова вспомнила о пьесе: «Пьеса Энума элиш, состоящая из трех частей: 1) На лестнице, 2) Пролог, 3) Под лестницей. Писалась в Ташкенте после тифа (1942 г.), окончена на Пасху 1943. (Читала Козловским, Асе <Сухомлиновой>, Булгаковой, Раневской <...>. (Со- жгла 11 июня 1944 в Фонтанном Доме). В этой пьесе был предска- зан во всех мельчайших подробностях весь 1946 г.» («Записные книжки», с.238). По словам ее подруги Н.Я. Мандельштам, это было «острое и хищное» произведение, где лунатическая героиня-поэт противостояла бездушному чиновнически-писательскому миру с характерными для него соперничеством, доношением, неизбежным судом и смертью. <...> У Ахматовой речь шла не о департаментском, а о писательском чиновничестве: героиню судят писательским судом и тут же упрятывают в каталажку».

Через двадцать лет после Ташкента пьеса «вернулась» в мысли Ахматовой, и она стала не «восстанавливать» (сгоревшие рукопи- си не восстановишь!), а переосмысливать пьесу в новой редакции. Но остатка ее жизни не хватило, чтобы окончить и эту работу.

Дружба с Еленой Сергеевной Булгаковой сохранилась и все годы после смерти Михаила Афанасьевича. Приезжая в Москву,

Ахматова всегда с ней встречалась или созванивалась. Интересно, что в шутку или всерьез, но они считали друг друга «колдуньями». Одна из записей зимой 1965 года: «Елена Сергеевна» просит писать о Булгакове („хоть одну страничку“). Готовился сборник памяти писателя с воспоминаниями о нем, и Е.С. Булгакова хотела, чтобы Ахматова тоже приняла участие. Но год был очень трудным для Анны Андреевны. 19 октября 1965 года состоялось ее последнее выступление на публике — на торжественном вечере в Большом театре, посвященном 700-летию Данте. 9 ноября у нее случился четвертый инфаркт, и жить оставалось меньше четырех месяцев.

5 марта — день смерти Анны Ахматовой. Обычно мы не часто вспоминаем и отмечаем печальные и скорбные даты, даже нас касающиеся. В жизни хватает и других событий.

Ахматова помнила такие даты, это подтверждают ее записи. Вот кого она вспоминала в день смерти Михаила Афанасьевича Булгакова:

10 марта
1963

Комарово

День Данта (приговор)

Смерть Замятина (1937) и

Булгакова (1940). Арест Левы (1938).

Есть ли какой-то мистический смысл в этих событиях, какие мысли вкладывала в эту запись сама Ахматова, мы не знаем. Как сам Булгаков трактовал понятие мистики, считал ли он на самом деле себя мистическим писателем, было это иронией или просто он избрал такую форму существования в том обществе, можно только спорить и догадываться. Тайна творчества остается навсегда, и в этом, наверное, скрыта «мистика» великих творцов.

Но незадолго до своей смерти Михаил Афанасьевич убедительно просил его «не оплакивать, а вспоминать веселым». Сам он «как никто шутил», иронизировал, смеялся над гримасами действительности. Вот и у нас в Евпатории есть над чем посмеяться «в духе Булгакова».

Зададим вопрос, что общего между Царским Селом под Петербургом и улицей Урицкого в Евпатории? Не угадаете даже с трех попыток. Вскоре после революции и «доблестной гибели» Урицкого Царское Село стало «Детским Селом имени товарища Урицкого». Об этом даже иронически вспоминала Ахматова («Записные книжки», с.131).

К счастью там и тогда быстро опомнились (над этим смеялись!), сначала Детское Село лишили довеска, а потом к сто-

летию гибели поэта переименовали в город Пушкин. В Киеве, где Урицкий бывал, такую улицу несколько лет назад все же переименовали. А вот в Евпатории, которая как бы «вдали от цивилизации», мы до сих пор никак не опомнимся, и свято храним «память» о «товарище Урицком», ни к Царскому Селу, ни к нашему городу, не имевшему никакого отношения. Разве что людям, немного знающим историю, есть повод посмеяться, попав на нашу улицу Урицкого, соседствующую с улицами, носящими великие имена Гоголя и Пушкина. Ведь недаром говорится, что от великого до смешного — один шаг.

2010



Могила Булгаковых на Новодевичьем кладбище в Москве.

Евпаторийские друзья Волошина и Булгакова

Изучение обстоятельств посещения М. Волошиным нашего города в 1922 году позволило открыть еще одно имя на литературной карте Евпатории.

Приехав в Евпаторию, в период 2-8 сентября Волошин знакомится с писательницей С.З. Федорченко (1880-1959) и с её мужем Н.П. Ракицким (1888-1979). К этому времени земский служащий Ракицкий уже был знаком с Булгаковым в 1916 году, когда будущий писатель служил земским врачом в Смоленской губернии. В начале 1917 года их дороги разошлись, и вновь они встретились зимой в начале 1923 года в Москве.



После знакомства Волошин и Федорченко дружили и вели обширную переписку. Софья Захаровна еще до революции получила известность своей книгой «Народ на войне», ее 1-я часть была издана в 1917 году в Киеве. 1-2 части изданы в Москве в 1923 и 1925 гг. Исследователи предполагают, что Булгаков мог быть знаком с Федорченко по Киеву 1918-1919 гг. Будущая писательница работала в военных госпиталях во время Первой Мировой войны, это и дало ей материал для книги.

Но если в биографии Булгакова периода революции и гражданской войны много «белых пятен», то еще меньше сведений об этом времени в жизни Федорченко и Ракицкого. В предисловии к полному варианту ее книги («Народ на войне». Москва, Советский писатель, 1990) сообщается: «Софья Захаровна Федорченко вернулась с фронта в 1916 году, затем вновь побывала там в 1917-м, но и в последующие годы, работая по оказанию помощи населению, близко соприкасаясь в обстановке войны (сначала империалистической, а затем гражданской) с разными слоями народных масс — на Украине, в Новороссии, на Северном Кавказе, в Крыму, — она продолжала накапливать впечатления, относящиеся к ее теме.

В 1922 году она переезжает в Москву. К этому времени она становится уже профессиональной писательницей, в двадцатые

годы принимает активное участие в разных писательских организациях — в частности, в литературном объединении „Никитинские субботники“».

Так описывали биографию «в общих чертах», когда хотели умолчать о нежелательных сведениях для советского времени: служба в Белой армии, сотрудничество с белыми или просто проживание на занятой ими территории. В частности, в Крыму при белых находились Волошин, писатель Вересаев, и, судя по всему, Федорченко с Ракицким. В архиве Волошина об этом времени имеется письмо и такие строчки: «... в Евпатории писала „Народ на войне“ С. Федорченко». Выбор Евпатории был явно не случаен, здесь жила и работала учительницей сестра Ракицкого. По косвенным сведениям можно полагать, что в Крыму и Евпатории супруги прожили несколько лет, в период с 1918-19 по 1922 годы.

В Крыму Федорченко участвовала в «Вечере поэтов» (начало июня 1922-го, Симферополь; с участием П. Новицкого, А. Герцык, Чабан-заде, Чурилина, Яковлева), затем в литературном альманахе «Помощь» №1 (издание КрымЦК Помгола, Симферополь, июль 1922). После встречи в Евпатории Волошин через нее отправляет в Москву письмо Вересаеву. В этом письме Волошин пишет о Федорченко, «которую очень рекомендует, как редко талантливого человека и удивительного знатока народной речи».

В октябре 1922 года влиятельный советский издатель и критик Н.С. Ангарский-Клестов обращается к Волошину и просит стихи для альманаха издательства «Новая Москва» (с участием «крымских» авторов — Вересаева, Федорченко, Шмелева и др.): «Разрешите взять у Федорченко Ваши не напечатанные стихи». Вскоре у того же Ангарского будут изданы и произведения Булгакова. Федорченко и Булгаков оказались в Москве в общей среде литераторов и издателей, и со временем у них образовался значительный круг общих знакомых и друзей. Одно время Булгаковы жили в «пяти минутах» от Толстовского музея, где в подвале проживали Федорченко с мужем, и заходили к ним «на чашку чая». Об этом же времени вспоминает и Ракицкий: «Поселились Булгаковы (со второй женой Белозерской — В.М.) в Чистом переулке на Пречистенке. <...> Это было время наших частых встреч. Мы часто получали приглашения от Михаила Афанасьевича на вечера, где он читал свои произведения. <...> Иногда собирались у нас». Их общение могло быть для Булгакова еще одним источником сведений, пока мало известным, о гражданской войне в Крыму. Становится ясно, что Евпатория, Крым и Волошин в биографии Федорченко имеют прямое отношение к последующим поездкам Булгакова именно в Евпаторию, в Крым и к Волошину.

Весной 1924 года, когда Волошин из Коктебеля выезжал по литературным делам, в Москве он встречался с Федорченко, бывал у нее в гостях и дарил ей свои акварели. Одну из них он написал «Пусть эта акварель приведет Вас в Коктебель», ведь Федорченко еще туда не приезжала. Не удалось ей это и в 1924 году.

Впервые Булгаков упоминается в переписке Волошина только год спустя, 25 марта 1925 года, в письме к Ангарскому в Москву. Он благодарит за присылку альманаха «Недра» с повестью «Роковые яйца» Булгакова, просит передать ему приглашение в Коктебель. Высоко оценивает его роман «Белая гвардия» во втором чтении.

О приглашении и поездке Булгаковых в Коктебель в 1925 году написано достаточно. Отметим только некоторые события. Михаил Афанасьевич с женой находились там с 13 июня по 7 июля. Они привезли Волошину открытку от Федорченко, «извещающей о своем приезде с мужем», Н. Ракицким, «на месяц». Их приезд отмечен в домовоей книге 21 июня. Существует фото неизвестного автора, на котором запечатлены Волошин, Булгаков, Л. Леонов, Федорченко в саду. К сожалению, фото очень плохого качества.

Федорченко оставалась в Коктебеле еще долго, в середине июля она пишет о пребывании в Коктебеле стихи «Спою я вам куплеты...» с шуточными характеристиками детей отдыхающих, «кухни», «дворового туалета», Ангарского, Волошина.

14 августа датирована акварель, подаренная ей Волошиным «...в час горестного отъезда — знак неизменной дружбы». Но 17 августа в день именин Волошина празднуется и 30-летие его литературной деятельности, и Федорченко дарит ему свои две детские книжки. В домовоей книге ее отъезд в Ялту отмечен 27 августа. Из-за празднования Федорченко изменила решение, и уехала позже, чем собиралась.

В 1920-е годы московские друзья еще не забывали Волошина. 1 марта 1926 года в Москве в здании Государственной академии художественных наук (ГАХН) при деятельном участии Федорченко, пригласившей Вересаева, Пастернака, Антокольского и др., состоялся литературно-музыкальный вечер в двух отделениях в пользу М. Волошина. «Билеты брались нарасхват». Михаил Булгаков читал большой рассказ «Похождения Чичикова» (1922), остроумную сатиру, как герои Гоголя легко нашли место в советской действительности.

В благодарность Волошин во второй половине марта посылает акварели участникам вечера, в том числе Федорченко, Пастернаку, Булгакову и др. На акварели, подаренной Булгакову надпись: «Спасибо за то, что не забываете Коктебель. Ждем Вас с

Любовью Евгеньевной летом». В 1927 году Волошин снова побывал в Москве, встречался с Федорченко и Булгаковым, побывал на спектаклях по его пьесам.

Хронология рассмотренных выше событий убедительно свидетельствует, что «крымская пьеса» Булгакова «Бег» возникла после его поездок в Крым — Евпаторию и Коктебель, после встреч и бесед с Федорченко, Волошиным, Вересаевым и др.

Как и для Булгакова, поездка к Волошину в 1925 году стала единственной для С.З. Федорченко с мужем. В 1926 году они поехали в более спокойное место с умеренным климатом — в Тарусу, где приобрели участок в 26 соток, построили дом и заложили сад. «Сад Ракицкого» и сегодня является достопримечательностью города, о нем можно прочитать в Интернете на сайте Тарусы. Николай Петрович Ракицкий известен как ботаник, филолог и садовод: он работал ученым секретарем и редактором по сельскому хозяйству Технической энциклопедии, затем старшим агрономом научно-технического совета Главного управления по лесозащитного лесоразведения при Совете Министров СССР.

В конце 1920-х, время «великого перелома», многие литераторы претерпели серьезный кризис, что отражалось и на здоровье. У Волошина после лета 1929 года ощущение: «Переутомление от людей». 9 декабря с ним случается инсульт.

У Булгакова после запрещения «Бега» происходит еще более неприятное событие — 6 марта 1929 года снимают с репертуара все его пьесы. Травля Булгакова в печати достигает своего апогея. В июне 1929 года он пишет письмо И.В. Сталину, М.И. Калинину и др. и просит «об изгнании из пределов СССР вместе с женой моей Л.Е. Булгаковой». У него нервное заболевание. Только в 1930 году последовал звонок Сталина, возможно, продливший существование писателя лет на 10.

Федорченко тоже тяжело перенесла нападки в печати. Из ее автобиографии: «Я много печаталась, особенно после Октябрьской революции. С увлечением также я занималась и общественной работой; между прочим, была организатором и первым председателем Сектора детской литературы Союза писателей. В 1928 г., после тяжелого переживания, я серьезно заболела и, даже вернувшись к работе, „на людях“ почти не показывалась. Сперва, по инерции, меня печатали, потом перестали и вспоминать».

Со временем «Народ на войне» очутился в числе «незаслуженно забытых книг, а деятельности ее автора превратилась в одно из белых пятен на историко-литературной карте» (из предисловия к изданию 1990 г.). Тем не менее, писательница не сдалась, работала над третьей частью книги, создала роман-трилогию из

времен пугачевщины, ряд сказок, пьес, стихов для детей. Во время войны публиковала патриотические произведения, и отмечала, что работала «на великом увлечении, и это совершенно перестраивало мою душевную жизнь, ничто не казалось трудным».

В разные годы книгой «Народ на войне» восхищались Волошин, Вересаев, Горький, Соколов-Микитов, А. Блок и многие другие писатели. Начав читать эту книгу (ее можно найти в Интернете, имеется и в евпаторийской библиотеке А.С. Пушкина), трудно остановиться, будто начинаешь слышать голоса давно ушедших людей. И сегодня остаются справедливыми слова Корнея Чуковского в адрес Софьи Федорченко: «Если ваши книги умрут как документы, они останутся жить как мастерское произведение искусства».

Николай Петрович Ракицкий и Софья Захаровна Федорченко оставили по себе память в Тарусе. Они не только построили здесь дом и заложили сад. Ракицкий, бывая по служебным делам в командировках, привозил отовсюду, из различных концов страны, семена и саженцы растений. Постепенно на бывшем пустыре вырос просто удивительный сад. Растения со всех концов земли нашли на окраине Тарусы свою вторую родину. Сад Ракицкого небольшой, он уместился на двадцати шести сотых гектара, и сохранился до нашего времени. Теперь этот ботанический сад на южной окраине Тарусы, в конце улицы Шмидта жители города и гости называют чудо-садом.

2012

«Собачье сердце» М. Булгакова и пропажа калаш: Как это было в Евпатории

Повесть Михаила Булгакова «Собачье сердце» (1925) в советской печати появилась только в 1987 году (журнал «Знамя, № 6). Прошло немногим более четверти века, и в настоящее время это одно из самых известных, популярных и нестареющих произведений писателя. Развал и разруха того времени, пришедшие с революцией, весьма актуально перекликаются с постсоветским бытием.

Наиболее ярким образом в повести стал профессор Преображенский, талантливый врач и ученый, с трудом отвоевавший

возможность заниматься своим делом и сохранять в какой-то степени приемлемые условия жизни в новых послереволюционных условиях. Специалист мирового уровня сумел оказаться полезным представителем высшей власти, что и оберегало его от посягательств на «лишние метры» квартиры со стороны новоявленных Швондеров и им подобных.

При этом профессор был настроен весьма скептически в отношении «новизны», и его язвительная критика негативных перемен, связанных с революцией, представляла в повести одни из самых запоминающихся эпизодов и источников цитат.

Данная статья рассматривает лишь один такой эпизод, а именно рассказ возмущенного профессора, «человека фактов, человека наблюдения» о том, что произошло однажды в его доме: «Не угодно ли — калошная стойка. С тысяча девятьсот третьего года я живу в этом доме. И вот в течение времени до апреля тысяча девятьсот семнадцатого года не было ни одного случая — подчеркиваю красным карандашом „ни одного“! — чтобы из нашего парадного внизу, при общей незапертой двери, пропала бы хоть одна пара калош. Заметьте, здесь двенадцать квартир, у меня прием. В апреле семнадцатого года, в один прекрасный день, пропали все калоши, в том числе две пары моих, три палки, пальто и самовар у швейцара. И с тех пор калошная стойка прекратила свое существование» [1, с. 143].

Вероятно, здесь художественное преувеличение, ведь это выглядит уже не пропажей калош, а настоящим ограблением. И спрашивается, где же был швейцар, который должен находиться при парадном входе? Столь же неубедительным со стороны профессора выглядит обвинение в этом ограблении не просто шайки воров, а неких «пролетариев». Причем профессор утверждает про одного из них: «На нем теперь есть калоши, и эти калоши... мои! Это как раз те самые калоши, которые исчезли тринадцатого апреля тысяча девятьсот семнадцатого года» [1, с. 144].

Стоит вспомнить, что в апреле 1917 года у власти было Временное правительство, и время реквизиций и открытых грабежей «буржуев» со стороны «пролетариата» еще не пришло. С другой стороны профессор Преображенский настаивает на конкретной дате, когда, по его мнению, произошли переломные события, запомнившиеся ему как простому обывателю, именно пропажей калош. Как известно, события февральской революции 1917 года завершились 2 марта, когда отрекся царь, и было создано Временное правительство, а 3 марта монархия окончательно отдала власть: отрекся и брат царя Михаил в пользу Учредительного собрания.

Новая власть упразднила полицию и вместо нее учредила органы народной милиции⁷. Практически все служившие в полиции были уволены, и штат милиции составляли в основном новые в этом деле люди, не имевшие профессиональной подготовки. Это сразу ощутили представители преступного мира, и в этом плане понятен «плач» Филиппа Филипповича Преображенского по прежним порядкам: «Городовой! Это и только это! И совершенно не важно, будет ли он с бляхой или в красном кепи» [1, с. 145]. Его логика ясна: пока были городовые, калоши из парадных не пропадали⁸.

⁷ В советских источниках указывается, что милиция как «орган по охране революционного порядка и общественной безопасности, создана 28 октября 1917 года» (МСЭ, т.5, стб. 1286. — 1959). О народной милиции, созданной после падения самодержавия, в советское время «забыли». Сохранилась телеграмма министра внутренних дел Временного правительства от 7 марта 1917 года: «...полиция подлежит переформированию в милицию, к чему необходимо приступить местным самоуправлениям» [2, л. 1].

«Революционная милиция явилась достойным детищем породившей ее революции. Возникнув, с одной стороны, на эмоциональных порывах, энтузиазме первых революционных месяцев, а, с другой, в условиях криминально-деструктивных процессов Февраля, она не оказалась способной к самоорганизации и замене морально-правственного фундамента правовым. Если в первые месяцы революции в основе ее мероприятий оставались восторженные порывы милиционеров-студентов, а не четко регламентированные и организованные действия профессиональных хранителей порядка, то с лета <1917 года> даже после проведенного перенабора, сокращения числа студентов и рабочих, уголовников и дезертиров, её неспособность обеспечить имущественную и личную безопасность обывателей приводит к крушению легитимных основ исполнительной власти вместе с дискредитацией идей самой Революции» [6].

⁸ Среди населения закрепляется мнение, что милиционеры всячески стараются использовать свое положение для личной выгоды. Prestиж их катастрофически падает, а вместе с тем рушатся и зыбкие основы легитимности верховной власти. В июньском номере «Трепача» было помещено шуточное объявление: «Милиционер предлагает услуги по выносу мяса из городской лавки для клиентов вне очереди. Плата — по соглашению». Все эти факты накапливались, слагались в общественное мнение и в конце концов начинали приводить и к дискредитации самой Революции. Летом <1917 года> во многих журналах, газетах попадаются заметки, в которых с чувством тоски вспоминаются старые и добрые городовые. Образ добродушного дядьки-городового противопоставляется эксцентричному и порой социально-опасному милиционеру. Сравнения эти настолько учащаются в среде городских обывателей, что многие известные юмористы не могут обойти их стороной. Так известный художник Ре-ми рисует для «Нового Сатирикона» карикатуру, озаглавленную «Тоска по твердой власти», на которой изображен стоящий на коленях в своей комнате обыватель перед тенью городского. Под рисунком текст: «Обыватель — О, дорогая тень! Если бы ты знала, как я тоскую о тебе под лучами слишком жаркого для моего организма солнца свободы...» [6].

Но это все же художественное произведение, носившее ярко сатирический характер. Читая его, можно было принять на веру, что подобная пропаша калош в те времена происходила. И не только по «Пятницам, 13» — 13 апреля 1917 года было пятницей. Казалось бы, кто будет документировать такие события, тем более в то время. Но это оказалось не так. В крымском архиве удалось найти документы о пропаже калош, и о том, как эти дела решались в то время.

15 февраля 1917 года на имя Евпаторийского Городского Головы поступило заявление Архивариуса <Городской> Управы Ивана Васильевича Евженко: «13 сего февраля 1917 г. во время окончания занятий в Управе у меня пропала одна галоша около вешалки. По самому тщательному розыску пропавшая галоша⁹ не обнаружена. О чем имею честь доложить Вашему Высочородию» [3, л. 40].

Следующее заявление «служащего той же Управы» Федора Димитриевича Журавлева с датой 22 февраля 1917 года имело дату регистрации в Управе 21 февраля (видимо, канцелярист ошибся в дате): «6 февраля 1917 года по приходе на службу в Управу я, по обыкновению, оставил свою одежду и галоши в передней, а при выходе со службы стал одеваться, при чем не оказалось моих галош, а потому имею честь покорнейше просить Городскую Управу не отказать в выдаче мне стоимости галош, на которые я израсходовал 9 руб. 50 к.» [3, л. 41].

Таким образом, похищение галош в здании Евпаторийской Городской Управы произошло еще во время существования монархии, но империя разваливалась, и разваливался и ее полицейский аппарат. Поэтому пострадавшие в полицию не обращались, полицию к этому делу не привлекали, а расследованием занимался ... кассир Управы П.М. Шумин. Его отчет от 28 февраля 1917 года сохранился в архиве до сего времени: «На заявление И.В. Евженко и Ф.Д. Журавлева от 22-го сего февраля имею честь донести Городской Управе, что после случая пропажи 29 ноября 1916 г. в передней Городской Управы галош, принадлежавших С.К. Койчу, по постановлению Городской Думы, состоявшемуся 2 декабря того же года, рассыльный Матвей Бутенко назначен старшим над остальными рассыльными Управы с возложением на него обязанностей не отлучаться никуда во время занятий в Управе, следить за целостью оставленных в передней платья и галош как служащих Управы, так и посетителей, за чистотой в здании Управы, распределением работ между рассыль-

⁹ Слово «калоши» употреблялось в основном до революции, но в Евпатории в 1917 году уже использовалось современное «галоши».

ными и проч.; за это ему было назначено жалование большее чем другие рассыльные получают, и это постановление Думы было объявлено Бутенко членом Управы Г.Л. Пахаловым, между тем Бутенко этого распоряжения вовсе не исполняет — не только не смотрит за целостью оставленного в передней платья и галош, но самовольно отлучается <подчеркнуто красным карандашом — В.М.> во время занятий в Управе из Управы или с разноской по городу бумаг, так и по другим делам, не заявляя об этом ни Секретарю, ни Кассиру Управы, хотя я неоднократно говорил Бутенко не отлучаться из передней Управы.

Вследствие изложенного, по моему мнению, за пропажу галош, принадлежащих И.В. Евженко и Ф.Д. Журавлеву, должен отвечать только один рассыльный Матвей Бутенко.

Во избежание на будущее время пропажи вещей в передней Городской Управы, по моему мнению, следует заказать вешалку со шкафчиками для галош и назначить отдельного швейцара, на которого возложить ответственность за целость вещей, оставленных в передней Городской Управы» [3, л. 39].

Это «соломоново» решение лежало в традициях российско-го чиновничества, когда ответственным делают «стрелочника». О том, чтобы найти похитителей, никто не заикнулся. Да и время было такое, что полиция уже бездействовала, а народная милиция еще не была создана. Евпаторийская пропажа галош имеет существенные отличия от случая, рассказанного профессором Преображенским. Прежде всего, пропадала в один раз или пара галош, или даже одна галоша. Поэтому похититель, или похитители, действовали в одиночку. В последний раз была похищена одна галоша, значит, воришку кто-то спугнул, и он поспешил убежать с одной галошей. Впрочем, как похищались галоши, мы не знаем, может, вор просто их надевал и уходил?

Другое отличие от эпизода в «Собачем сердце» в том, что первое и последнее похищение галош в Евпатории произошло еще при «старом режиме», и формально полиция и городовые еще состояли на службе. Однако уже при первом похищении еще 29 ноября 1916 года дело рассматривали и принимали решение не полиция и суд, а Городская Дума! Ясно, что вора не нашли, а чтобы пострадавшему возместить ущерб и потребовалось постановление Думы. Вот почему служащий Журавлев тоже обратился в Городскую Управу за «выдачей стоимости галош». Однако уже были приняты меры, чтобы Управа и Дума не несли за это ответственности.

Это становится ясным из второго заявления служащего Ф.Д. Журавлева в Городскую Управу от 18 марта 1917 года: «По-давая заявление 22 февраля с.г. о пропаже галош я рассчитывал,

что Управа мне уплатит из управских денег, но если мне получать из служащих Управы, то мне это нежелательно и могу от <своей> потери — *зачеркнуто*. — В.М.> получения отказаться» [3, л. 41].

Понятно, что согласно «расследованию» кассира, Управа возложила возмещение лишившимся галош на Матвея Бутенко. Вот почему Журавлев проявил «благородство», и вводить в расход своего брата — служащего, отказался. Что касается предложения кассира Шумина о введении должности швейцара, вешалки со шкафчиками для калош и т.п., то оно не было принято. Просто служащим и посетителям Управы предложили самим беспокоиться о сохранности своей одежды и галош, вот с тех пор и установилась традиция, о которой рассказано в «Собачем сердце» и которая так возмущала профессора Преображенского. Никто теперь, приходя в учреждения, не говоря уже о домах, подобных тому, где жил профессор, не раздевается и не снимает калош в передней или в парадной (да и калоши давно уже никто не носит).



Профессор Преображенский (Е. Евстигнеев) и Шариков (В. Толоконников). Кадр из фильма.

По крайней мере, так происходит с тех пор в евпаторийских учреждениях, например в здании горисполкома (бывшей Управы), где в лучшем случае имеется вешалка в приемной кабинетов городских руководителей, и иногда вам могут предложить раздеться.

Но евпаторийское «дело о галошах» интересно, прежде всего, тем, что подобный эпизод в своей повести Булгаков, скорее всего не выдумал, а взял «из жизни». Вполне возможно, что он утрировал и художественно переработал какой-то известный ему факт, может быть даже евпаторийский. Имеются сведения, что

Булгаков побывал в Крыму и Евпатории в конце 1923 года, до создания «Собачьего сердца», а в Евпатории и Симферополе происходили события фельетона «Сильнодействующее средство» [4].

Хотя относительно других городов подобными фактами автор не располагает, остается полагать, что евпаторийский случай не был в то время единственным, и Булгаков мог с подобным столкнуться и сам. К тому же тема калош (галош) долгое время была популярна в литературе. В другом контексте, и другие калоши упоминаются также и в булгаковской повести «Роковые яйца».

Вопрос о том, когда в России стали пропадать калоши на самом деле, тоже интересен. Профессор Преображенский связывает подобные события с революцией и разрухой, причем критикуя эти события как следствие «разрухи в головах» людей. В связи с этим существенное значение имеет дата, приводимая профессором. В приведенных выше цитатах из повести следует даже указание точного дня происшествия — 13 апреля 1917 года. Вкладывал ли писатель в эту дату какой-то политический смысл, кроме юмористического? Ведь «пятница 13-го» по поверьям является днем, когда более вероятно ожидать всяких неприятностей, и даже бед и несчастий. Конечно, в 1925 году не всякий бы вспомнил, что в указанный профессором день была пятница, но все же кто-то мог. И неясно, сознательно ли Булгаков выбрал именно эту дату?

Как известно, повесть так и не удалось опубликовать в те годы, хотя Булгаков неоднократно редактировал ее и вносил изменения. Очевидно, что выше мы цитировали одну из первых, если не первую редакцию (все они вряд ли найдены), потому что в других изданиях «Собачьего сердца» обнаруживаем другую дату. В текст «... до апреля тысяча девятьсот семнадцатого года не было ни одного случая» внесена поправка «... до марта 1917 года...» и т.д. Там, где были «...те самые калоши, которые исчезли тринадцатого апреля тысяча девятьсот семнадцатого года» теперь внесено изменение, и калоши «... исчезли весной 1917 года»! По сведениям комментатора издания с таким текстом повесть публиковалась по ее последней известной редакции [5, с. 757].

Получается, что кому-то из редакторов, знакомившихся с повестью, не понравилась «апрельская дата», и Булгакову посоветовали ее изменить. Чем же могла не понравиться эта дата похищения калош? Скорее всего, здесь усмотрели намек на причинную связь с некоторыми предшествующими апрелю 1917 года события, например прибытие из Германии «запломбированного вагона» с Лениным и другими революционерами левого толка. Также возникает ассоциация с «Апрельскими тезисами» Ленина

и т.п. Упоминание 13 апреля, особенно для тех, кто вспомнил бы, что это была пятница, содержало намеки на связь апрельских событий с «темными силами».

Замена этой даты на «март 1917» лишала речь профессора неприятного подтекста, и теперь все сводилось к субъективному впечатлению профессора Преображенского, что все бытовые неприятности пришли после февральской революции. А эта революция в 1925 году советскими властями считалась буржуазной и не относилась к прогрессивным явлениям. Однако евпаторийские события, которые были документированы, доказывают, что если «пропажу калош» рассматривать как симптом наступающей разрухи, то он проявился еще раньше, в последние месяцы существования самодержавия. Третий год шла война, и это сильно подорвало российскую экономику и материальное благосостояние населения. Огромные затраты финансов и материальных средств шли на военные цели.

Поэтому более правдоподобной причиной случаев похищения калош, кроме указанных выше, является то, что в военное время многие ранее доступные товары стали дефицитом, возник «черный рынок», спекуляция и т.п. Например, как считают историки, те же калоши исчезли из продажи по причине того, что вся резина шла на военные нужды, и производство калош просто прекратилось. В то же время не прав был Преображенский, утверждая, что его калоши после кражи стал носить некий пролетарий. Прав его ассистент Борменталь, заметивший, что у «пролетария» вовсе нет калош», и добавим, нет даже привычки носить калоши. Это доказывается и в самом «Собачьем сердце», когда к профессору является домком в полном составе во главе со Швондером, и он же их упрекает: «Вы, господа, напрасно ходите без калош в такую погоду...».

Скорее всего, если похитители калош относились к пролетариям или воровскому сословию, то их добыча поступала спекулянтам и перекупщикам, а затем на «черный рынок». А отсюда к тем, кто привык носить калоши: чиновникам, служащим, интеллигенции, купечеству и прочей «приличной» публике. В евпаторийских случаях, происходивших в Городской Управе, вообще сомнительно, чтобы виновниками были пролетарии или просто воришки с улицы. Вероятно, к этому были причастны или мелкие служащие, или вспомогательный персонал самой Управы. Разруха, которую привела затянувшаяся война, способствовала падению нравов. Архив Городской Управы того времени переполнен просьбами служащих о повышении оплаты и жителей города о материальной помощи.

Мечты профессора Преображенского о городовом, которого следовало «поставить рядом с каждым человеком» во времена, когда создавалась повесть «Собачье сердце», воплощались в советском государстве иным образом. Все большую роль в жизни граждан стали играть ЧК, затем ГПУ. Для прочих членов партии бытовала формула: «каждый хороший коммунист есть чекист». Доносы по малейшему поводу становились нормой повседневной жизни. В 1926 году, очевидно по доносам, работники ГПУ придут с обыском и к Булгакову. Экземпляры «Собачьего сердца» будут изъяты... Но это, как теперь любят говорить, уже другая история.

Литература

1. Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Том 2. — М.: «Худож. лит.», 1989. — 752 стр.
2. ГААРК (Гос. архив Авт. Респ. Крым), ф. 681, оп. 2, д. 714.
3. ГААРК, ф. 681, оп. 2, д. 658.
4. Мешков В.А. Михаил Булгаков и Евпатория // В.А. Мешков. Михаил Булгаков и Крым: новые страницы. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. — С. 15-29.
5. Яновская Л. Комментарии // Михаил Булгаков. Избранные произведения в двух томах. Том 1. — Киев: Изд. худож. лит. «Днипро», 1989. — с. 751-757.
6. Февральская революция. 1917. Народная милиция по исследованиям В.Б. Аксенова // Аксенов В. Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Москва, 2002. — С. 68-75.
http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?cat_obno=&obno=13823&rt=&print=1

2014

Булгаковский дом на Садовой и Евпатория

Квартира № 50 в доме 302-бис по Садовой улице в романе «Мастер и Маргарита», где обитал Воланд и его «нечистая сила», получила известность как «нехорошая квартира». Она имеет прообраз: Булгаков с женой Татьяной Лаппой в 1921-1924 гг. жили в квартире № 50 в доме № 10 по Большой Садовой улице в Москве. В этом же доме они потом обитали в квартире № 34. Эти квартиры, дом и их реальные обитатели отразились не только в романе, но и в целом ряде рассказов и фельетонов: «№ 13. — Дом Эльпит-Рабкоммуна», «Псалом», «Самогонное озеро», «Воспоминание...» и др. [1, с. 549-551; 562-564].

Как достояние литературной истории Москвы реальный дом №10 по Большой Садовой впервые был отмечен в воспоминаниях одного из его жильцов, знавшего писателя [2, с. 164-191]. Не останавливаясь на его краеведческих исследованиях прообразов и прототипов романа «Мастер и Маргарита», обратимся к его выводу и описанию истории дома: «Итак, никакого дома 302-бис не было. Зато был и есть дом № 10 на Большой Садовой — дом Пигит, как называют его московские старожилы.

Дом пятиэтажный (шестиэтажным автор величает его, думаю, опять-таки из любви к легкому камуфляжу). Один из двух его корпусов — тот, что на пол-этажа повыше, выходит фасадом на улицу; другой — буквой П — находится во дворе, куда ведет длинная подворотня. Когда-то две клумбы и фонтан украшали его асфальтовый прямоугольник. В центре фонтана стояла скульптура: мальчик и девочка под зонтом. Теперь на этом месте растут два деревца, огороженные низенькими зелеными колышками.

Сначала дом не предназначался для жилья — богач Пигит строил табачную фабрику. Но в самый разгар строительства пришло запрещение возводить фабрику внутри Садового кольца. Пигит не растерялся, и промышленное здание быстро превратилось в жилое. Фабрика „Дукат“ выросла по соседству, в Тверском-Ямском переулке.

Проходя мимо дома Пигит теперь, в эпоху пластика и железобетона, вряд ли обратите на него внимание: типичный для старой Москвы доходный дом, какие строили в начале века в расчете на „чистую публику“. А прежде, до реконструкции Садового кольца, еще не стиснутый громадами каменных соседей, дом выглядел внушительно. Шикарные эркеры, лепные балконы... Нарядный, полукругом выгнутый палисадник отделял здание от тротуара».



Понятно, что булгаковедов, как и авторов воспоминаний о Булгакове фигура владельца дома мало занимала. И в этой публикации о нем всего лишь сообщалось: «Бельэтаж с длинными балконами на улицу занимал сам Пигит. Компаньон его, владелец гильзовой фабрики Катык („Покупайте гильзы Катыка!“), разместился на четвертом этаже второго корпуса». Далее В. Лёвшин первым идентифицировал, что «дом Пигит», это «не фон, не место действия, не поставщик сюжетов и реалий, а герой повествования» в рассказе Булгакова «№ 13. — Дом Эльпит-Рабкоммуна». Здесь действие происходит в начале 1920-х годов, когда дом уже стал общенародным достоянием, хотя начальствовал им тогда «„гениальнейший из всех московских управляющих Борис Самойлович Христи“, за которым стоит колоритная фигура „матово-черного дельца в фуражке с лакированным козырьком“ — караим Сакизчи, управлявший домом при Пигите и оставленный в той же должности после революции по причине своей полной незаменимости» [2, с. 181].

По поводу владельца дома в [2] можно найти другие сведения, как выясняется, весьма неточные: «Прототипом Эльпита, платящего жалование Христи за сохранение дома, послужил не сам И.Д. Пигит, как кажется, благополучно эмигрировавший, а А.Б. Манасевич». На самом деле Пигит умер еще до революции. Манасевич, один из богатых и влиятельных жильцов дома, не мог служить прототипом Эльпита: это явно собирательный персонаж, обобщающий черты реальных людей в соединении с фантазией Булгакова.



И.Д. Пигит с женой Верой. Рига. 1896

Сегодня многие люди, особенно известные, имевшие отношение к этому дому и к персонажам прозы Булгакова, в той или иной степени изучены. Не так давно в булгаковском музее «Нехорошая квартира» проходила выставка «Дом Пигита», и многие новые сведения появились в Интернете, но все-таки пока булгаковеды копали недостаточно глубоко, и связи этого дома с Евпаторией пока не выявили.

Обратимся к биографии хозяина дома на Садовой: «Пигит Илья Давидович (1851-1915); имел низшее караимское и общее образование. И.Д. Пигит был выдающимся знатоком табака и производственным организатором и создал в г. Москве одну из самых больших и лучших в России фабрику табачных изделий под фирмой „Дукат“ <...>; он же самый крупный среди караимов жертвователь, оставивший после смерти более трех с половиной миллионов рублей золотом караимскому трудовому народу на разные национальные и благотворительные цели» [3, с. 164]. Большая часть этих денег, согласно завещанию предназначалась «на приобретение земли и устройство на ней караимского поселения для приучения к земледельческой культуре нуждающихся караимов с безвозмездным пользованием их земель и устройством».

В этой же биографической справке содержатся важные для нас сведения: «Для этой цели Илья Давидович незадолго до смерти лично сам облюбовал и приобрел недалеко от родного города Евпатории большое благоустроенное имение с паровой мельницей и прекрасной пахотной землей в количестве 3200 десятин, назвав его по караимски „Имдат Пигит“, что означает „Помощь Пигита“» [3, с. 164-165]. Из этого следует, что свое происхождение Пигит вел от Евпатории, и часть своих средств направил соплеменникам и землякам для устройства их жизни вблизи своего родного города. Это было не случайно — Евпатория к тому времени давно считалась духовной столицей караимов.

Что касается завещания Пигита, то из другого, более позднего источника следует, что на самом деле имение не являлось большей частью его «движимого и недвижимого имущества, составлявшего более 3,5 миллионов рублей». Наследство делилось на две части: «Одну половину он завещал родственникам, директорам фабрики, работникам, караимским общинам. Остальные 50% он завещал Москве для учреждения в течение 12 лет профессионального полезного учебного заведения им. И.Д. Пигита» [4, с. 26].

Очевидно, что вторая половина наследства составляла денежные средства и была или расхищена, или досталась советской власти, а учебное заведение в честь Пигита учреждено не было.

Соответственно первая половина состояла из дома Пигита, табачной фабрики «Дукат» и евпаторийского имения. Кому перешел по наследству дом, булгаковедение умалчивает, но вероятно, родственникам. Табачная фабрика со всеми ее делами и производством, скорее всего, отошла директорам.

Более подробно известна судьба имения: «Земля была приобретена у немца Ранке, и в момент покупки находилась в арендном пользовании братьев Гелеловичей <известных евпаторийских богачей>. Срок аренды истекал в 1921 году и потому И.Д. Пигит не хотел рекламировать ее покупку до истечения срока аренды. В 1916 году И.Д. Пигит скончался <биографические источники указывают 1915 год>. После его кончины братья Гелеловичи согласились до истечения срока аренды расторгнуть договор и передать землю в распоряжение Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления и 5-ти уполномоченных от евпаторийской общины» [4, с. 26-27].

Но шла война, потом произошли революции, и началась гражданская война. Выборы уполномоченных состоялись в Евпатории только 23 января 1918 года на сходе местных караимов по организации караимского сельского общества на земле «Имдат Пигит». Автор публикации [4] считает, что документы о передаче имения «в пользу караимского народа до конца оформлены не были из-за халатности душеприказчиков».

Но о каком юридическом оформлении можно говорить, если в 1917 году власть в Крыму от монархии перешла к Временному правительству, а после его падения и периода многовластия в начале 1918 года установилась советская республика Таврида. Уже в конце апреля пришли немцы и началась германская оккупация. В ноябре немцы ушли, и их место заняла Антанта и деникинцы. Продержались они до середины апреля 1919 года, и были изгнаны советскими войсками, установившими Крымскую Советскую республику. И опять ненадолго, к концу июня белые войска и Антанта вновь заняли Крым, и он стал их последним оплотом до ноября 1920 года. При этом в Крыму происходило столкновение и различных национальных интересов, в частности крымские татары пытались создать свое государство.

Где уж тут было учитывать интересы немногочисленного караимского народа? Многие их представители были богатые или небедные люди, советской властью причисленные к буржуям, помещикам и кулакам. Душеприказчики Пигита не выделили денег на обзаведение хозяйством и приобретение инвентаря, а дали их только в долг. Братья Гелеловичи от аренды так и не отказались, и предоставили землю и инвентарь в субаренду. Тем не менее,

первые пять семей поселенцев в 1919 году собрали первый урожай, расплатились с долгами. Но в 1920 году при Врангеле по изданному им земельному закону земля была отобрана. После установления советской власти в Крыму в конце 1920 года земля караимского поселения была поделена между малоимущими крестьянами, а впоследствии стала принадлежать колхозам и совхозам. Так закончилась история этого благотворительного начинания Пигита.

Подобная судьба постигла и дом Пигита. Он был национализирован советской властью, а его просторные и роскошные квартиры подверглись «уплотнению» и стали коммунальными. Управлять домом стали жильцы на правах рабочей коммуны. В одну из комнат квартиры 50 довелось в 1921 году вселиться Михаилу Булгакову.



Но вернемся к истории табачной фабрики Пигита: «Летом 1891 года в Москве у внешних границ Садового кольца, среди деревянных домов Чухинского переулка, начали строиться двух и трехэтажные корпуса табачной фабрики „Дукат“ (ул. Гашека, д.6). <...> Владелец предприятия тридцатидевятилетний купец 2-й гильдии И.Д. Пигит организовал на фабрике выпуск дешевых сортов табака, так называемого картузного табака (этот табак носили в картузах или в кисетах), махорки и дешевых папирос ручного производства. Выпуск табачной продукции рассчитывался на массового покупателя и на нее был большой спрос. Процветающее предприятие имело фирменный табачный магазин на Кузнецком мосту, множество мелких табачных магазинов и палаток, а также крупный склад табака в городе Бахчисарае» [4, с. 23].

Таким образом, сведения Лёвшина, что на месте «дома Пигита» сначала строилась фабрика, неверны: дом был построен

только в 1906 году¹⁰ [5, с. 716]. Очевидно поэтому, что строился он на доходы от реализации продукции табачной фабрики. Возникает вопрос, почему же Пигит назвал свою фабрику в честь Катыха и Дувана?

Это вновь возвращает нас к изучению связей Пигита с Евпаторией. Будучи уроженцем Евпатории, он не раз в ней бывал, имел там «домик». Пигит состоял в Евпаторийском обществе попечения о бедных караимах. К нему не раз обращались за помощью евпаторийцы. По воспоминаниям председателя этого общества М. Айваза, в 1908 году на пожертвования местных благотворителей, среди которых А.М. Гилелович (посмертно) и его наследники выделили 50 т. руб., были построены здания «Женского профессионального училища», где обучались швеи и портнихи. Однако на этом местные ресурсы исчерпались, и тогда Айваз обратился к Пигиту с просьбой выделить 1000 руб. на новую обстановку и учебные пособия: «Пигиту очень понравилось, что мы в школе ввели преподавание караимского Закона Божия и он дал 3000 руб.» [6, с. 47].

В училище был оборудован зал, где ставились детские спектакли и проводились литературные вечера. На одном из них побывал Пигит: «Вечер этот привел его в такой восторг, что, уходя, он сказал, что жертвует Обществу имеющийся у него в Евпатории домик» [6, с. 49]. Кроме этого, для училища Пигит обещал дать 100 т. руб. «на его расширение и постройку второго этажа здания». Но это происходило незадолго до смерти миллионера, и оформить и передать эти дары он не успел. Айваз и другие члены Общества поехали в Москву на похороны Пигита, но опоздали. От наследников узнали, что по завещанию на благотворительность Пигит оставил 200 т. руб. Душеприказчики согласились выделить для училища 125 т. руб., но, как и в случае с имением и землей, по словам Айваза «из-за государственного переворота осуществить это оказалось невозможным» [6, с. 50]. Если учесть, что Пигит умер в 1915 году, то можно заключить, что и в этом случае наследники и душеприказчики не торопились выполнить волю покойного и свои обещания.

Учредители табачной фабрики «Дукат», хозяином которой стал Пигит, Дуван и Катых тоже были благотворителями, и Евпатория тоже была их родным городом.

¹⁰ В Музее «Нехорошая квартира» 100-летие «Дома Пигита» отмечали в 2004 году. В 2015 году открыта выставка, посвященная этому дому [7].



Сохранилось только очень плохое фото Катыка, в отличие от его рекламы, в которой часто использовались «детские сюжеты».

Абрам Ильич Катык (1860-1936) в караимских источниках характеризуется «выдающимся производственным организатором и коммерсантом», известным не только в России, но и в Западной Европе. В 1890 году как главный инициатор и главный основатель он вместе с братом Иосифом Ильичем Катыком создал в Москве «величайшую в мире» гильзовую фабрику для табачных изделий [3, с. 92]. Он много лет стоял во главе Московской караимской общины, а в 1907 году стал одним из главных основателей и бессменным Председателем Правления Московского караимского благотворительного общества вспомоществования бедным караимам. В 1917 году эти общества были упразднены, а фабрика Катыка, как и фабрика «Дукат», была национализирована. Однако Катык был принят на советскую службу и несколько лет состоял коммерческим директором в Совпольторге в Москве: «Два раза Катык ездил по службе за границу, причем все задания Советского правительства выполнял честно и точно, вполне оправдав оказанное ему доверие». Тем не менее, советская власть не обеспечила ему достойную старость: «Последние свои годы Катык провел в нужде, которая и послужила главной причиной его смерти» [3, с. 93].

Эзра Исаакович Дуван (1844-1906) всю жизнь прожил в Евпатории. О том, какие дела связывали его с Катыком и Пигитом, сведений найти не удалось. Однако понятно, что караимы обычно старались иметь дело со своим кругом, особенно в коммерции и предпринимательстве. К 1890 году Дуван, как старший из троих, уже имел в Евпатории большие средства, и вероятно мог ссудить Катыка и Пигита начальным капиталом для создания их фабрик. В Евпатории он был известен как видный городской и общественный деятель и крупный благотворитель. Много лет состоял глас-



ным городской думы, почетным мировым судьей, председателем мирового съезда Евпаторийского округа, участвовал в попечительских и училищных советах в сфере образования. Правительство наградило его рядом золотых медалей и орденами вплоть до Владимира 4-й степени [3, с. 48]. Евпатории Э.И. Дуван завещал 100 т. руб. золото¹, и это в 1905 году были большие средства.

Культурные пристрастия Пигита и Катыка нам мало известны, а что касается Э.И. Дувана, то про него отмечали: «В караимских делах Д. участия не принимал» [3, с. 48]. Этот же источник сообщает, что его сыновья «национального образования (т.е. знания родного языка и литературы) от отца» не получили. В этом нет ничего удивительного. После присоединения Крыма к России караимы стали полноправными гражданами, многие из которых стремились получить полноценное образование и овладеть русской культурой. Без этого те же Катык и Пигит не преуспели в своих предпринимательских делах в Москве, в российской среде. Дуван и его сыновья без этого не смогли бы добиться успехов и известности в обществе, в своей карьере, в достижении богатства.

Упреки в том, что у них было «пренебрежительное отношение <...> ко всему родному национальному и слепое подражание всему европейскому», вряд ли справедливы. В истории России много примеров, как люди самых различных национальностей, в первую очередь, ощущали себя российскими гражданами, становились людьми, прежде всего, российской культуры. Многие принимали православие.

Например, один из сыновей Э.И. Дувана — Исаак Эзрович Дуван-Торцов окончил юридический факультет Киевского уни-

¹ По другим источникам, Э.И. Дуван оставил городу 50 т. руб.

верситета, был присяжным поверенным, но оставил эту профессию, а приобрел известность как выдающийся артист и декламатор. Он много лет занимался театральной и преподавательской деятельностью в Киеве, поэтому М. Булгаков, с гимназических лет увлекавшийся театром, наверняка о нем знал. В 1912 году И.Э. Дуван-Торцов получил приглашение в Московский художественный театр, где под руководством Станиславского успешно играл до конца Первой Мировой войны, а во время гражданской войны уехал за границу. Живя с 1920 года в Лондоне, он создал там свою драматическую студию, успешно в ней преподавал, снимался в кино.

Его брат Семен Эзрович был выдающимся городским, земским и общественным деятелем в Евпатории и Евпаторийском уезде. В 1906-1910 и 1916-1917 годах как городской голова возглавлял Евпаторию. Еще при его жизни одна из центральных улиц города была названа Дувановской, и сегодня сохраняет это название в его честь. Он много сделал для того, чтобы превратить Евпаторию в первоклассный европейский курорт по лучшим образцам того времени. При его участии для развития культуры в городе был построен один из лучших театров того времени на юге России, и Пушкинская аудитория для народного просвещения. На свои средства С.Э. Дуван построил городскую публичную библиотеку им. Александра II (ныне им. А.С. Пушкина), для которой было приобретено и передано гражданами города, в том числе самим С.Э. Дуваном, большое количество книг. Свою богатую библиотеку завещал городу и его отец. К сожалению, за прошедшие 100 лет от первоначального богатого фонда их библиотек мало что уцелело.

Это семейство состояло в родстве с легендарным гаханом (патриархом) караимов «Хаджи Агой» Симой Соломоновичем Бабовичем (1788-1855), сыновья Э.И. Дувана были его внуками. Это был богатейший человек и землевладелец в Крыму. Он около 40 лет фактически возглавлял всех караимов и «обессмертил свое имя многими великими заслугами перед караимством» [3, с. 12]. Именно при нем Евпатория стала столицей караимов, где сам Бабович как гахан проживал в 1839-1855 гг. Ему было поручено руководить реставрацией знаменитого Бахчисарайского дворца, воспетого Пушкиным. Весьма вероятно, что Бабович встречался с великим русским поэтом. После пребывания в Крыму Пушкин всю жизнь носил караимское кольцо с сердоликом, подаренное Бабовичем супруге крымского правителя графа Воронцова.

После смерти Пушкина Бабович был среди двух человек, подписавшихся на посмертное издание собрания сочинений поэта в Евпаторийском уезде. Тем самым караимскому народу было заведено уважение не только к Пушкину, но и ко всей российской культуре. В связи с тем, что точная история предков Пушкина неизвестна, исследователями выдвинута версия караимского происхождения Пушкина. Как мы видели на примере «матово-черного» караима Сакизчи, среди них действительно бывают люди, по облику близкие к африканским обитателям. Поэтому есть некоторые основания того, что «арап Петра Великого», предок Пушкина Ганнибал, был малолетним «черным» караимом, которого выдали за отпрыска эфиопских царских кровей. Документального подтверждения этому исследователи до сих пор не нашли, и вполне вероятно, что родословная пушкинского предка была сочинена в угоду Петру.

Такова историческая подоплека той цепи событий, которая привела караимов, выходцев из Евпатории, в Москву, к участию в российской предпринимательской деятельности. Без сомнений, что в основе всех их серьезных предприятий лежал караимский, и в основном крымский и евпаторийский капитал. Одним из таких предприятий и стал доходный дом Пигита.

Бурные послереволюционные события привели в Москву и в этот дом бывшего врача, начинающего журналиста и писателя Михаила Булгакова. Благодаря ему прообраз этого дома навсегда вошел в знаменитые теперь произведения русской литературы. В рассказе «№ 13. — Дом Эльпит-Рабкоммуна» мы не видим караимов, хотя связи Булгакова с Евпаторией теперь известны по крайней мере с 1911 года [8. с. 38], когда караимы были на ведущих ролях в городе. В рассказе-притче такие подробности не были нужны, дом здесь является символом «прежней жизни», остатки которой должны теперь существовать при «новой советской жизни» в виде рабочей коммуны, прообраза далекого коммунистического будущего. Булгаков не верил в это будущее, и он показывает гибель дома. Тем самым показана не только неизбежная гибель «старого мира», но и эфемерность «новой жизни», которая строится по принципу «все отобрать и поделить».

«Был дом... Большие люди — большая жизнь.

<...> Четыре лифта ходили беззвучно вверх и вниз. Утром и вечером, словно по волшебству, серые гармонии труб во всех 75 квартирах наливались теплом. В кронштейнах на площадках горели лампы... В недрах квартир белые ванны, в важных полутемных передних тусклый блеск телефонных аппаратов... Ковры... В кабинетах беззвучно-торжественно. Массивные кожаные

кресла. И до самых верхних площадок жили крупные массивные люди. Директор банка, умница, государственный человек с лицом Сен-Бри из «Гугенотов», лишь чуть испорченным какими-то странноватыми, не то большими, не то уголовными глазами, фабрикант (афинские ночи со съемками при магии), золотистые выкормленные женщины, всемирный феноменальный бас-солист, еще генерал, еще... И мелочь: присяжные поверенные в визитках, доктора по абортам...

Большое было время...» [9, с. 243].

Здесь у Булгакова и восхищение комфортом и налаженным бытом, к чему он был всегда равнодушен, и ирония по отношению к прежним обитателям Дома. Столь же иронично и сатирическое изображение новой жизни Дома:

«И ничего не стало. *Sic transit gloria mundi!*¹²

Страшно жить, когда падают царства. И самая память стала угасать. Да было ли это, Господи?... Генерал от кавалерии!.. Слово какое!

Да... А вещи остались. Вывезти никому не дали.

Эльпит сам ушел в чем был.

Вот тогда у ворот, рядом с фонарем (огненный „№ 13“), прилипла белая таблица и странная надпись на ней: „Рабкоммуна“. Во всех 75 квартирах оказался невиданный люд. Пианино умолкли, но граммофоны были живы и часто пели зловещими голосами. Поперек гостиных протянулись веревки, а на них сырое белье. Примусы шипели по-змеиному, и днем и ночью плыл по лестницам щиплющий чад. Из всех кронштейнов лампы исчезли, и наступал ежевечерно мрак. В нем спотыкались тени с узлом и тоскливо вскрикивали:

— Мань, а Ма-ань! Где ж ты? Черт те возьми!

В квартире 50 в двух комнатах вытопили паркет. Лифты... Да, впрочем, что тут рассказывать...» [9, с. 243-244].

В рассказе Булгакова прежний владелец Адольф Иосифович Эльпит и управляющий Борис Самойлович Христи прилагают титанические усилия, чтобы сохранить дом, в надежде, что прежние времена вернуться. Но Дом гибнет в апокалиптическом пожаре, когда в жестокие холода стало нечем топить, и жилища Аннушка Пыляева стала топить в своей комнате буржуйку выломанным паркетом.

В действительности такого пожара не было¹³, и Дом сохранился до наших дней. Теперь в нем два музея, в какой-то степени

¹² Так проходит мирская слава (лат.).

«конкурирующие учреждения». В начале 1990-х годов открыли музей в «нехорошей квартире» 50, в 2007-м он стал государственным. Позже в 2004 году возник Музей-центр «Булгаковский дом». Оба музея ведут большую работу по популяризации творчества писателя, и привлекают большое число посетителей.

В заключение зададимся еще одним вопросом: случайно ли то, что Булгаков, приехав в Москву в 1921 году, оказался именно в этом доме? Известно, что Крым иногда явно, иногда неявно, получил отражение в творчестве писателя. Об известных поездках Булгакова в Крым рассказано в [11]. Сравнительно недавно разыскания автора показали, что Евпатория тоже явно отразилась в творчестве Булгакова в «Театральном романе» и фельетоне «Сильнодействующее средство» (1924). Писатель, как выяснилось, побывал в Евпатории в 1911 и 1923 году. В Крыму, Евпатории и Симферополе жили его родственники, с которыми он общался при своих приездах. В гражданскую войну в Крыму в белой армии находились его братья, один из них, Николай, спасся благодаря евпаторийским родственникам. Об этих и других «евпаторийских» подробностях в жизни Булгакова рассказано в [8].

Эти обстоятельства дают основания полагать, что в огромной Москве путь к «крымскому евпаторийскому островку» — дому Пигита — был предопределен либо самим Михаилом Булгаковым, либо его судьбой, как бы предначертанной свыше. В этом доме проходило становление Булгакова как писателя. Его творчество навсегда обессмертило Дом и его окрестности как знаковое «булгаковское место», ныне одно из самых известных среди культурных достопримечательностей Москвы. Стоило копнуть глубже поверхностных сведений, и обнаружились новые скрытые нити, опять связывающие Михаила Афанасьевича Булгакова через этот дом с Крымом и Евпаторией.

¹³ «Хотя дом №10 по Большой Садовой и не горел, как неоднократно предсказывал М.А.Булгаков (например, в рассказе «№13 — Дом Эльпит-рабкоммуна»), метафорически можно сказать, что теперь изнутри он выжжен дотла. 70 лет коммунальной истории и бурная последняя пятилетка, увы, не прошли для него даром, уничтожив убранство квартир, декоративные элементы, а теперь — и многие элементы главного и дворовых фасадов» [10].

Литература

1. Соколов Б.В. Булгаков. Энциклопедия. — М.: Эксмо, Алгоритм, Око, 2007. — 831 с. — (Энциклопедия великих писателей).
2. Лёвшин В. Садовая 302-бис / Воспоминания о Михаиле Булгакове. — М.: Советский писатель, 1988. — 528 с.
3. Караимы. Караимский биографический словарь (от конца VIII в. до 1960). Часть 2 / Составитель Ельяшевич Б.С. — М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1993. — (Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XIV. Караимы. Кн.2). — 323 с.
4. Караимы и Москва. — М.: Издательство Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997. — 130 с. — (Культурно-просветительское общество караимов).
5. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. — М.: Книга, 1988. — 672 с.
6. Айваз М.А. История Общества попечения о бедных караимах // Караимская народная энциклопедия. Т.5. Культура крымских караимов (тюрков). — СПб: ООО Издательский дом «Gallina Scripsit», 2006. — 448 с.
7. Выставка «Дом на Большой Садовой» — отчёт [электронный ресурс]. — Режим доступа:
<http://mayak-parnasa.livejournal.com/334228.html>
8. Мешков В.А. Михаил Булгаков и Крым: новые страницы. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. — 160 с.
9. Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 5 т. Т.2. — М.: Художественная литература, 1992. — 751 с.
10. История дома Пигит — Музей Михаила Булгакова [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bulgakovmuseum.ru/exposition/pigit-house-history>
11. Виленский Ю.Г., Навроцкий В.В., Шалюгин Г.А. Михаил Булгаков и Крым. — Симферополь: «Таврия», 1995. — 144 с.

2015

ВЗГЛЯД ИЗ КРЫМА

Сергей Есенин и Михаил Булгаков

Известно, Михаил Афанасьевич Булгаков не любил и современную ему поэзию, и поэтов своего времени. По этой причине даже Анна Ахматова, дружившая с семьей Булгаковых, не осмеливалась в его присутствии читать свои стихи. Свое суровое отношение М. Булгаков не изменил даже по отношению к стихам своего родного брата Ивана. Когда тот, живя в эмиграции в Париже, посылал Михаилу в письмах свои произведения, критика в ответ была весьма строга.

Между тем, имеются сведения, что сам Булгаков с молодости был не чужд стихотворчеству, сохранились образцы его шуточных произведений в стихах¹⁴. Много лет спустя, его сестра Надежда, вспоминала о всесторонней одаренности брата: *«Михаил Афанасьевич писал сатирические стихи о семейных событиях, сценки и «оперы», давал всем нам стихотворные характеристики»* [1, с.60]. В зрелые годы писатель тоже иногда в письмах родным «срывался» на стихотворный жанр, например, описывая жизнь в знаменитом теперь доме №10 в Москве: *«На Большой Садовой/ Стоит дом здоровый»*¹⁵ и т.д. [1, с.66]. Но все свои «опыты» подобного рода Булгаков оставлял для узкого круга родных и знакомых.

Можно понять, что к поэзии и поэтам Булгаков предъявлял очень высокие требования. Ведь во времена его молодости было модно «баловаться стишками», поэтов было великое множество, одни считали себя «непризнанными гениями», а другие, как Игорь Северянин, наоборот, сами себя объявляли гениями. С публичными выступлениями и поведением поэтов было связано много скандалов, эпатажа и бравлады, демонстраций пренебреже-

¹⁴ В архиве Булгакова сохранился также листок с набросками стихотворения. Он датирован 28 декабря 1930 г. и озаглавлен «Funfairilles» («Похороны»). Об этом см. [2, с.450]

¹⁵ В доме №10 на Большой Садовой много раз бывал у друзей Сергей Есенин — в кв. 21 жила мать имажиниста В. Шершеневича, а в кв.38 была студия художника Якулова, где Есенин познакомился с Дункан. Студию с ее гостями считают одним из прототипов «Зойкиной квартиры». Булгаков проживал сначала в «нехорошей квартире» 50, а затем в кв. 34 [1, с.164—171].

ния к «мещанам и обывателям», нравственным устоям и духовным ценностям «власть имущих».

Булгаков и круг его знакомых, уже в юности, критически относились к таким способам вхождения в литературный мир, завоевания известности и популярности. Обращаясь снова к воспоминаниям сестры писателя о киевских дореволюционных годах: *«Читали декадентов и символистов, спорили о них и декламировали пародии Соловьева: «Пусть в небесах горят паникадила — В могиле тьма»* [1, с.59].

О некоторых взглядах писателя на поэзию можно судить из его неоконченного письма к брату, Ивану Афанасьевичу: *«Невозможность ли, нежелание ли до конца разъяснить свой замысел, быть может, желание затушевать его нарочно, порождают очень большой порок, от которого надо немедленно избавляться: это постановка в стихах затертых, бледных, ничего не определяющих»* (от 12.05.1934).

По таким косвенным указаниям можно судить, что Булгаков выше всего ставил классические образцы поэзии, и не принимал всерьез стихи, в том числе и свои, далекие от столь высокого уровня. Вполне возможно, что единственным таким образцом для Булгакова было творчество Пушкина. Из автобиографической повести «Записки на манжетах» можно узнать, что первой литературной травле М.А. подвергся во Владикавказе за попытку защитить Пушкина от новоявленных советских «гонителей»:

«И было в лето, от Р.Х. 1920-е, из Тифлиса явление. Молодой человек, весь поломанный и развинченный, со старушечьим морщинистым лицом, приехал и отрекомендовался: дебошир в поэзии. Привез маленькую книжечку, похожую на преискурнт вин. В книжечке — его стихи.

Ландыш. Рифма: гадыш.

С ума сойду я, вот что!..

Возненавидел меня молодой человек с первого взгляда. Дебоширит на страницах газеты (4 полоса, 4 колонка). Про меня пишет. И про Пушкина. Больше ни про что. Пушкина больше, чем меня ненавидит. Но тому что! <...> А я пропаду, как червяк» [3, т.1, с.481].

Последствия интерес к Пушкину выразился у Булгакова в работе над пьесой о Пушкине «Последние дни» (1934-1935).

Все изложенное говорит о том, что тема поэтов и поэзии, отношения к ним общества, не были чужды Булгакову, а его житейский и литературный опыт содержал соответствующие яркие и разнообразные впечатления.

Неудивительно, что в главном романе Булгакова «Мастер и Маргарита», одним из главных героев «второго плана» является

поэт Иван Николаевич Бездомный. Ныне существует целая «отрасль» популярной литературы, изучившая роман вдоль и поперек, толкующая его вкривь и вкось. А один из разделов этой «отрасли» посвящен поиску прототипов героев романа.

Разумеется, образ Бездомного является собирательным, он не был полностью «списан» с одного конкретного человека, хотя и такое в литературе случается.

Мариэтта Чудакова, наиболее авторитетный исследователь Булгакова, отмечала: «И сам Есенин, и молодые поэты из его ближайшего окружения последних московских лет <...> Иван Старцев и Иван Приблудный — стали, на наш взгляд, материалом для построения «двух Иванов» — сначала Ивана Русакова в «Белой гвардии», затем — Ивана Бездомного в «Мастере и Маргарите» [2, с. 272]..

Комментаторы первого собрания сочинений Булгакова видели в нем «черты многих лиц: Д. Бедного, Безыменского, Ив. Ив. Старцева и др.», но Есенина уже забыли. Хотя отмечали, что псевдоним Бездомный (Понырев), выбран вполне в духе того времени, согласно «идеологическому шаблону»: Максим Горький (Алексей Пешков), Демьян Бедный (Ефим Придворов), Иван Приблудный (Иван Овчаренко) и т.п. [3, т.5, с.632].

Автор «Булгаковской энциклопедии» [5] пошел дальше, и основным прототипом Бездомного считает поэта Александра Безыменского (1898-1973). Однако аргументы в пользу этого выдвигаются весьма немногочисленные, сомнительные и чисто внешние. Достаточно вспомнить, что Безыменский был пролетарским, комсомольским поэтом, а принадлежность Бездомного к этому кругу ничем в романе не выражается. Кроме того, Иван показан в романе как человек бесхитростный, искренний и простодушный, к которому повествователь относится с симпатией. Безыменский же входил в круг ненавистников Булгакова, принимал активное участие в его травле в печати. Такого человека Булгаков мог вывести только в ряду таких персонажей романа, как критик Латунский, Алоизий Могарыч, или поэт Рюхин.

Невозможно представить, что Мастер, в ком отражены многие автобиографические черты самого автора романа, будет исповедально повествовать о своей жизни и судьбе, пусть даже и в романе, человеку типа Безыменского.

Известно такое событие в жизни Булгакова, случившееся 7 июня 1934 г. Ему и его жене Елене Сергеевне в унижительной форме было отказано в обещанной поездке за границу во Францию. Это был для писателя страшный удар, и по рассказу жены:

«На улице М.А. вскоре стало плохо, я с трудом довела его до аптеки. Ему дали каплю, уложили на кушетку. Я вышла

на улицу — нет ли такси. Не было, и только рядом с аптекой стояла машина и около нее Безыменский. Ни за что! Пошла обратно и вызвала машину по телефону.

У М.А. очень плохое состояние — опять страх смерти, одиночества, пространства». [6, с.61]

Таким образом, можно сделать вывод, что Безыменский, общение с которым было Булгаковым противно даже в такой трудной ситуации, никак не мог быть прототипом поэта Бездомного в романе «Мастер и Маргарита».

Роман этот слишком глубок и многопланов, чтобы по каким-то внешним признакам можно было разгадать замысел его автора. Возникает мысль, что если в образе второстепенного персонажа романа, поэта Рюхина, Булгаков использовал какие-то черты Маяковского [5] (с чем еще можно согласиться), то это скорее глубинные свойства характера, чем какие-то внешние черты. Тогда и приходим к предположению, что прототипом Бездомного должна быть фигура поэта, никак не меньшая для того времени по своей человеческой и литературной величине, чем фигура Маяковского.

А это логично и однозначно приводит нас к единственной такой значительной фигуре, соответствующей этому персонажу романа, — Сергею Александровичу Есенину¹⁶.

Оказывается, доказательства этому имеются, только они лежат не на поверхности, а немного глубже. Если взять псевдоним поэта — Бездомный, то действительно он явно пародийный, но в случае Есенина не все так просто. Поэт на самом деле всю жизнь не имел не то что дома, но даже квартиры. Парадоксально, но факт, несмотря на всемирную известность, славу и популярность в своей стране, Есенин не заслужил от советских властей даже простой жилплощади.

Сам он этим вопросом не занимался, но после его возвращения в 1923 году из длительной заграничной поездки и разрыва с Дункан, друзья пытались решить для поэта квартирную проблему. Были собраны все бумаги, приложены ходатайства из Моссовета, секретариатов Троцкого и Калинина. Как вспоминала Анна Назарова, близкая знакомая Есенина: *«Решила: ну с такими „хода-*

¹⁶ Сведения о Есенине у Булгакова были не только из прессы и книжных публикаций, но и из личных впечатлений. О них рассказывала его первая жена Т. Лаппа (см. также [2, с.272]. Кроме того, поклонницей Есенина была вторая жена Булгакова - Л.Е. Белозерская, воспоминания которой содержат эпиграф из Есенина «О, мёд воспоминаний!», а ее впечатления от встреч с поэтом в Берлине включают обширные стихотворные цитаты — полностью приводятся два его стихотворения [4, с.72-77]. Одним из близких друзей Булгакова был Н. Эрדман, входивший в состав поэтов-имажинистов второго ряда и общавшийся с Сергеем Есениным в годы расцвета имажинизма.

тайствами“ через 2 часа у меня будет квартира для Есенина. И только через месяц почти ежедневного хождения в РУНИ (Краснопресненское районное управление недвижимым имуществом — В.М.) я поняла, что эту стену никакими секретариатами не прошибешь» [7, с.165].

Уместно вспомнить, что «квартирный вопрос» всегда затрагивал Булгакова, это получило отражение и в романе «Мастер и Маргарита». А еще раньше Булгаков записывал в своем дневнике: *«Пока у меня нет квартиры — я не человек, а лишь пол-человека» (18 сент. 1923 г.). По этому поводу существенно и замечание Елены Сергеевны [6, с.64]: «Для М.А. квартира — магическое слово. Ничему на свете не завидует — квартире хорошей! Это какой-то пунктик у него» (23 авг. 1934 г.).*

Следует понимать, что за персонажем поэта Бездомного у Булгакова между строк выражено гораздо больше, чем видится поверхностному читателю. Это принципиально разное отношение и к жизни и к литературе. В романе ведется спор на эту тему Мастера с Бездомным, и уже из первой главы можно понять, что поэт представляет немалую величину на советском литературном небосводе. В «доказательство славы и популярности» Бездомного *«...иностранец вытащил из кармана вчерашний номер „Литературной газеты“, и Иван Николаевич увидел на первой же странице свое изображение, а под ним свои собственные стихи» [3, т.5, с.17].*

«Педантичный исследователь» может возразить, что «Литературная газета» стала издаваться в 1929 году, и Есенина к тому времени уже не было в живых. Подобные возражения нельзя принять по весьма простой причине. Когда читаешь «труды о романе», часто замечаешь любопытное обстоятельство. Их авторы увлекаются и совершенно забывают, что мир булгаковского романа — это не наш реальный мир, он является только некоторым фантастическим, во многом аллегорическим, но всего лишь его отражением, вне реального времени и пространства. Но приходится удивляться, как персонажей романа и даже его автора часто начинают судить [8], основываясь на религиозных мерках нашего материального мира.

Хотя Булгаков именовал свой роман кратко, для родных и друзей, как «роман о дьяволе», надо все же помнить, что это фантастический роман о дьяволе, с большой долей пародийных, сатирических и юмористических элементов. И в этом, фантастическом мире романа, «прославленный» поэт Бездомный унаследовал многие характерные черты, и даже биографические подробности, знаменитого российского поэта советского времени Сергея

Есенина. И в самом деле, стихи Есенина с его портретом, при его жизни печатались во многих советских газетах.

Любой писатель с ревностью для себя отмечал это обстоятельство, и особенно Булгаков, которому с некоторых пор любые публикации в советской прессе «были заказаны». Но было и обстоятельство, сближающее писателя с поэтом. В советской партийной прессе оба не раз подвергались жестокой травле, была объявлена борьба как с «есенинщиной», так и с «булгаковщиной», а затем книги Есенина и Булгакова на десятилетия стали «запретной литературой». Подобно Мастеру и Бездомному в романе, Булгаков и Есенин были «товарищами по несчастью», часто становились жертвами «дьявольщины» и «чертовщины» реального мира.

Но продолжим поиск совпадений. Их немало в первой главе, и одно из главных — богоборческая тема в творчестве Бездомного и Есенина. Редактору журнала Берлиозу не понравилась идея «большой антирелигиозной поэмы» Бездомного, где Иисус выведен поэтом «очень черными красками», но все же как реально существовавший человек.

Этой темой Булгаков заинтересовался еще в начале 1925 года, и изучив журнал «Безбожник», записал в дневнике: «...*был потрясен. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее, ее можно доказать документально: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены*» (запись от 5 янв. 1925 г.). Но ко времени действия романа поэт Бездомный, написавший свою поэму в духе этой идеи, уже отстал от новейших «идейных установок» сверху. Их и внушал редактор Берлиоз «непонятливому» поэту: «*Нет ни одной восточной религии <...> в которой, как правило, непорочная дева не произвела бы на свет бога. И христиане, не выдумав ничего нового, точно так же создали своего Иисуса, которого на самом деле никогда не было в живых. Вот на это и нужно сделать главный упор...*» [3, т.5, с.10].

Сразу после революции Сергей Есенин, как и многие другие поэты, в том числе и имажинисты, отдал дань богоборческой теме. Кульминацией была акция имажинистов, когда в мае 1919-го антирелигиозными стихами ночью в Москве был разрисован Страстной монастырь. Кощунственное для верующих четверостишие Есенина «*Вот они толстые ляжки / Этой похабной стены...*» прогремело на всю страну, хотя уже на следующий день его замазали [9, т.2, с. 268—269]. В 1920-м году на Пасху, Есенин чуть не избили (спасли матросы) в Харькове, когда он стал читать свои поэмы перед праздничной толпой: «Не молиться тебе,

а лаяться / Научил ты меня, Господь», «Тело, Христово тело, / Выплываю изо рта!» и т.п. [9, т.2, с.346-347].

И зарубежные, и даже советские партийные литературоведы подвергали имажинистов за это направление резкой критике, как правило, выделяя Есенина за талант, а негативные, на их взгляд, тенденции в его творчестве, приписывая их групповому влиянию. С другой стороны, за близость к группе поэтов, выходцев из деревни, Есенина, Клюева, Клычкова и др. определяли как «поэтов мужицко-хлыстовской революции», также чуждых пролетарской революции.

По отношению к Есенину при его жизни советские партийные критики во многом вели себя подобно редактору Берлиозу по отношению к поэту Бездомному. Ему многое прощали по молодости, советовали овладеть трудами классиков марксизма и далее творить, руководствуясь партийными установками в области литературы. Есенин не был противником советской власти, но он отвергал всякий партийный диктат по отношению к творческим людям. К его несчастью, вольно или невольно, он оказался вовлечен в водоворот ожесточенной борьбы за власть между «наследниками» Ленина. Это и стало главной причиной его гибели.

Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» в образе поэта Бездомного, судя по всему, хотел выразить свое отношение и к Сергею Есенину, поэтам и поэзии того поколения. Здесь не содержится глубокого анализа — роман не литературоведение, но все же интересно проследить эту сюжетную линию и попытаться угадать глубинные мысли писателя.

Внимательное изучение поведения Бездомного приводит к мысли, что Булгаков очень тонко пародирует бесчисленные публикации советской «бульварной» прессы о Сергее Есенине. При этом связанные с поэтом скандалы, драки, происшествия, как правило, объяснялись пьянством. Во всяком случае, такова была официальная версия советской прессы и советского литературоведения.

И вот Булгаков в своем романе фактически высмеивает эту версию — Бездомный не пьян, но встретившись с чертовщиной и «дьявольскими штучками», пытаясь бороться, ведет себя так, что его принимают за пьяного: *«Одинокий, хриплый крик Ивана хороших результатов не принес. Две каких-то девицы шарахнулись от него, и он услышал слово «пьяный!»*. Далее в сцене у «Грибоедова»: *«Бас сказал безжалостно: — Готово дело. Белая горячка»* [3; т.5, с.50, с.63].

Любопытно, что и сам Есенин, многократно попадавший в милицию, в своих письменных показаниях так же, как правило,

объяснял свое поведение «нетрезвым состоянием»¹⁷. Дело в том, что в те времена это считалось смягчающим обстоятельством, и позволяло в каких-то случаях избегать уголовной ответственности. Но на самом деле существуют воспоминания близких родных Есенина, близких друзей и подруг, что «срывы» у Есенина были редки, выпивкой он не увлекался, есенинский «алкоголизм» придуман тогдашней прессой. Например, в своих воспоминаниях подруга Есенина Надежда Вольпин, как о чем-то второстепенном, замечает, что во время застолья в «Стойле Пегаса» поэт *«пьет мало (как обычно, только вино — не водку)»* [10, с.406].

А вот желающих выпить с известным поэтом, да еще за его счет, было предостаточно, и Есенин по простоте душевной и врожденному демократизму попадал на этой почве в скандалы и переделки. «Друзья» каким-то образом всегда разбегались в последний момент, а милицию почему-то всегда интересовал только Есенин. Потом все эти события живописались в советской «желтой» прессе.

В этот период Булгаков работал в газете и уже налаживал связи с театральным миром. Случай в Малом театре в апреле 1924-го весьма напоминает поведение поэта Бездомного.

Есенин и писатель Всеволод Иванов зашли к одной из артисток в гримерную. Когда она ушла на сцену, *«попросили у уборщицы стаканы и, пользуясь одиночеством, изрядно распили принесенное с собою вино»*. Потом в антракте артистка вернулась для переодевания, попросила «гостей» удалиться, но якобы безразумить их не удалось даже с помощью администрации и работников театра. Вызвали милицию: *«Увидя милиционера, Есенин бросился бежать по коридору, причем по пути на лестнице он ударил шедшего навстречу Володю Богачева — мальчика, на обязанности которого было вызывать актеров к их выходу. Это возмутило Н. О. Волконского (режиссера театра — В.М.), и он, обладая значительной физической силой, нагнав Есенина, крепко ударил его в спину. Есенин продолжал бежать и, не зная расположения закулисных помещений, чуть было не выскочил на сцену во время хода действия. К счастью, его успел схватить стоявший на выходе артист А. И. Истомин <...> Есенина повели в кабинет администратора и там начали составлять протокол»*. Туда же зашел режиссер

¹⁷ Из показаний Есенина в 48-е отделение милиции Москвы: *«6-го сентября по заявлению Дип. курьера Рога я на проезде из Баку (Серпухов — Москва) будто бы оскорбил его площадной бранью. В этот день я был пьян. Сей гражданин пустил по моему адресу ряд колкостей и сделал мне замечание на то, что я пьян. Я ему ответил теми же колкостями»* (протокол допроса от 29/X 1925) [11; т.7, кн.2, с.263—264].

И. С. Платон. *«Увидя его, Есенин, внимательно всматриваясь в лицо Ивана Степановича, не без иронии и сарказма спросил его: „А что вы сделали для революции?!“, после чего И. С. Платон тотчас же скрылся. Составив протокол, милиционер вывел Есенина из театра и этим инцидент был исчерпан»* [11; т.7, кн.2, с.346-348].

Эпизод с Платоном показывает, что Есенин был не столь пьян, чтобы требовалась помощь милиции. По этому поводу близко знавшая его С. Виноградская вспоминала: *«Это были обычные истории, которые быстро прекращались, если присутствующие умели подойти к Есенину. И эти же истории легко переходили в скандал в компании тех „друзей“, которые, вместо того, чтобы отвлечь его внимание от того, что его раздражало и вызывало злобу, подбивали его на скандал»* [10, с.25]. В связи с этим и «инцидент» в Малом театре видится совсем в другом свете. Скандал был явно спровоцирован, вместо того, чтобы успокоить выпившего человека. И почему писатель Иванов был обойден вниманием милиции? Изучение биографии Есенина показало, что скандалы с вмешательством милиции почему-то происходили только в Москве. Как будто именно там его поджидали «слуги Воланда» или другого «черного человека»? Будучи во многих городах СССР, попадая тоже в переделки и неприятности, тем не менее, все проблемы Есенин все же решал без участия милиции. А в Москве на Есенина было заведено 13 уголовных дел!

Вот и скандалу, устроенному поэтом Бездомным в «Грибоедовском ресторане», тоже находится аналог среди есенинских скандалов¹⁸. Он широко освещался в московских газетах, и Булгаков не мог не читать эти статьи, потому что это тоже было в период его работы в «Гудке».

Газета «Рабочая Москва», наиболее отличившаяся в травле и клевете на Есенина, 22 янв. 1924 г. опубликовала статью «Новые подвиги поэта Есенина»:

«Во 2-м часу ночи, 19-го января в кафе „Домино“, на Тверской ул., зашел прославившийся своими пьяными выходками поэт Есенин. Есенин был сильно пьян.

Швейцар пытался не пустить пьяного в кафе, Есенин набросился на швейцара и силой ворвался в помещение.

— Бей конференсье, — закричал скандальный поэт.

Завязался скандал. Швейцар вызвал милицию.

¹⁸ Свой последний скандал Есенин устроил перед отъездом в Ленинград в конце декабря 1925 г. в писательском «Доме Герцена», ставшем прототипом «Дома Грибоедова» в романе «Мастер и Маргарита».



Из последних фото С.А. Есенина. Ноябрь 1925.

*Явился постовой милиционер Громов и предложил Есенину:
— Пожалуйста в 46 отделение...*

Но справиться одному милиционеру с буйным Есениным было не под силу. Пришлось звать дворника.

По дороге Есенин совсем вошел в азарт. Дворник и милиционер, не согласившиеся с его лозунгом — „Бей жидов, спасай Россию“, были избиты. При этом поэт совершенно не стеснялся в выражениях, обзывая своих спутников „жандармами, старой полицией, сволочью“ и т. д. Попутно обругал Демьяна Бедного и Сосновского (автора провокационных статей о Есенине — В.М.).

В отделении Есенин продолжал буйствовать, кричать и ругаться.

Пришлось вызвать врача, определившего у Есенина сильную степень опьянения и нервного возбуждения.

Наутро, вытрезвившись, Есенин был отпущен под подписку. Это уже третья по счету подписка» [11; т.7, кн.2, с.341-343].

Подобным образом, почти всем эпизодам с поэтом Бездомным в романе «Мастер и Маргарита» можно найти аналог в биографии Есенина. Не раз его обворовывали, грабили и раздевали, так что подобно Бездомному, приходилось какое-то время пользоваться чьими-то обносками. Неоднократно Есенин был пациентом психиатрических больниц, в том числе и заграницей.

Несомненно, Булгаков обо всем этом знал, и все же, если в его романе Бездомный представлен некой карикатурой на Есенина, то это карикатура совсем другого рода, чем на многих других персонажей. Булгаков явно не был поклонником творчества Есенина, и это он тоже отразил в образе Бездомного. Однако Мастер, прототипом которого является сам Булгаков, и Бездомный (Есенин), оказываются в романе товарищами по несчастью, оба в итоге находят прибежище от «чертовщины» внешнего мира в психиатрической больнице, дружески и доверительно общаются!

Что же этим хотел показать Булгаков, в чем тут аллегория, что здесь скрыто между строк? Как говорится, сказка — ложь, да в ней намек...

Булгаков видит и себя, и Есенина, талантливейших русских людей, попавшими в ненормальные условия. Это мир вокруг сумасшедший, и тогда в этом мире остается одна дорога для таких людей, — больница или психушка, и далее смерть. При этом Булгаков самокритичен — Мастер и Маргарита в итоге идут на сделку с дьяволом и уходят в мир иной, а поэт, хоть и с советских, атеистических позиций, но не приемлет дьявола. Он держится за жизнь, даже оставшись «тяжко больным», чье душевное равновесие зависит от уколов и лекарств.

Можно понять, что Булгаков не верил тем нагромождениям лжи в советской прессе о Есенине, хотя бы потому, что подобной травле и клевете постоянно подвергался сам. И образ Бездомного явился глубоким проникновением в истинный образ Есенина. В романе поэт Бездомный только ведет себя как пьяный, но ни разу не пьет. Тем самым читатель подводится к выводу, что «пьянство» Есенина раздуто в прессе, и не это главное в его жизни. А вот поэт Рюхин, напротив, показан пьющим водку *«рюмка за рюмкой»*.

Этот вывод соответствует воспоминаниям С. Виноградской: *«Просто мерзко слушать „предположения“, что Есенин писал стихи пьяным. Ни разу в жизни ни одной строчки он не написал в нетрезвом состоянии!»* [10, с.29].

А как же главный миф советской прессы и советских официальных кругов о «самоубийстве» Есенина? Есть ли в сюжетной линии романа, связанной с поэтом Бездомным, суждения Булгакова о гибели поэта Есенина?

Зная отношения Булгакова к лживости советской прессы, уже понятно, что Булгаков явно не верил в созданный ею миф о самоубийстве поэта¹⁹. Косвенно этот вывод следует из сохранившихся строчек дневника писателя: *«Мельком слышал, что умерла жена Буденного. Потом слух, что самоубийство, а потом, оказывается, он ее убил. Он влюбился, она ему мешала. Остается совершенно безнаказанным»*.

По рассказу — она угрожала ему, что выступит с разоблачениями его жестокости с солдатами в царское время, когда он был вахмистром» (запись от 17 дек. 1925 г.).

Как много читается между строк этой записи! Ведь в той прессе так не писали! На власть имущих законы и тогда не распространялись. А вот дальнейших записей в дневнике писателя не сохранилось, и как видно не случайно. Там должны были быть мысли Булгакова по поводу смерти Есенина. Но 7 мая 1926 года к писателю пришли с обыском, изъяли дневник, рукописи (в том числе

¹⁹ О «зомбированности» даже серьезных советских литературоведов официальной версией смерти Есенина можно понять на примере М. Чудаковой. Если отмечается, что для Булгакова и его друзей «самоубийство Есенина прошло в их кругу «незамеченным» [2, с.505], то и мысли не возникает о возможности убийства поэта. Если приводится суждение Булгакова в период тяжелой болезни (1939), что при самоубийстве «есть один приличный вид смерти — от огнестрельного оружия, но такового у меня, к сожалению, не имеется» [2, с.505-506], то забывают узнать, что у Есенина это оружие имелось. Когда об этом напоминают, то начинаются намеки на «внезапное безумие» или «алкоголизм» поэта, и т.п.

«Собачье сердце»). Ныне известны только фрагменты дневника за 1925 год. Причем в основном только за январь²⁰.

Поэтому призовем на помощь логику и зададимся вопросом, почему ГПУ-НКВД-КГБ, возвращая копию дневников в архив Булгакова много десятилетий спустя во времена перестройки, сохранил фрагмент о преступлении Буденного, а о смерти Есенина изъял? Почему, несмотря на то, что теперь имеются неопровержимые доказательства убийства Есенина [12,13], нынешние российские власти до сих пор отказываются признать это официально?

Ответ на оба эти вопроса один: потому что преступление Буденного, совершил он его или нет, это дело частного лица, дело семейное. Преступление против Есенина — это преступление государства против своего гражданина, знаменитого российского поэта, совершенное с помощью органов ГПУ-НКВД-КГБ. Преступление это настолько мерзкое и подлое, что в нем не хотят признаться даже теперь, через 80 с лишним лет. Но все честно мыслящие люди имеют возможность в этом преступлении убедиться, все документы, десятилетия бывшие запретными, опубликованы в Интернете племянницей поэта Светланой Петровной Есениной.

Величие Булгакова состоит и в том, что он не написал ни единой лживой строчки о смерти Есенина, даже в аллегорической форме, даже в сюжетной линии поэта Ивана Николаевича Бездомного в романе «Мастер и Маргарита».

Но как же тогда понимать сведения о Бездомном из эпилога романа? О нем повествуется, когда он уже «лет тридцати или тридцати с лишним». А это как раз возраст Есенина в 1925 году, на момент смерти. Бездомный оставил поэтические занятия, как и обещал Мастеру, теперь он «сотрудник Института истории и философии, профессор Иван Николаевич Поньрев». С помощью врачей, лечения и постоянных уколов, он почти «нормальный»: *«Он знает, что в молодости стал жертвой преступных гипнотизеров, лечился после этого и вылечился»* [3; т.5, с.381].

Трудно поверить, что Есенина, если бы он остался жив, ожидала подобная судьба. Но мог ли разумный человек, такой, как писатель Булгаков, верить в самоубийство Есенина? Например, что и Есенин стал *«жертвой преступных гипнотизеров»*? Вот и приходим к выводу, что эпилог романа содержит аллегорическую

²⁰ У Булгакова изъяли три тетради дневников за 1921 — 1925 годы, рукопись под названием «Чтение мыслей», и еще два чужих стихотворных текста, имевших отношение к Есенину: «Послание евангелисту Демьяну Бедному» и пародию Веры Инбер на Есенина — образцы самиздата тех лет [14]. «Послание» тогда приписывали Есенину, но сейчас многие исследователи в его авторстве сомневаются.

пародию на версию самоубийства поэта. Ведь если поэт отказывается от своей поэзии, это тоже своего рода духовное самоубийство.

С точки зрения Булгакова, за свою жизнь неоднократно оказывавшегося в трудных, и, казалось бы, безвыходных ситуациях, Есенин был «баловень судьбы». Множество изданий с радостью печатали его произведения, ему предлагали редактировать журнал, готовилось к изданию его собрание сочинений. Булгаков об этом мог только мечтать, ему вскоре после смерти Есенина пришлось оставить сначала карьеру писателя, потом драматурга, режиссера, и заниматься поденной работой либреттиста и сценариста. А ведь именно литературный или театральный успех и составляет смысл жизни литератора.

Недаром в заключение своих воспоминаний С. Виноградская писала о Есенине: *«Издание полного собрания занимало его. Он заранее предвкушал щупать первый том своих стихов и говорил: — Вот в России почти все поэты умирали, не увидав полного издания своих сочинений. А я вот увижу свое собрание. Ведь увижу!»* [10, с.36].

Имеется подтверждение и в письме Есенина: *«Этого собрания я желаю до нервных вздрагиваний. Вдруг помрешь — сделают все не так, как надо»* [11, т.6, с.184].

Разумеется, писатель и литератор Булгаков и не мог поверить, что поэт и литератор Есенин вдруг потерял разум, и сам лишил себя такой желанной возможности. Ведь Булгаков был вынужден долгие годы в конце жизни вообще писать «в стол».

Советские пресса, литературоведение и пропаганда многие десятилетия вдальблывали в головы людей абсурдную ложь о самоубийстве Есенина. К сожалению, вольно или невольно унаследовала эту ложь и нынешняя российская власть²¹.

А вот художественное чутье писателя Булгакова и здравый смысл Булгакова-человека и в случае Есенина оказались безошибочными. Булгаков и Есенин, в лучших своих произведениях, писали «против шерсти»¹². Они оба не считали нужным придерживаться и советских партийных догм, и догм религиозных. Их творчество было, по выражению Есенина, «сугубо индивидуальным», как и их политические и историко-философские взгляды. При этом получилось так, что Булгаков оказался под покровительством Сталина, а Есенин — под покровительством Зиновьева и Троцкого, врагов

²¹ Досье «органов» на Булгакова, которое вели с 1922 г. стало доступным для исследователей [14], а вот вопрос, где соответствующее досье на Есенина, остается без ответа даже для родственников поэта.

²² Это понимал Сталин, сказавший однажды Горькому: «Вот Булгаков!.. Тот здорово берет! Против шерсти берет!..» [15].

Сталина. Это и определило различие в их судьбах. Здесь многое все еще неизвестно, и во многом еще надо разбираться.

В заключение вспомним, что по мнению М. Чудаковой, герой, названный впоследствии Мастером, входит в замысел романа не ранее 1930—1931 г. [2, с.499]. Но к этому времени уже вышла книжка В. Эрлиха «Право на песнь» [10, с.194], где приводится такое суждение Есенина о мастерстве поэтов: *«Все они думают так: вот — рифма, вот — размер, вот — образ, и дело в шляпе. Мастер. Черта лысого — мастер! Этому и кобылу научить можно! Помнишь „Пугачева“? Рифмы какие, а? Все в нитку! Как лакированные туфли блестят! Этим меня не удивишь. А ты сумей улыбнуться в стихе, шляпу снять, сесть — вот тогда ты мастер!..»*.

Здесь выражена мысль, приложимая не только к стихам, но и вообще к художественным произведениям, — в работах настоящих мастеров всегда содержится гораздо больше того, что видит поверхностный взгляд. Повлияли на Булгакова эти строки или нет, читал он их или нет — в своих произведениях он тоже следовал этому есенинскому завету.

Литература

1. Воспоминания о Михаиле Булгакове: сборник. М., Советский писатель, 1988.
2. М. Чудакова. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., Книга, 1988.
3. М.А. Булгаков. Собрание сочинений в пяти томах. М., Художественная литература, 1990-1992.
4. Л.Е. Белозерская-Булгакова. Воспоминания. М., Художественная литература, 1989.
5. Б.В. Соколов. Булгаков: Энциклопедия. М., Алгоритм, 2003.
6. Дневник Елены Булгаковой. Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., Кн. палата, 1990.
7. Н. Шубникова-Гусева. Сергей Есенин и Галина Бениславская. С.-Петербург, Росток, 2008.
8. А. Кураев. «Мастер и Маргарита»: за Христа или против? — <http://kuraev.ru>
9. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. В пяти томах. М., ИМЛИ РАН, 2003-2005.
10. Мой Есенин. Воспоминания современников. Екатеринбург, У-Фактория, 2008.
11. С. А. Есенин. Полное собрание сочинений: В 7 т. — М., Наука; Голос, 1995—2002.

12. С.П. Есенина. Истина видится на расстоянии (Вновь о гибели С. Есенина). — <http://esenin.ru>

13. В. Мешков. Убийство Сергея Есенина. — <http://esenin.niv.ru>

14. В. Шенталинский. Мастер глазами ГПУ. За кулисами жизни Михаила Булгакова. Новый мир, 1997, №10.

15. В. Сахаров. Михаил Булгаков: писатель и власть. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

2009—2010



Двор дома на Большой Садовой, где жил Булгаков и бывал в гостях у друзей Сергей Есенин. Современный вид.



Булгаков, Троцкий, Фрунзе и Крым в 1920 году

Интерес Булгакова к событиям гражданской войны общеизвестен. Они были темой его ранних прозаических произведений — рассказов, романа «Белая гвардия» (1924-25). Затем была пьеса «Дни Турбиных» (1926). Послевоенный Крым 1920-х годов тоже отразился в его опубликованных произведениях «Сильнодействующее средство» (1923) и «Путешествие в Крым» (1925). Пьеса «Бег» (1928), о крымских событиях 1920 года и об эмиграции, которой М. Горький предрекал «анафемский успех», не увидела сцены при жизни Булгакова. Начались гонения, и писатель в начале 1930 года был на грани отчаяния.

Тема гражданской войны в Крыму в сочетании с талантом Булгакова оставалась «взрывоопасной» многие десятилетия. Хотя по сравнению с тем, что писалось за границей о «русской усовице» и красном терроре в Крыму в 1920 году, пьеса «Бег» теперь кажется безобидной для той власти. Возможно, сказалось подозрение, что о крымских событиях тех лет после работы над пьесой Булгаков знает гораздо больше, чем позволено было знать обычному советскому гражданину?

Эти вопросы интересуют нас и теперь. Что же было известно Булгакову? Как он относился к основным персонажам тех событий, в частности к Троцкому и Фрунзе?

В литературной «Булгаковской энциклопедии» имеется объемная статья о Троцком в творчестве Михаила Булгакова²³.

Приведем такой фрагмент из статьи о Троцком: *«Марк Крысобой выполняет функции военного командира при верховном правителе Иудеи Понтии Пилате — фактически ту же роль, что играл Т. при Ленине. Интересно, что Ленин послужил одним из прототипов Воланда, функционально тождественного Понтию Пилату. В белой армии именно Т. считали главным архитектором побед красных и испытывали чувства ненависти и уважения одновременно»* [1, с. 686—693].

²³ Статья о Троцком в этой книге, на наш взгляд, является одной из самых слабых. В ней проявляются и характерные недостатки некоторых статей этого издания. Ведь энциклопедия — это научное издание, дающее систематический (по алфавиту или по темам) свод знаний, или совокупность сведений в одной какой-либо области знаний. Статьи в БЭ не отвечают этому определению вследствие субъективности, и, зачастую, бездоказательности утверждений ее автора. Возникает неопределенность жанра статей, представляющих иногда причудливую нестыковку исторических сведений и фактов с небесспорными авторскими литературоведческими и филологическими изысканиями.

Но извините, спросит изумленный читатель, разве древняя Иудея была подобна России времен Ленина? Разве Ленин, будучи все же человеком, уже причислен к воплощениям дьявола? Почему фантастический «дьявол» Воланд «функционально тождествен» реальному историческому персонажу Понтию Пилату, тогда как подобного нет даже в фантастическом романе «Мастер и Маргарита»?

Персонаж этого романа Марк Крысобой определяется Булгаковым как «кентурион первой кентурии», т.е. командир одного из отрядов римских легионеров, тогда как Троцкий был фактически одним из создателей и руководителем Красной Армии, практиком и теоретиком революции, оставившим огромное литературное наследие. Разве Ленин занимался допросами «государственных преступников», а Троцкий истязал их по его приказу, подобно тому, как Крысобой истязал Иешуа по приказу Понтия Пилата? Разве Россию можно уподобить Иешуа? Это же совершенно разные понятия и масштабы, и такие уподобления требуют доказательств и обоснований.

Именно этого часто не находим в БЭ. Но тогда с таким подходом можно «доказать», что угодно. В отношении Булгакова и Троцкого имеются такие бездоказательные утверждения: «Булгакова привлекала незаурядная личность Т. — главного военного вождя большевиков во время гражданской войны»; «Очевидно, он считал победу Т. меньшим злом по сравнению с приходом к власти Сталина»; «...своеобразная приверженность Т. к национальной культуре, пусть и в совсем иной форме, чем у автора „Белой гвардии“, предопределила заинтересованное отношение и даже *симпатию* к нему со стороны Булгакова» (курсив В.М.) [1, с. 686-693].

Подобные утверждения косвенно обвиняют Булгакова в лицемерии и угодничестве, если вспомнить его пьесу о Сталине «Батум» (1939). Получается у автора БЭ, что писатель «симпатизировал» Троцкому, а впоследствии «симпатизировал» и пытался угодить Сталину? Конечно, и таких писателей хватало, но Булгаков был не из тех, кто так откровенно приспосабливался к власти имущим. Писатель часто любил повторять: «Никогда не теряйте достоинства!». Другой взгляд на отношение к Троцкому, как руководителю «советской инквизиции» представлен в [2, с.154 — 155].

Уж если сравнивать отношение Булгакова к Троцкому, то оно было определенно отрицательным по сравнению с его сложным отношением к Сталину. Более того, об этом явно знал Сталин, и именно это много лет обеспечивало Булгакову существование в сталинские времена. И наоборот, если бы Сталин заподозрил

писателя в симпатиях Троцкому хотя бы в прошлом, ему и его родным и близким пришлось бы гораздо хуже. Тому есть немало примеров как за симпатии к Троцкому люди платились головой.

Рассмотрим факты, свидетельствующие о действительном отношении Булгакова к Троцкому, и почему-то оставшиеся без внимания автора БЭ. В ноябре 1919 году, будучи в рядах Белой армии Булгаков пишет эссе «Грядущие перспективы» [3, с. 267-270]. Оно начинается с признания, что «родина находится на самом дне ямы позора и бедствия». Но в то время Булгаков еще не видел поражения: «Перед нами тяжкая задача — завоевать, отнять свою собственную землю. Расплата началась. Герои-добровольцы рвут из рук Троцкого пядь за пядью русскую землю».

Как для Белого движения, так и для Булгакова враг олицетворялся Троцким. Ни Ленин, ни Сталин (о котором тогда мало кто и слышал), а именно Троцкий считался главным врагом: «Но придется много драться, много пролить крови, потому что пока за зловещей фигурой Троцкого еще топчутся с оружием в руках одураченные им безумцы, жизни не будет, а будет смертельная борьба. Нужно драться».

Булгаков призывал драться с «негодьями и безумцами» во главе с Троцким.

Надежды писателя не оправдались, Красная Армия была сильнее, и уже в 1920 году стал ясен неминуемый крах ее противников в России. Последний оплот сопротивления оставался в Крыму. Булгаков, находясь в рядах Белой армии на Северном Кавказе, в феврале-марте 1920 года тяжело заболел, перенес тиф, а по выздоровлении уже вынужден был выживать и приспосабливаться в условиях Советской России²⁴.

Находясь во Владикавказе, Булгаков мог судить о дальнейших событиях гражданской войны, в частности в Крыму, только по советской печати. Чаще всего, это были статьи Троцкого и отчеты о его выступлениях, печатавшиеся в газете «Правда», в газете Троцкого «В пути», и обычно появлявшиеся в перепечатках местных газет.

12 сентября 1920 года в газете «Правда» появилось воззвание «К офицерам армии барона Врангеля», подписанное председателем ВЦИК М. Калининым, председателем СНК В. Лениным,

²⁴ Болезнь и возвращение к жизни описаны Булгаковым в повести «Записки на манжетах». Ему удалось поступить во Владикавказе на службу в Отдел народного образования. Заведовал литературным отделом, писал в местные газеты, выступал с лекциями, преподавал. 4 июня 1920 года состоялась премьера его первой пьесы «Самооборона», 21 октября — «Братьев Турбиных». Затем были еще несколько пьес, о которых сам писатель отзывался в повести: «Попробуйте, потехи ради, написать что-нибудь хуже».

наркомвоенмором Л. Троцким, Главкомом всеми вооруженными силами Республики С. Каменевым, председателем Особого Совещания при Главкоме А. Брусиловым. Последний был бывшим царским генералом, героем Первой мировой войны, известным по «брусиловскому прорыву». Воззвание оканчивалось обещанием: «Честно и добровольно перешедшие на сторону Советской власти — не понесут кары. Полную амнистию мы гарантируем всем, переходящим на сторону Советской власти».

В сентябре и октябре 1920 года войска Врангеля делают попытки перейти в наступление, хотя Троцкий больше опасался, что на узком Перекопском перешейке будет создана мощная оборона, и взятие Крыма потребует больших людских жертв. Поэтому в своей газете «В пути» № 136, 27 октября 1919 г. он призывает разгромить войска Врангеля за пределами Крыма и войти на полуостров на плечах отступающего противника. Этот план и был осуществлен командующим Южным Фронтом М. Фрунзе, а наступление на Врангеля началось по всему Южному фронту еще 26 октября²⁵.

11 ноября Врангель подписал приказ, где объявлялась эвакуация и посадка «на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией ее крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства, с их семьями, и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага. Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для ее эвакуации суда также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих» [5, с.304].

В этот же день 11 ноября Фрунзе по радиосвязи отправил Врангелю телеграмму. В случае капитуляции гарантировалась жизнь и неприкосновенность всему высшему составу армии и всем сложившим оружие. Однако Врангель ответа не дал, а приказал закрыть все радиостанции, кроме одной, обслуживаемой только офицерами [5, с.305].

²⁵ Троцкий об этих событиях: «К концу октября закончилось пополнение и укрепление нашей армии и 26 октября началось энергичное наступление красных. Белые стали спешно отступать на территорию Крыма. В ночь с 8 на 9 ноября наши части обошли укрепления белых по Сивашу, форсируя Перекопский перешеек. Всей этой операцией руководил тов. Фрунзе, находившийся в штабе 15-й стрелковой дивизии. Переправившись через Сиваш, красные части зашли в тыл противнику, который отступил на хорошо укрепленные Юшунские позиции. 10 ноября эти позиции после упорного боя были взяты красными. В это время Чонгарский перешеек был также форсирован, и наши части заняли Джанкой. Тогда началось стремительное отступление белых. 10 — 14 ноября остатки врангелевцев отплыли в Константинополь» [4].

ОБРАЩЕНИЕ КОМАНДОВАНИЯ ФРОНТА К ВРАНГЕЛЮ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ ПРЕКРАТИТЬ СОПРОТИВЛЕНИЕ

11 ноября, 1920 г.

**Главнокомандующему вооруженными силами
юга России генералу Врангелю.**

Ввиду явной бесполезности дальнейшего сопротивления ваших войск, грозящего лишь пролитием лишних потоков крови, предлагаю вам прекратить сопротивление и сдаться со всеми войсками армии и флота, военными запасами, снаряжением, вооружением и всякого рода военным имуществом.

В случае принятия вами означенного предложения, Революционный военный совет армий Южного фронта на основании полномочий, предоставленных ему центральной Советской властью, гарантирует сдающимся, включительно до лиц высшего состава, полное прощение в отношении всех проступков, связанных с гражданской борьбой. Всем нежелающим остаться и работать в социалистической России будет дана возможность беспрепятственного выезда за границу при условии отказа на честном слове от дальнейшей борьбы против рабоче-крестьянской России и Советской власти. Ответ ожидаю до 24 часов 11 ноября.*).

Моральная ответственность за все возможные последствия в случае отклонения делаемого честного предложения, падет на вас.

Комадующий Южным фронтом Михаил Фрунзе

Члены Ревсовета.

ЦГАСА, ф. 101, оп. 1, д. 36, лл.134.

Автограф М.В. Фрунзе.*) В документах ошибочно — декабря.

Подписи отсутствуют, опубликовано в книге «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны», стр. 439-440.

О таких действиях Фрунзе, о его «честных предложениях» Врангелю сразу узнал Ленин. Возможно, сообщили партийные работники или сотрудники ЧК, находившиеся при Фрунзе. Известна срочная телеграмма В. И. Ленина Реввоенсовету Южного фронта 12 ноября 1920 г. шифром по прямому проводу, копия Троцкому. Сегодня понятно, что его реакция на действия Фрунзе стала началом будущей крымской трагедии:

«Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдаться. Крайне удивлен непомерной уступчивостью условий. Если противник примет их то надо реально обеспечить взятие флота и не выпускать ни одного судна.

Если же противник не примет этих условий, то, по-моему, нельзя больше повторять их и нужно расправиться беспощадно» [5, с.305].

Последние слова этой телеграммы и были восприняты Троцким к исполнению — «расправиться беспощадно». Можно даже предположить, что Фрунзе, вступив в Крым, не форсировал боевых действий, избегал излишнего кровопролития и дал белым более-менее спокойно эвакуироваться. Подтверждение есть в мемуарах Слащева: «Красные совершенно не наседали, и отход в этом направлении (перекопском — В.М.) происходил в условиях мирного времени». Этому способствовали и обращения Фрунзе с обещаниями амнистии и полного прощения сдающимся. В результате многие десятки тысяч людей остались в Крыму, прекратив сопротивление, и стали жертвами последующих репрессий.

Сегодня понятно, что жертв было бы намного больше, если бы Врангель согласился на предложения Фрунзе и сдал армию и флот. Однако всех желающих вывезти из Крыма Врангель не имел возможности. 11 ноября в официальном сообщении Правительства Юга России это признавалось: «Все заставляет правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственная опасность от насилия врага — остаться в Крыму» [5, с. 304]. Благородный жест Фрунзе, обещание сдавшимся при их желании «беспрепятственный выезд за границу», вошли в советскую историю. Телеграмма Ленина, репрессии и террор были из этой истории вычеркнуты.

В интервью от 20 ноября 1920 года Троцкий подводит итог гражданской войны на тот момент: «Мы хотим долгого и устойчивого мира, <...> предлагая большие уступки, *как мы предлагали амнистию врангелевцам ввиду полной безнадежности их предпрятия*. Этого не захотели в Париже и Лондоне. В результате, после жестокой борьбы и неисчислимых потерь, Польша получила меньше того, что мы ей предлагали накануне ее нападения на нас. *Авантюра Врангеля поглотила еще несколько десятков тысяч жизней и несколько миллиардов франков. В результате — врангелевцы уничтожены, разумеется, без амнистии*» (курсив наш) [6].

На самом деле, этот приговор для оставшихся в Крыму десятков тысяч офицеров и солдат армии Врангеля, части мирного населения тогда еще начинали приводить в исполнение. Интересно, что даже в двухтомнике «Троцкий» советский официальный историк Волкогонов старательно обходил события гражданской войны в Крыму и красный террор после ее окончания. Хотя на других примерах он документально доказал, что Ленин и Троцкий были сторонниками самых жестоких карательных мер, причем Ленин был их идейным вдохновителем и инициатором, а Троцкий развивал его идеи и наказания, и активно проводил их в жизнь. Волкогонов вынужден сделать вывод: «Видимо, просто внутренний

радикализм, обожествление революции в ее крайних формах, убежденность в святости пролетарской диктатуры позволили наркомвоену стать одним из главных столпов военного террора в годы гражданской войны» [7, с.89].

Но Ленин не только выступал за террор во время войны, он вообще рассматривал террор как универсальное средство. По словам того же Волкогонова: «Вождь русской революции считал естественным, прежде всего, силовое выражение диктатуры. Для него расстрел был лишь одним из методов решения острых социальных и политических проблем» [7, с.298]. Это его черта существенно отразилась на судьбе Крыма.

Свои рассуждения на эту тему Волкогонов заканчивает примерами, как «вожди» пытались ограничить террор и диктатуру рамками «революционной законности». Он приводит приказ Троцкого середины 1919 года, когда самосуды в армии стали повсеместными: «Товарищи красноармейцы, командиры, комиссары! Пусть ваш справедливый гнев направляется только против неприятеля с оружием в руках. Щадите пленных, даже если это заведомые негодяи. Среди пленных и перебежчиков будет немало таких, которые по темноте или из под палки вступили в денкинскую армию.

Приказываю: пленных ни в коем случае не расстреливать, а направлять в тыл по указанию ближайшего командования. О всех случаях его нарушения доносить по команде для немедленной высылки Революционного военного трибунала на место совершенного преступления» [7, с.300].

Но в 1920 году после установления советской власти в Крыму там оказались именно безоружные военнопленные. Почему же к ним не был применен подобный приказ Троцкого, тем более что война окончилась?

В этом и состоял парадокс. Чем ближе конец войны, тем меньше влияние и власть военных начальников. Судьбу пленных уже решал не только Троцкий, ни тем более Фрунзе, а Ленин в Москве. Троцкий и Фрунзе должны были подчиниться и выполнять вышестоящие указания. Что заставило Ленина отдать приказ столь жестоким образом расправиться с пленными врангелевцами и значительной частью беженцев и мирного населения Крыма? Подобные акции не вписывались в международные конвенции и не способствовали укреплению престижа советской власти.

Здесь мы не будем подробно рассматривать эту тему, она требует отдельного обсуждения. Пока снова сошлемся на суждение Волкогонова. Неясно влиял ли на такое решение брат Ленина Дмитрий Ульянов, деятельность которого в те годы была непосредственно связана с Крымом. Мог ли он, врач, представитель

гуманной профессии, советовать брату и остановить расстрелы? Известно, что в период репрессий Крымский Областком просил отозвать из Крыма Д.И. Ульянова за непартийное поведение — злоупотребление спиртным [5, с.332]. Вопросы остаются открытыми, но, скорее всего, протестов с его стороны не было. Среди крымского населения хватало людей, пострадавших от белого террора и репрессий, и желавших возмездия.

Наиболее правдоподобно, что Ленин и его ближайшее окружение просто руководствовались сиюминутной «революционной целесообразностью». По разным оценкам в Крыму число жертв массового послевоенного террора составило от 50 до 120 тысяч человек. Отправлять их за границу, или устраивать их жизнь на родине, посчитали на тот момент более затратным, чем уничтожение²⁶.

Свидетелями этих событий были такие крупные литераторы, как И.С. Шмелев и М. Волошин, отразившие это время в своих произведениях, опубликованных за границей в 1923 году [8, 9]. Об этом много писали в зарубежной и эмигрантской прессе, наиболее известна книга С.П. Мельгунова «Красный террор в России» [10, с.104-110]. Но массовое сознание советского человека многие десятилетия формировалось официальной мифологией, односторонней героизацией событий и деятелей гражданской войны, а крымский террор просто замалчивали.

Сама официальная мифология быстро претерпевала изменения в соответствии с политическими изменениями в партийном и государственном руководстве. В начале 1920 годов роль Троцкого в революции и гражданской войне оценивалось столь же высоко, как и роль Ленина. Но время шло, и как отмечает Волкогонов: «По решению Политбюро в 1928-1930 годах был подготовлен и выпущен трехтомник „Гражданская война 1918-1921 годов“. В предисловии к первому тому, написанному А.С. Бубновым, автор на протяжении почти 40 страниц умудряется ни разу не упомянуть имя Троцкого (а он еще не был выслан и находился в Алма-Ате). <...> Бубнов не счел необходимым (а может быть и возможным) хотя бы просто упомянуть, кто руководил Наркоматом военных и морских дел, кто был Председателем Революционного Военного Совета Республики!» (7, с.312-313). Фрунзе,

²⁶ Но уже через год политика изменилась, и в 1921 г. в СССР возвратили даже Слащева. Стране остро не хватало грамотных людей, не говоря уже о специалистах в различных отраслях науки и техники, военных специалистов. В то же время через год в 1922 г. по инициативе Ленина из страны выслали наиболее ярких представителей науки и культуры, идейных противников режима. Зигзаги советской политики часто были непредсказуемы и нерасчетливы.



Добрый химик. Карикатура на Троцкого Бор. Ефимова. 1924.

умерев под ножом хирурга в октябре 1925 года, утвердился в советской историографии как главный герой крымских событий гражданской войны. В советских биографиях Фрунзе также отсутствуют упоминания о Троцком [11].

Когда Булгаков находился во Владикавказе, он явно не знал о терроре в Крыму. Иначе он не писал своему двоюродному брату К.П. Булгакову 16 февраля 1921 года: «Весной я должен ехать: или в Москву (м.б., очень скоро), или на Черное море, или еще куда-нибудь». 2 июня этого же года сестре Надежде из Тифлиса: «Может быть, окажусь в Крыму...». Но затем, оказавшись на Черном море в Батуме в плачевном положении, от Крыма, судя по всему, отказался. После краткого пребывания в Киеве, он осенью 1921 года отправляется в Москву на «постоянное жительство». После общения с родственниками, он уже мог иметь представление о событиях в Крыму. Его сестра Вера в этот период жила в Симферополе. Оба его брата были в Крыму при Врангеле, и потом оказались за границей. Недавно установлено, что сестра милосердия И.Л. Булгакова, тетя писателя, была расстреляна после прихода красных в декабре 1920 года в Ялте [12].

Теперь известно, что впервые в советский период Булгаков побывал в Крыму в Евпатории в 1923 году [13]. Благодаря ныне здравствующей родственнице писателя Л.А. Минаковой (1919г.р.) мы знаем некоторые подробности. С ее отцом, Александром Васильевичем Ткаченко (1888-1966) Булгаков подружился тоже в Евпатории, еще в 1911 году. Бывший офицер царской армии, Ткаченко после революции воевал на стороне красных, не раз награждался. После освобождения Крыма от белых соединился с семьей, прибывшей в Крым из Петербурга в ноябре 1919 году. А.В. Ткаченко много знал о событиях в Крыму. По рассказам дочери, никакой симпатии ни он, ни Булгаков к Троцкому испытывать не могли. В массовом сознании людей он был главным палачом — организатором и приводным механизмом массовых расстрелов, в том числе и в Крыму²⁷.

²⁷ Именно это было одной из причин быстрого падения Троцкого в мирное время, и на этом тоже искусно сыграл Сталин. У Троцкого были личные мотивы «мстить Крыму». Во время еврейского погрома с участием полицейских провокаторов в октябре 1905 года в Крыму, в Феодосии, по свидетельству очевидцев убивали только молодых евреев. Они были известны полиции как члены социал-демократической и социал-революционной (эсеры) партий. В числе жертв феодосийского погрома был двоюродный брат Троцкого, социал-демократ Давид Бронштейн [5, с.74-75].

В феврале 1921 года по ложному обвинению был арестован один из героев «крымской победы» Филипп Кузьмич Миронов, командующий 2-й Конной армией. Убит часовым во дворе Бутырской тюрьмы по личному приказу Троцкого [5, с.666-667].

Их главным исполнителем считается венгерский коммунист и журналист Бэла Кун, заявивший в печати: «Товарищ Троцкий сказал, что не приедет в Крым до тех пор, пока хоть один контрреволюционер останется в Крыму; Крым это — бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит...» [10, с. 105].

Троцкого ненавидели очень многие, и не только в Белой, но и в Красной армии.

Нет никаких сомнений, что так же относился к Троцкому и Булгаков. Источник негативного отношения исходит еще от дореволюционных времен, когда в газете «Киевская Мысль» (№№ 64, 72, 4 и 12 марта 1912), Троцкий опубликовал статью «Об интеллигенции».

В ней он уничижительно характеризовал события российской культуры, истории, ее деятелей, обвинял российскую интеллигенцию в «общественной убогости». Достаточно вспомнить, что Булгаков даже в письме Правительству СССР (а фактически Сталину) настаивал:

«... последние мои черты в погубленных пьесах: „Дни Турбиных“, „Бег« и в романе „Белая гвардия“: упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране» [14, с.257].

Так что еще с 1912 года никак не мог Булгаков иметь симпатию к Троцкому. И тем более — находясь в рядах Белой армии, как мы видели из эссе «Грядущие перспективы». И о какой симпатии можно говорить, когда Булгаков узнал о терроре в Крыму? В глазах писателя это было в духе Троцкого — главного врага российской интеллигенции, ставшего палачом в борьбе за власть после революции.

Казалось бы, когда Булгаков стал работать журналистом в Москве, выразить свою неприязнь, или даже задеть Троцкого в печати для бывшего врача Белой армии будет немыслимым. Но 6 мая 1923 года в «Литературном приложении» к газете «Накануне», выходившей в Берлине, появляется его рассказ «Московские сцены» (другое название «Четыре портрета») с остроумным ироническим подзаголовком «На передовых позициях». В нем повествуется, как один из знакомых писателя три года успешно обороняется против различных комиссий, желающих «уплотнить», т.е. изъять часть его жилплощади. В числе отпугивающих средств «обороны» он использовал портреты «вождей».

Уловить в этом тонкую иронию и сарказм Булгакова не смог автор БЭ, посчитавший, что в этом рассказе Троцкий представлен «позитивно». Но вчитаемся в описание портретов и мест, отведенных им хозяином квартиры, внимательно: «Луначарского

он пристроил в гостиной на самом видном месте, так что нарком стал виден решительно со всех точек в комнате. В столовой он повесил портрет Маркса, а в комнате кузена <...> кнопками прикрепил Л. Троцкого». А вот с Карлом Либкнехтом произошел конфуз, кухня хозяйина принять его наотрез отказалась²⁸.

Как тут не заметить явное «понижение» Троцкого на фоне отношения к Луначарскому и Марксу, а использование кнопок содержит намек на недолговечность пребывания портрета в данном месте. Получается, что Булгаков сатирически использовал образ Троцкого в сатирическом рассказе. На такое в то время вряд ли кто осмеливался!

Прошло не так много времени, и в октябре 1923 года в очерке «Золотистый город», опубликованном в берлинской газете «Накануне» (она доставлялась и в Москву), писатель смело высмеивает «культ личности» Троцкого, второго человека в иерархии советской власти, всеми предполагаемого наследника умирающего Ленина: «И всюду Троцкий, Троцкий, Троцкий. Черный бронзовый, белый гипсовый, костяной, всякий». А главка очерка имеет название «Кустарный», где упоминается сначала «маленький бюст Троцкого» из мамонтовой кости, и речь идет об изделиях кустарной промышленности²⁹.

Но в конце 1923 года власть в стране еще «качалась» и это, возможно, обусловило поездку в Евпаторию. В случае победы Троцкого можно было ожидать, что в Москве Булгакову его сатирические нападки припомнят, и пришлось бы куда-то уехать³⁰.

В дальнейшем тонкой иронией и сарказмом проникнуты у Булгакова записи в дневнике о Троцком. В ночь с 20 на 21 декабря 1924 года он отмечает, что забросил дневник, и не записывал многие важнейшие события последних двух месяцев:

«Самое главное из них, конечно — раскол в партии, вызванный книгой Троцкого „Уроки Октября“, дружное нападение на него всех главарей партии во главе с Зиновьевым, ссылка Троцкого под предлогом болезни на юг и после этого — затишье. <...> Троцкого съели и больше ничего.

²⁸ Здесь можно усмотреть сатирический намек на конфуз с ожидаемой Троцким победы революции в Германии, чему Булгаков не верил, и оказался прав [З, с.108-109; 112-113].

²⁹ «Маленькому кустарному» образу Троцкого Булгаков в этом же очерке противопоставляет огромный портрет Ленина «из цветов». Т.е. используется тот же принцип «снижения» образа, что и в рассказе «Четыре портрета».

³⁰ В этом смысле Крым был предпочтительнее Киева, где могли вспомнить прошлое Булгакова.

Анекдот:

— Лев Давыдыч, как ваше здоровье?

— Не знаю, я еще не читал сегодняшних газет».

Если обратиться к дневнику Корнея Чуковского, то в этот же период обнаруживаем запись: «**26 XI 24.** В Госиздате снимают портреты Троцкого, висевшие чуть не в каждом кабинете». Из советской истории мы знаем, что это означало — данного вождя «развенчали» и ему суждено политическое небытие. Лишившись власти, бывшие советские вожди превращались в персонажи анекдотов. Один из них записывает Булгаков 5 января 1925 года: «Анекдот: когда Троцкий уезжал, ему сказали: „Дальше едешь, тише будешь“».

Насмешки и анекдоты о Троцком находим и у Чуковского: «**27 февраля 1923 года.** Дикий³¹ о портрете Троцкого: „фармацевт, *обутый* в военный костюм“».

В то же время, ни у Булгакова, ни Чуковского не найдешь анекдота или насмешки по адресу Ленина. Булгаков даже был автором репортажа в газете «Гудок» о его похоронах.

Но в дальнейшем отношение к Ленину у Булгакова меняется. Здесь тот случай, когда можно согласиться с некоторыми находками БЭ в статье о Ленине. От легкой иронии в «Роковых яйцах» (1924) до попыток злой сатиры в редакциях «Мастера и Маргариты» в 1930-х годах. Причина понятна, в эти годы террор в стране, идущей по «ленинскому пути» все усиливался, и образ Ленина осмысливался уже по-другому. Склонность Ленина к террору обнаруживалась мыслящими людьми и из советской официальной печати³².

Вторая поездка Булгакова в Крым, несомненно, дала ему много новой «информации к размышлению». Если в Евпаторию в конце 1923 года ехал известный журналист, то в 1925 году в Коктебель к Волошину ехал писатель, уверенно вступивший в большую литературу. В тот период Булгакову оказывал поддержку писатель Вересаев, но он же по цензурным и идеологическим опасениям не поддержал роман «Белая гвардия». Напротив, Волошин первый из известных литераторов роман оценил: «... эта

³¹ Дикий Алексей Денисович (1889—1955), актер и режиссер.

³² Такая публикация была незадолго до высылки Троцкого, в массовом сознании олицетворявшем красный террор, в то время как Ленин оставался в тени: газета «Правда», 1929, № 17, 20 января. В.И. Ленин. Как организовать соревнование? (первая публикация статьи, написанной в конце декабря 1917 — начале января 1918 гг.). Среди мер «очистки земли российской от всяких вредных насекомых <...> богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов» Ленин предлагал, в частности, расстреливать «на месте одного из десяти, виновных в туеядстве».

вещь представилась мне очень крупной и оригинальной: как дебют начинающего писателя ее можно сравнить только с дебютами Достоевского и Толстого».

Волошин увидел идейную общность отношения к «русской усадьбе», к которой пришел Булгаков в советской действительности. Это позднее было сформулировано Булгаковым в письме правительству 1930 года: «... СТАТЬ БЕССТРАСТНО НАД КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ» (выделено прописными М.Б.). Волошин много мог рассказать о гражданской войне, о крымском терроре [15, с.196-200]. Он надеялся, что Булгаков завершит неоконченный роман «Белая гвардия». Возможно, в то время на это надеялся и Булгаков, но дальнейшие события в СССР и в жизни писателя не дали этим надеждам осуществиться.

Советская цензура, бороться с которой пытался Булгаков, закрыла для писателя возможность печатать свои прозаические произведения. Так что пьеса «Бег» была попыткой драматурга Булгакова по-своему осмыслить крымские события 1920 года, о которых он к началу 1930-х годов знал не только по доступным в СССР публикациям³³.

Одним из стимулов и источников для создания такой пьесы, несомненно, стало возвращение на Родину Я. Слащева (1885-1929) и публикация в 1924 году его мемуаров «Крым в 1920 г.». В эти годы печатались и другие книги участников белого движения, например Р. Гуля «Ледяной поход», «Жизнь на фукса».

Вероятно, Булгаков посчитал, что на этом фоне и «Бег» найдет свое место на советской сцене. Но предсказать все зигзаги и подводные течения советской политики, на которых к тому же искусно играли многочисленные враги и театральные конкуренты Булгакова, было непосильной задачей. События «Белой гвардии», «Дней Турбиных», «Бега» происходили на «той стороне» с «теми» героями, а партийное руководство литературой к 1930 году этого уже не допускало. События надо было освещать, желательнее «с нашей стороны» и герои должны быть «наши люди».

Главрепертком во главе с Керженцевым свой отзыв, направленный в Политбюро ЦК ВКП(б) в 1929 году, сразу начинал обвинением: «Новая пьеса Булгакова описывает белогвардейщину в момент падения Крыма и в период эмиграции. Как и в „Днях Турбиных“ автор идеализирует руководителей белогвардейщины и пытается вызвать к ним симпатии зрителей» [14, 423].

А в заключение этого отзыва не удержались от прямой лжи: «В связи с этой задачей автор изображает красных дикими зве-

³³ Его вторая жена Л.Е. Белозерская прошла все дороги в эмиграцию через Одессу в Турцию и т.д.

рями и не жалеет самых ярких красок для восхваления Врангеля и др. генералов». Фактически это был не отзыв, а политический донос, и он сработал.

Вскоре началась та самая черная полоса в жизни Булгакова, которая завершилась спасительным телефонным звонком Сталина.

Потом Булгаков еще несколько лет вместе с театром пытался «вытянуть» пьесу, пока не понял, что это дело безнадежное. Больше прозы и пьес подобного содержания с такими героями он не писал. Все же еще одна встреча с этой крымской темой у Булгакова произошла в 1936 году. Но это была всего лишь работа для заработка в качестве либреттиста оперы «Черное море». Некоторые исследователи усматривают связь либретто с пьесой «Бег» [16, 126-128]. Видимо, такое мнение было и у деятелей Главреперткома, работа над оперой не получила завершения.

С учетом опыта неудач с «Бегом» сюжет оперы строится Булгаковым с участием красной стороны, крымских партизан и под-



М.В. Фрунзе в Артеке. 1925.

польщиков. Прототипом руководителя штурма Крыма, командарма Михайлова, стал Михаил Фрунзе (1885-1925). Трудно сказать, насколько этот образ отражает действительное отношение Булгакова к Фрунзе.

Во всяком случае, интересуясь Крымом 1920 года, писатель не мог обойти эту фигуру. Если к кому-то из советских военачальников Булгаков мог тогда отнестись с уважением и даже симпатией, то это вполне мог быть Фрунзе, профессиональный революционер, своего рода красный «рыцарь без страха и упрека». Не будучи профессиональным военным, он после революции прошел путь от начальника минской гражданской милиции до командующего фронтами гражданской войны. После опалы Троцкого Фрунзе занимает его должность председателя Реввоенсовета республики и наркома по военным и морским делам СССР. В отличие от Троцкого его не считали виновником красного террора, и это отражалось на массовом сознании³⁴. Его популярность стремительно росла, он становился все более значительной фигурой в советско-партийной элите.

Тем неожиданнее стала его ранняя трагическая смерть, которая не могла остаться вне поля зрения Булгакова. Но если по этому поводу обратиться к дневнику писателя «Под пятой», то оказывается, что фактически почти весь 1925 год записей не было (что маловероятно, в таких случаях Булгаков делал запись о причинах перерыва), или изъяты «органами». Нет записи и о смерти Фрунзе, хотя оставлена запись о самоубийстве (убийстве?) жены Буденного. Можно предположить, что Булгаков был знаком с «Повестью непогашенной луны» Б. Пильняка, где с симпатией к герою описываются его последние дни. Работая над либретто

³⁴ Из биографии (Гранат) известно, что «после ликвидации врангельского фронта в ноябре Ф. становится командующим войсками Украины и Крыма и уполномоченным Реввоенсовета при Украинской ССР. Под его руководством ликвидируется петлюровщина и махновщина». Некоторые исследователи находят косвенные следы участия Фрунзе в организации красного террора в период до 3 декабря 1920 года [5, с.330].

А вот мнение на основе донесений Фрунзе о проведенных им репрессиях в 1919 году: «Фрунзе в этом отношении был ничем не лучше Тухачевского, подавлявшего Тамбовское восстание, или Пятакова, Бела Куна и Землячки, которые проводили „красный террор“ в Крыму. Если бы было соответствующее указание, то Фрунзе, несомненно, его выполнил бы» [19].

Одного из главных исполнителей красного террора в Крыму, зам. начальника особого отдела Южного фронта, награждали орденом Красного знамени в соответствии с резолюцией Фрунзе: «Считаю деятельность т. Евдокимова заслуживающей поощрения. Ввиду особого характера этой деятельности проведение награждения в обычном порядке не совсем удобно». Евдокимов руководил уничтожением «до 12 000 белого элемента, чем предупредил возможность появления в Крыму белых банд» [5, с.684; 687].

«Черное море» Булгаков явно должен был изучить биографию Фрунзе. При этом, скорее всего, он знакомился с биографиями и автобиографиями других революционеров³⁴.

Как отмечается в БЭ: «Конечно, по содержанию Ч. м. — это лишь бледная тень „Бега“. В полном соответствии с советскими схемами для эпохи гражданской войны, интеллигенты теперь становятся на сторону красных и помогают им. <...> Несомненно, Булгаков создавал полную никчемность своего „революционного“ либретто» [1, 740].

На самом деле и в этом либретто можно усмотреть не только «бледную тень» пьесы «Бег», но и кое-что любопытное. В начале 1929 года Сталин, отрицательно характеризуя «Бег», «как анти-советское явление», все же «не имел ничего против постановки „Бега“, если бы Булгаков прибавил к своим восьми снам еще один или два сна, где бы он изобразил внутренние социальные пружины гражданской войны в СССР» [2, с.229].

«Черное море» [17] с этой точки зрения выглядит пародией на это пожелание Сталина. Имеется в нем и сон командарма Михайлова-Фрунзе, явно усиливающий такое ощущение.

Доказывает ли это, что пожелание Сталина, высказанное в письме драматургу Билль-Белоцерковскому, дошло до Булгакова? Скорее всего, Булгакову оно стало известно. Так вырисовывается «мостик» от либретто оперы к пьесе о Сталине «Батум».

По всей видимости, изучив материалы о Фрунзе и других революционерах для либретто, имея большой драматургический и литературный опыт, Булгаков и решился принять «заказ» на романтическую пьесу о Сталине. Было ли это решением «холодного ремесленника», хотя и очень высокой квалификации, или писатель увидел в этом возможность нового художественного достижения?

Существуют разные ответы на эти вопросы, и разные оценки самой пьесы «Батум». Как и пьесе «Бег», друзья и близкие предрекали успех и «Батуму». Вместо этого, писателя ожидал страшный удар, нанесенный с иезуитской расчетливостью. Этот удар подкосил здоровье Булгакова и стал для него смертельным. Причина сегодня понятна, Булгаков и его романтическая пьеса о молодых годах революционера Иосифа Джугашвили не сочетались с уже утвердившейся официальной мифологией «гениального секретаря».

Вполне возможно, что работа Булгакова над пьесой была решена и использована для контроля того, что он мог «накопать» попутно на Сталина. Писатель также не знал, что параллельно с ним в это же время в далекой Мексике над подробнейшей био-

³⁴ 41-й том Энциклопедического Словаря Русского Библиографического Института Гранат.

графией Сталина, начиная с его с молодых лет, работает Троцкий [18]. Все последующие годы власти Сталина его биография в СССР выходила только в официальном варианте с одобрения «вождя». Случайно или нет, но Троцкий ненадолго пережил Булгакова, он был убит через три месяца после смерти писателя, далеко не окончив свой труд о Сталине.

Подводя итоги, следует отметить, что талант Булгакова позволил бы ему создать роман-эпопею о гражданской войне, белом и красном терроре, в том числе и в Крыму. Но в советских условиях «стать бесстрастно над красными и белыми» было невозможно. Писателю оставалось работать и решать художественные задачи «на грани возможного».

Он один из первых бросил сатирический «камень» в ненавистного ему Троцкого, он же пытался найти привлекательные и романтические моменты в биографиях Фрунзе и Сталина. Это простительное заблуждение, если учесть, что в 1920-1930 годах многое из того, что нам известно теперь, было скрыто от многих пронцепательных умов.

Теперь мы судим время, в котором не жили. Булгакову удалось самое главное — отстоять в тех условиях достоинство честного человека.

Литература

1. Соколов Б.В. Булгаков. Энциклопедия. Персонажи, прототипы, произведения, друзья и враги семьи. М.: ЭКСМО, 2007.
2. Булгаков М.А. Собрание сочинений в 10 томах. Т.10. Письма. Дневники. М.: Голос, 2000.
3. Булгаков М.А. Грядущие перспективы. Газета «Грозный», 1919, 13 (26) ноября. — В книге: Сахаров В.И. Михаил Булгаков: писатель и власть. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.
4. Троцкий Л.Д. Три года борьбы и учебы. Речь 6 ноября 1920 года. Примечания. <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl820.htm>
5. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь: Таврия, 1997.
6. Троцкий Л.Д. Положение и задачи советских республик после окончания гражданской войны (Интервью). <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl822.htm>
7. Волкогонов Д.А. Троцкий. Политический портрет. Кн.1. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», АО «Издательство «Новости», 1999.
8. Шмелев И.С. Солнце мертвых. М.: Согласие, 2000.
9. Волошин М. Стихи о терроре. Берлин: Книгоиздательство писателей, 1923.
10. Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918—1923. Берлин, 1924.

11. Группа авторов. М. В. Фрунзе: Военная и политическая деятельность. М.: Воениздат, 1984.
12. Пажитнов Е. Жертва гражданской войны из семьи Михаила Булгакова. «Литературная газета+Курьер культуры: Крым-Севастополь», 2009, №9, с.5.
13. Мешков В.А. Будет ли в Евпатории улица Михаила Булгакова? «Литературная газета+Курьер культуры: Крым-Севастополь», 2009, №18, с.2.
14. Сахаров В.И. Михаил Булгаков: писатель и власть. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.
15. Костилов В.В. Не будем проклинять изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М.: Международные отношения, 1990.
16. Виленский Ю.Г., Навроцкий В.В., Шалюгин Г.А. Михаил Булгаков и Крым. Симферополь: Таврия, 1995.
17. Булгаков М.А. Черное море. Либретто. Пьеса. (Библиотечка «В помощь художественной самодеятельности» №23). М.: Советская Россия, 1989.
18. Троцкий Л.Д. Сталин. Т.1,2. М.: Издательский центр «ТЕРРА», 1990.
19. Будницкий О. Михаил Фрунзе — террорист, полководец, политик. Знание-сила №1, 2008г.

2010



Дворец Дюльбер, Ялта. Начало XX века.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КРЫМУ

Хвала тебе, Ай-Петри великан,
В одежде царственной из сосен!
Взошел сегодня на твой мощный стан
Штабс-капитан в отставке Просин!
Из какого-то рассказа

НЕВРАСТЕНИЯ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Улицы начинают казаться слишком пыльными. В трамвае сесть нельзя — почему так мало трамваев? Целый день мучительно хочется пива, а когда доберешься до него, в нёбо вонзается воблина кость и, оказывается, пиво никому не нужно. Теплое, в голове встает болотный туман, и хочется не моченого гороху, а ехать под Москву в Покровское-Стрешнево.

Но на Страстной площади, как волки, воют наглецы с букетами, похожими на конские хвосты.

На службе придираются: секретарь — примазавшаяся личность в треснувшем пенсне — невыносим³⁶. Нельзя же в течение двух лет без отдыха созерцать секретарский лик!

Сослуживцы, людишки себе на уме, явные мещане, несмотря на портреты вождей в петлицах.

Домоуправление начинает какие-то асфальтовые фокусы, и мало того, что разворотило весь двор, но еще на это требует денег. На общие собрания идти не хочется, а в «Аквариуме» какой-то дьявол в светлых трусиках ходил по проволоке, и юродство его раздражает до невралгии.

Словом, когда человек в Москве начинает лезть на стену, значит, он доспел, и ему, кто бы он ни был — бухгалтер ли, журналист или рабочий, — ему надо ехать в Крым.

В какое именно место Крыма?

³⁶ ...секретарь — примазавшаяся личность в треснувшем пенсне — невыносим. — Ср. с внешним обликом Коровьева в романе «Мастер и Маргарита». Возможно, Булгаков имеет в виду непосредственного своего руководителя по «Гудку» Григория Гутнера (в повести «Тайному другу» — Навзикат). В это время сотрудничество с «Гудком» становится для Булгакова невыносимо тягостным, и он искал возможности расстаться с ним. (Здесь и далее использован текст сносок В.И. Лосева).

КОКТЕБЕЛЬСКАЯ ЗАГАДКА

— Натурально, в Коктебель, — не задумываясь, ответил приятель. — Воздух там, солнце, горы, море, пляж, камни. Карадаг, красота!

В эту ночь мне приснился Коктебель, а моя мансарда на Пречистенке показалась мне душевной, полной жирных, несколько в изумруд отливающих мух.

— Я еду в Коктебель, — сказал я второму приятелю.

— Я знаю, что вы человек недалекий, — ответил тот, закури-
вая мою папиросу.

— Объяснитесь?

— Нечего и объясняться. От ветру сдохнете.

— Какого ветру?

— Весь июль и август дует, как в форточку. Зунд.

Ушел я от него.

— Я в Коктебель хочу ехать, — неуверенно сказал я третьему и прибавил: — Только прошу меня не оскорблять, я этого не позволю.

Посмотрел он удивленно и ответил так:

— Счастливцев! Море, воздух, солнце...

— Знаю. Только вот ветер — зунд.

— Кто сказал?

— Катошихин.

— Да ведь он же дурак! Он дальше Малаховки от Москвы не отъезжал. Зунд — такого и ветра нет.

— Ну, хорошо.

Дама сказала:

— Дует, но только в августе. Июль — прелесть.

И сейчас же после нее сказал мужчина:

— Ветер в июне — это верно, а июль — август будете как в раю.

— А, черт вас всех возьми!

— Никого ты не слушай, — сказала моя жена³⁷, — ты издержался, тебе нужен отдых...

Я отправился на Кузнецкий мост и купил книжку в ядовитосинем переплете с золотым словом «Крым» за 1 руб. 50 коп.

Я — патентованный городской чудака, скептик и неврастеник — боялся ее читать. «Раз путеводитель, значит, будет хвалить».

³⁷ — *Никого ты не слушай, — сказала моя жена...* — См. воспоминания Л. Е. Белозерской (стр. 152-153 наст. изд.): (Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания. М., 1989. С. 111).

Дома при опостылевшем свете рабочей лампы раскрыли мы книжечку и увидали на странице 370-й («Крым». Путеводитель. Под общей редакцией президиума Моск. Физио-Терапевтического Общества и т.д. Изд. «Земли и Фабрики») буквально о Коктебеле такое³⁸:

«Причиной отсутствия зелени является „крымский сирокко“, который часто в конце июля и августа начинает дуть неделями в долину, сушит растения, воздух насыщает мелкой пылью, до иступления доводит нервных больных... Бесперывный ветер, не прекращавшийся в течение 3-х недель, до иступления доводил неврастеников. Нарушались в организме все функции, и больной чувствовал себя хуже, чем до приезда в Коктебель».

(В этом месте жена моя заплакала.)

«...Отсутствие воды — трагедия курорта, — читал я на стр. 370-371, — колодезная вода соленая, с резким запахом моря...»

— Перестань, детка, ты испортишь себе глаза...

«...К отрицательным сторонам Коктебеля приходится отнести отсутствие освещения, канализации, гостиниц, магазинов, неудобства сообщения, полное отсутствие медицинской помощи, отсутствие санитарного надзора и дороговизну жизни...»

— Довольно! — нервно сказала жена.

Дверь открылась.

— Вам письмо.

В письме было:

«Приезжай к нам в Коктебель. Великолпно. Начали купаться. Обед 70 коп³⁹».

И мы поехали...

³⁸ ...купил книжку... «Крым»... буквально о Коктебеле такое... — Речь идет о книге: Крым: Путеводитель / Под общ. ред. И. М. Саркизова-Серазини. М., 1925. Книга сохранилась в архиве писателя (НИОР РГБ, ф. 562, к. 22, ед. хр. 7). Во многих местах текст путеводителя подчеркнут Булгаковым. Например, такие фразы: «Крымское сирокко доводит нервных больных до иступления. Люди умственного труда чувствуют ухудшение... Неудобство комнат, полное отсутствие медицинской помощи... И не могут люди с большими нервами долго по ночам гулять... Как только мраком окутывается долина, идут они в свои комнатки и спят, тревожимые страшными сновидениями».

Упоминает этот казус и Л. Е. Белозерская — См. стр.152-153.

³⁹ «Приезжайте к нам в Коктебель... Обед 70 коп.». — Речь идет о письме М. Волошина от 28 мая 1925 г., в котором поэт сообщал и «технические сведения»: «...из Москвы почтовый поезд прямой вагон на Феодосию. Феодосия — Коктебель: линейка... или катер... Обед 60-70 копеек. Июль-август — наиболее людно...» В своих воспоминаниях Л. Е. Белозерская цитирует также «частное письмо» М. Волошина от 24 мая (письмо это пока не найдено) — См. стр. 152.

В СЕВАСТОПОЛЬ!

— Невозможно, — повторял я, и моя голова моталась, как у зарезанного, и стучалась о кузов. Я соображал, хватит ли мне денег? Шел дождь. Извозчик как будто на месте топтался, а Москва ехала назад. Уезжали пивные с красными раками во фраках на стеклах, и серые дома, и глазастые машины хрюкали в сетке дождя. Лежа в пролетке, коленями придерживая мюровскую попку, я рукой сжимал тощий кошелек с деньгами, видел мысленно зеленое море, вспоминал, не забыл ли я запереть комнату...

«1-с» — великолепен. Висел совершенно молочный туман, у каждой двери стоял проводник с фонарем, был до прочтения плацкарты недоступен и величественен, по прочтении — предупредителен. В окнах было светло, а в вагоне-ресторане на белых скатертях — бутылки боржома и красного вина.

Коварно, после очень негромкого второго звонка, скорый снялся и вышел. Москва в пять минут завернулась в густейший черный плащ, ушла в землю и умолкла.

Над головой висел вентилятор-пропеллер. Официанты были сверхчеловечески вежливы, возбуждая даже дрожь в публике! Я пил пиво баварское и недоумевал, почему глухие шторы скрывают от меня подмосковную природу.

— Камнями швыряют, сукины сыны, — пояснил мне услужающий, изгибаясь, как змея.

В жестком вагоне ложились спать. Я вступил в беседу с проводником, и он на сон грядущий рассказал мне о том, как крадут чемоданы. Я осведомился о том, какие места он считает наиболее опасными. Выяснилось — Тулу, Орел, Курск, Харьков. Я дал ему рубль за рассказ, рассчитывая впоследствии использовать его. Взамен рубля я получил от проводника мягкий тюфячок (пломбированное белье и тюфяк стоят три рубля). Мой мюровский чемодан с блестящими застежками выглядел слишком аппетитно.

«Его украдут в Орле», — думал я горько.

Мой сосед привязал чемодан веревкой к вешалке, я свой маленький саквояж положил рядом с собой и конец своего галстука прикрепил к его ручке. Ночью я, благодаря этому, видел страшный сон и чуть не удавился. Тула и Орел остались где-то позади меня, и очнулся я не то в Курске, не то в Белгороде. Я глянул в окно и расстроился. Непогода и холод тянулись за сотни верст

от Москвы. Небо затягивало пушечным дымом, солнце старалось выбраться, и это ему не удавалось.

Летели поля, мы резали на юг, на юг опять шли из вагона в вагон, проходили через мудрую и блестящую международку, ели зеленые щи. Штор не было, никто камнями не швырял, временами сек дождь и косыми столбами уходил за поля.

Прошли от Москвы до Джанкоя 30 часов. Возле меня стоял чемодан от Мерелиза, а напротив стоял в непромокаемом пальто начальник станции Джанкоя с лицом, совершенно синим от холода. В Москве было много теплей.

Оказалось, что феодосийского поезда нужно ждать 7 часов. В зале первого класса за стойкой, иконописный, похожий на завоевателя Мамай, татарин поил бессонную пересадочную публику чаем. Малодушные по поводу холода исчезли, лишь только появилось солнце. Оно лезло из-за товарных вагонов и боролось с облаками. Акации торчали в окнах. Парикмахер обрил мне голову, пока я читал его таксу и объявление:

«Кредит портит отношения».

Затем джентльмен американской складки заговорил со мной и сказал, что в Коктебель ехать не советует, а лучше в тысячу раз в Отузах. Там — розы, вино, море, комнатка 20 руб. в месяц, а он там, в Отузах, председатель. Чего? Забыл. Не то чего-то кооперативного, не то потребительского. Одним словом, он и винодел.

Солнце тем временем вылезло, и я отправился осматривать Джанкой. Юркий мальчишка, после того как я с размаху сел в джанкойскую грязь, стал чистить мне башмаки. На мой вопрос, сколько ему нужно заплатить, льстиво ответил:

— Сколько хотите.

А когда я ему дал 30 коп., завыл на весь Джанкой, что я его ограбил. Сбежались какие-то женщины, и одна из них сказала мальчишке:

— Ты же мерзавец. Тебе же гривенник следует с проезжего.

И мне:

— Дайте ему по морде, гражданин.

— Откуда вы узнали, что я проезжий? — ошеломленно улыбаясь, спросил я и дал мальчишке еще 20 коп. (Он черный, как навозный жук, очень рассудительный, бойкий, лет 12, если попадете в Джанкой, бойтесь его.)

Женщина вместо ответа посмотрела на носки моих башмаков. Я ахнул. Негодяй их вымазал чем-то, что не слезает до сих пор. Одним словом, башмаки стали похожи на глиняные горшки.

Феодосийский поезд пришел, пришла гроза, потом стук колес, и мы на юг, на берег моря.

КОКТЕБЕЛЬ, ФЕРНАМПИКСЫ И «ЛЯГУШКИ»

Представьте себе полукруглую бухту, врезанную с одной стороны между мрачным, нависшим над морем массивом, — это развороченный в незапамятные времена погасший вулкан Карадаг, — с другой — между желто-бурыми, сверху точно по линейке срезанными грядками, переходящими в мыс, — Прыжок козы.

В бухте — курорт Коктебель.

В нем замечательный пляж, один из лучших на крымской жемчужине: полоска песку, а у самого моря полоска мелких, облизанных морем разноцветных камней.



Прежде всего о них. Коктебель наполнен людьми, болеющими «каменной болезнью»⁴⁰. Приезжает человек, и если он умный — снимает штаны, вытряхивает из них московско-тульскую дорожную пыль, вешает в шкаф, надевает короткие трусики, и вот он на берегу.

Если не умный — остается в длинных брюках, липающих его ноги крымского воздуха, но все-таки он на берегу, черт его возьми!

⁴⁰ Коктебель наполнен людьми, болеющими «каменной болезнью». — См. стр. 156.

Солнце порою жжет дико, ходит на берег волна с белыми венцами, и тело отходит, голова немного пьянеет после душных ущелий Москвы.

На закате новоприбывший является на дачу с чуть-чуть ошалевшими глазами и выгружает из кармана камни.

— Посмотрите-ка, что я нашел!

— Замечательно, — отвечают ему двухнедельные старожилы, в голосе их слышна подозрительно-фальшивая восторженность, — просто изумительно! Ты знаешь, когда этот камешек особенно красив?

— Когда? — спрашивает наивный москич.

— Если его на закате бросить в воду, он необыкновенно красиво летит, ты попробуй!

Приезжий обижается. Но проходит несколько дней, и он начинает понимать. Под окном его комнаты лежат грудями белые, серые и розоватые голыши, сам он их нашел, сам же и выбросил. Теперь он ищет уже настоящие обломки обточенного сердолика, прозрачные камни, камни в полосках и рисунках.

По пляжу слоняются фигуры: кожа у них на шее и руках лупится, физиономии коричневые. Сидят и роются, ползают на животе.

Не мешайте людям — они ищут фернампиксы! Этим загадочным словом местные коллекционеры окрестили красивые породистые камни. Кроме фернампиксов, попадаются «лягушки», прелестные миниатюрные камни, покрытые цветными глазками. Не брезгают любители и «пейзажными собаками». Так называются простые серые камни, но с каким-нибудь фантастическим рисунком. В одном и том же пейзаже на собаке может каждый, как в гамлетовском облике, увидеть все, что ему хочется.

— Вася, глянь-ка, что на собачке нарисовано!

— Ах, черт возьми, действительно, вылитый Мефистофель...

— Сам ты Мефистофель! Это Большой театр в Москве!

Те, кто камней не собирает, просто купаются, и купание в Коктебеле первоклассное. На раскаленном песке в теле рассасывается городская гниль, исчезает ломота и боли в коленях и пояснице, оживают ревматики и золотушные.

Только одно примечание: Коктебель не всем полезен, а иным и вреден. Сюда нельзя ездить людям с очень расстроенной нервной системой.

Я разъясняю Коктебель: ветер в нем дует не в мае или августе, как мне говорили, а дует он круглый год ежедневно, не бывает без ветра ничего, даже в жару. И ветер раздражает неврастеников.

Коктебель из всех курортов Крыма наиболее простенький. Т.е. в нем сравнительно мало эппманов, но все-таки они есть. На

стене оставшегося от довоенного времени помещения, поэтического кафе «Бубны», ныне, к счастью, закрытого⁴¹ и наполовину обращенного в развалины, красовалась знаменитая надпись:

«Нормальный дачник — друг природы.

Стыдитесь, голые уроды!»

Нормальный дачник был изображен в твердой соломенной шляпе при галстукке, пиджаке и брюках с отворотами.

Эти друзья природы прибывают в Коктебель и ныне из Москвы, и точно в таком виде, как нарисовано на «Бубнах». С ними жены и свояченицы: губы тускло-малиновые, волосы завиты, бюстгальтер, кремовые чулки и лакированные туфли.

Отличительный признак этой категории: на закате, когда край моря одевается мглой и каждого тянет улететь куда-то ввысь или вдаль, и позже, когда от луны ложится на воду ломкий золотой столб и волна у берега шипит и качается, эти сидят на лавочках спиною к морю, лицом к кооперативу и едят черешни.

О голых уродах. Они-то самые умные и есть. Они становятся коричневыми, они понимают, что кожа в Крыму должна дышать, иначе не нужно и ездить. Нэпман ни за что не разденется. Хоть его озолоти, он не расстанется с брюками и пиджаком. В брюках часы и кошелек, а в пиджаке бумажник. Ходят раздетыми, в трусиках комсомольцы, члены профсоюзов из тех, что попали на отдых в Крым, и наиболеемышленные дачники.

⁴¹ ...оставшегося от довоенного времени помещения, поэтического кафе «Бубны», ныне, к счастью, закрытого... — Булгаков, видимо, знал (или ему рассказали в Коктебеле) предысторию этого знаменитого кафе, открытого летом 1912 г. греком Синопли как примитивный балаган, но усилиями приезжавших на отдых художников и поэтов превращенного в достопримечательность: все его стены были разрисованы и «расписаны» различными веселыми надписями, а название «Бубны» ему дал художник А. В. Лентулов. Здесь родилась и популярная песенка «Крокодила»:

По берегу ходила
Большая Крокодила,
Она, она
Зеленая была.

Кое-что из «бубновского» творчества Булгаков позаимствовал. По-видимому, из надписи «Нет лучше угощения Жорж-Бормана печенья!» родился псевдоним одной из героинь-писательниц в романе «Мастер и Маргарита» — Боцман Жорж (в других вариантах — Жорж-Боцман). Так, в незавершенной рукописи романа (предположительно первой половины 1937 г.) читаем: «Богатая некогда купеческая наследница Настасья Савишна Непременова, ставшая военно-морской романисткой и подписавшаяся „Боцман Жорж“, была в засаленной шелковой блузочке и черной кривой юбке...».

Они пользуются не только морем, они влезают на скалы Карадага, и раз, проходя на парусной шлюпке под скалистыми отвесами, мимо страшных и темных гротов, на громадной высоте на козьих тропах, таких, что если смотреть вверх, немного холодеет в животе, я видел белые пятна рубашек и красненькие головные повязки. Как они туда забрались?

Некогда в Коктебеле, еще в довоенное время, застрял какой-то бездомный студент. Есть ему было нечего. Его заметил содержатель единственной тогда, а ныне и вовсе бывшей гостиницы Коктебеля и заказал ему брошюру рекламного характера.

Три месяца сидел на полном пансионе студент, прославляя судьбу, растолстел и написал акафист Коктебелю⁴², наполнив его перлами красноречия, не уступающими фернампискам.

«...и дамы, привыкшие в других местах к другим манерам, долго бродят по песку в фиговых костюмах, стыдливо поднимая подолы...»

Никаких подолов никто стыдливо не поднимает. В жаркие дни лежат обожженные и обветренные мужские и женские голые тела.

«КАЧАЕТ»

Пароход «Игнат Сергеев», однотрубный, двухклассный (только второй и третий класс), пришел в Феодосию в самую жару — в два часа дня. Он долго был у пристани моргагентства. Цепи ржаво драли уши, и вертелись в воздухе на крюках громаднейшие клубы прессованного сена, которые матросы грузили в трюм.

Гомон стоял на пристани. Мальчишки-носильщики грохотали своими тележками, тащили сундуки и корзины. Народу ехало много, и все койки второго класса были заняты еще от Батума. Касса продавала второй класс без коек, на диваны кают-компаний, где есть пианино и фисгармония.

Именно туда я взял билет, и именно этого делать не следовало, а почему — об этом ниже.

«Игнат», постояв около часа, выбросил таблицу «отход в 5 ч. 20 мин.» и вышел в 6 ч. 30 мин. Произошло это на закате. Феодосия стала отплывать назад и развернулась всей своей белизной. В иллюминаторе подуло свежестью...

Буфетчик со своим подручным (к слову: наглые, невежливые и почему-то оба пьяные) раскинули на столах скатерти, по скатертям раскидали тарелки, такие тяжелые и толстые, что их ни обо что нельзя расколотить, и подали кому бифштекс в виде под-

⁴² ...застрял какой-то бездомный студент... написал акафист Коктебелю... — Булгаков имеет в виду писателя-врача С.Я. Елпатьевского (1854 — 1933), написавшего великолепные «Крымские очерки» (1913).

метки с салным картофелем, кому половину костлявого цыпленка, бутылки пива. В это время «Игнат» уже лез в открытое море.

Лучший момент для бифштекса с пивом трудно выбрать. Корму (а кают-компания на корме) стало медленно, плавно и мягко поднимать, затем медленно и еще более плавно опускать куда-то очень глубоко.

Первым взяло гражданина соседа. Он остановился над своим бифштексом на полдороге, когда на тарелке лежал еще порядочный кусок. И видно было, что бифштекс ему разонравился. Затем его лицо из румяного превратилось в прозрачно-зеленое, покрытое мелким потом.

Нежным голосом он произнес:

— Дайте нарзану...

Буфетчик с равнодушно-наглыми глазами брякнул перед ним бутылку. Но гражданин пить не стал, а поднялся и начал уходить. Его косо понесло по ковровой дорожке.

— Качает! — весело сказал чей-то тенор в коридоре.

Благообразная нянька, укачивавшая ребенка в Феодосии, превратилась в море в старуху с серым лицом, а ребенка вдруг плюхнула, как куля, на диван.

Мерно... вверх... подпирает грудобрюшную преграду... вниз...
«Черт меня дернул спрашивать бифштекс...»⁴³

Кают-компания опустела. В коридоре, где грудой до стеклянного потолка лежали чемоданы, синеющая дама на мягком диванчике говорила сквозь зубы своей спутнице:

— Ох... Говорила я, что нужно поездом в Симферополь...

«И на какого черта я брал билет второго класса, все равно на палубе придется сидеть». Весь мир был полон запахом бифштекса, и тот ощутительно ворочался в желудке. Организм требовал третьего класса, т. е. палубы.

Там уже был полный разгар. Старуха армянка со стоном ползла по полу к борту. Три гражданина и очень много гражданок висели на перилах, как пустые костюмы, головы их мотались.

Помощник капитана, розовый, упитанный и свежий, как огурчик, шел в синей форме и белых туфлях вдоль борта и всех утешал:

— Ничего, ничего... Дань морю.

Волна шла (издали, из Феодосии, море казалось ровненьким, с маленькой рябью) мощная, крупная, черная, величиной с хо-рошую футбольную площадку, порой с растрепанным седоватым

⁴³ «Черт меня дернул спрашивать бифштекс...» — См. стр. 161—163.

гребнем, медленно переваливалась, подкатывалась под «Игната», и нос его лез... ле-ез... ох... вверх... вниз.

Садился вечер. Мимо плыл Карадаг. Сердитый и чернеющий в тумане, и где-то за ним растворялся во мгле плоский Коктебель. Прощай. Прощай.

Пробовал смотреть в небо — плохо. На горы — еще хуже. О волне — нечего и говорить...

Когда я отошел от борта, резко полегчало. Я тотчас лег на палубу и стал засыпать... Горы еще мерещились в сизом дыму.



ЯЛТА

Но до чего же она хороша!

Ночью, близ самого рассвета, в черноте один дрожащий огонь превращается в два, в три, а три огня — в семь, но уже не огней, а драгоценных камней...

В кают-компани дадут полный свет.

— Ялта.

Вон она мерцает уже многоярусно в иллюминаторе.

Еще легчает, еще. Огни в иллюминаторе пропадают. Мы у подножки их. Начинается суета, тени на диване оживают, появляются чемоданы. Вдруг утихает мерное ворчание в утробе «Игната», слышен грохот цепей. И сразу же качает.

Конечно — Ялта!

Ялта и хороша, Ялта и отвратительна, и эти свойства в ней постоянно перемешиваются. Сразу же надо зверски торговаться. Ялта — город-курорт: на приезжих, т.е., я хочу сказать, прибывающих одиночным порядком, смотрят как на доходный улов.

По спящей, еще черной с ночи набережной носильщик привел куда-то, что показалось похожим на дворцовые террасы. Смутно белеет камень, парапеты, кипарисы, купы подстриженной зелени, луна догорает над волнорезом сзади, а впереди дворец, — черт возьми!

Наверное, привел в самую дорогую гостиницу. Так и оказалось: конечно, самая дорогая. Номера в два рубля «все заняты». Есть в три рубля.

— А почему электричество не горит?

— Курорт-с!

— Ну ладно, все равно.

В окнах гостиницы ярусами Ялта. Светлеет. По горам цепляются облака и льется воздух. Нигде и никогда таким воздухом, как в Ялте, не дышал. Не может не поправиться человек на таком воздухе. Он сладкий, холодный, пахнет цветами, если глубже вздохнуть — ощущаешь, как он входит струей. Нет лучше воздуха, чем в Ялте!

Наутро Ялта встала, умытая дождем. На набережной суется больше, чем на Тверской: магазинчики налеплены один рядом с другим, все это настежь, все громоздится и кричит, завалено татарскими тюбетейками, персиками и черешнями, мундштуками и сетчатым бельем, футбольными мячами и винными бутылками, духами и подтяжками, пирожными. Торгуют греки, татары, русские, евреи. Все втридорога, все «по-курортному» и на все спрос. Мимо блещущих витрин непрерывным потоком белые брюки, белые юбки, желтые башмаки, ноги в чулках и без чулок, в белых туфельках.

МОРСКАЯ ЧАСТЬ

Хуже, чем купание в Ялте, ничего не может быть, т. е. я говорю о купании в самой Ялте, у набережной.

Представьте себе развороченную, крупнобулыжную московскую мостовую. Это пляж. Само собой понятно, что он покрыт обрывками газетной бумаги. Но менее понятно, что во имя курортного целомудрия (черт бы его взял, и кому это нужно!) налеплены деревянные, вымазанные жиденькой краской загородки,

которые ничего ни от кого не скрывают, и, понятное дело, нет вершка, куда можно было бы плюнуть, не попав в чужие брюки или голый живот. А плюнуть очень надо, в особенности туберкулезному, а туберкулезных в Ялте не занимать. Поэтому пляж в Ялте и заплеван.

Само собою разумеется, что при входе на пляж сколочена скворечница с кассовой дырой и в этой скворечнице сидит унылое существо женского пола и цепко отбирает гривенники с одиночных граждан и пятаки с членов профессионального союза.

Диалог в скворечной дыре после купания:

— Скажите, пожалуйста, вы вот тут собираете пятаки, а вам известно, что на вашем пляже купаться невозможно совершенно?..

— Хи-хи-хи.

— Нет, вы не хихикайте. Ведь у вас же пляж заплеван, а в Ялту ездят туберкулезные.

— Что же мы можем поделаты!

— Плевательницы поставить, надписи на столбах повесить, сторожа на пляж пустить, который бы бумажки убирал.

В ЛИВАДИИ

И вот в Ялте вечер. Иду все выше, выше по укатанным узким улицам и смотрю. И с каждым шагом вверх все больше разворачивается море, и на нем, как игрушка с косым парусом, застыла



Дворец Николая II в Ливадии

шлюпка. Ялта позади с резными белыми домами, с остроконечными кипарисами. Все больше зелени кругом. Здесь дачи по дороге в Ливадию уже целиком прячутся в зеленой стене, выглядывают то крышей, то белыми балконами. Когда спадает жара, по укатанному шоссе я попадаю в парки. Они громадны, чисты, полны очарования.

Море теперь далеко, у ног внизу, совершенно синее, ровное, как в чашу налито, а на краю чаши, далеко, далеко, — лежит туман.

Здесь, среди выложенных аллей, среди дорожек, проходящих между стен розовых цветников, приютился раскидистый и низкий, шоколадно-штучный дворец Александра III, а выше него, невдалеке, на громадной площадке белый дворец Николая II.

Резчайшим пятном над колоннами на большом полотнище лицо Рыкова⁴⁴. На площадках, усыпанных тонким гравием, группами и в одиночку, с футбольными мячами и без них, расхаживают крестьяне, которые живут в царских комнатах. В обоих дворцах их около 200 человек.

Все это туберкулезные, присланные на поправку из самых отдаленных волостей Союза. Все они одеты одинаково — в белые шапочки, в белые куртки и штаны.

И в этот вечерний, вольный, тихий час сидят на мраморных скамейках, дышат воздухом и смотрят на два моря — парковое зеленое, гигантскими уступами — сколько хватит глаз — падающее на море морское, которое теперь уже в предвечерней мгле совершенно ровное, как стекло.

В небольшом отдалении, за дворцовой церковью, с которой снят крест, за колоколами, висящими низко в прорезанной белой стене (на одном из колоколов выбита на меди голова Александра II с бакенбардами и крутым носом. Голова эта очень мрачно смотрит), выложенный свитский дом, а у свитского дома звучит гармоника и сидят отдыхающие больные.

⁴⁴ ...на большом полотнище лицо Рыкова. — Рыков Алексей Иванович (1881-1938), виднейший партийный и государственный деятель. Многие годы возглавлял правительство СССР. Репрессирован и расстрелян в 1938 г. А.И. Рыков отличался простотой в обращении и о нем в народе говорили, что он частенько злоупотреблял спиртными напитками. В дневнике Булгакова имеется несколько записей о Рыкове. Между тем А. И. Рыков сыграл положительную роль в судьбе писателя: он активно помогал К. С. Станиславскому в постановке «Дней Турбиных» и по его инициативе Булгакову были возвращены рукописи, изъятые у него сотрудниками ГПУ.

Когда приходишь из Ливадии в Ялту, уже глубокий вечер, густой и синий. И вся Ялта сверху до подножия гор залита огнями, и все эти огни дрожат. На набережной сияние. Сплошной поток, отдыхающий, курортный.

В ресторанчике-поплавке скрипки играют вальс из «Фауста». Скрипкам аккомпанирует море, набегая на сваи поплавка, и от этого вальс звучит особенно радостно.

Во всех кондитерских, во всех стекляннно-прозрачных лавчках жадно пьют холодные ледяные напитки и горячий чай.

Ночь разворачивается над Ялтой яркая. Ноги ноют от усталости, но спать не хочется. Хочется смотреть на высокий зеленый огонь над волнорезом и на громадную багровую луну, выходящую из моря. От нее через Черное море к набережной протягивается изломанный широкий золотой столб.

«У АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА»

В верхней Аутке, изрезанной кривыми узенькими улочками, вздымающимися в самое небо, среди татарских лавчонок и белых скученных дач, каменная беловатая ограда, калитка и чистенький двор, усыпанный гравием.

Посреди буйно разросшегося сада дом с мезонином идеальной чистоты, и на двери этого дома маленькая медная дощечка: «А. П. Чехов»⁴⁵.

Благодаря этой дощечке, когда звонишь, кажется, что он дома и сейчас выйдет. Но выходит средних лет дама, очень вежливая и приветливая. Это — Марья Павловна Чехова, его сестра. Дом стал музеем, и его можно осматривать.

Как странно здесь.

В этот день Марья Павловна уже показывала дом группе экскурсантов, устала, и нас водила по дому какая-то другая пожилая женщина. Неудобно показалось спросить, кто она такая. Она очень хорошо знает быт чеховской семьи. Видимо, долго жила в ней.

В столовой стол, накрытый белой скатертью, мягкий диван, пианино. Портреты Чехова. Их два. На одном — он девятидесятых годов — живой, со смешливыми глазами. «Таким приехал сюда».

На другом — в сети морщин. Картина — печальная женщина, и рука ее не кончена. Рисовал брат Чехова.

⁴⁵ ...медная дощечка: «А. П. Чехов». — Музей А. П. Чехова в Ялте создавался любовно, многие годы. В нем были собраны уникальные экспонаты, редчайшие рукописи-автографы. Это был подлинный центр русской культуры. Сейчас музея уже практически нет: все лучшее, что было в музее, расхищено... (Это, конечно, не так, — хотя со времени Булгакова многое изменилось. — В.М.)



*Ялтинский дом Антона Павловича Чехова.
Осенью 1899 года сюда переехала вся его семья.*



*Слева направо: мать Чехова — Евгения Яковлевна, его сестра Мария Павловна, его жена Ольга Леонардовна Книппер-Чехова.
Начало 1900-х годов.*

— Вот здесь сидел Лев Николаевич Толстой, когда приезжал к Антону Павловичу в гости. Но кроме него, сидели многие: Бунин и Вересаев, Куприн, Шаяпин, и Художественного театра актеры приезжали к нему репетировать.

В кабинете у Чехова много фотографий. Они прикрыты кисейей. Тут Станиславский и Шаяпин, Комиссаржевская и др.

Какое-то расписное деревянное блюдо, купленное Чеховым на ярмарке на Украине. Блюдо, за которое над Чеховым все домашние смеялись, — вещь никому не нужная.

С карточки на стене глядит один из братьев Чехова, задумчиво возвел взор к небу. Подпись:

«И у журавлей, поди, бывают семейные неприятности... Кра...»

Верхние стекла в трехстворчатом окне цветные: от этого в комнате мягкий и странный свет. В нише, за письменным столом, белоснежный диван, над диваном картина Левитана: зелень и речка — русская природа, густое масло. Грусть и тишина.

И сам Левитан рядом.

При выходе из ниши письменный стол. На нем в скупом немецком порядке карандаши и перья, докторский молоток и почтовые пакеты, которые Чехов не успел уже вскрыть. Они пришли в мае 1904 г., и в мае он уехал за границу умирать.

— В особенности донимали Антона Павловича начинающие писатели. Приедет, читает, а потом спрашивает: «Ну как вы ходите, Антон Павлович?»

А тот был очень деликатный, совестился сказать, что ерунда. Язык у него не поворачивался. И всем говорил: «Да ничего, хорошо... Работайте». Не то что Шаяпин, тот прямо так и бухал каждому: «Никакого у вас голоса нет, и артистом вы быть не можете!»

В спальне на столике порошок фенаcetина — не успел его принять Чехов, — и его рукой написано «phenal!» — и слово оборвано.

Здесь свечи под зеленым колпаком, и стоит толстый красный шкаф — мать подарила Чехову. Его в семье называли насмешливо «наш многоуважаемый шкаф», а потом он стал «многоуважаемый» в «Вишневом саду».

НА АВТОМОБИЛЕ ДО СЕВАСТОПОЛЯ

Если придется ехать на автомобиле из Ялты в Севастополь, да сохранит вас небо от каких-либо машин, кроме машин Крымкурсо. Я пожелал сэкономить два рубля и «сэкономил». Обратился в какую-то артель шоферов. У Крымкурсо место до Севастополя стоит 10 руб., а у этих 8.



Кабинет А.П. Чехова. Справа в верхней части камина видно панно «Стога сена в лунную ночь», написанное Левитаном в 1899-1900 году, когда он гостил у писателя.



Фотографии своих знаменитых друзей и знакомых Чехов размещал на овальном столике в своем кабинете. В правой части большое фото Шаляпина, который часто гостил в доме писателя.

Бойкая личность в конторе артели, личность лысая и европейски вежливая, в грязнейшей сорочке, сказала, что в машине поедет пять человек. Когда утром на другой день подали эту машину — я ахнул. Сказать, какой это фирмы машина, не может ни один специалист, ибо в ней не было двух частей с одной и той же фабрики, ибо все были с разных. Правое колесо было «мерседеса» (переднее), два задних были «пеуса», мотор фордовский, кузов черт знает какой! Вероятно, просто русский. Вместо резиновых камер — какая-то рвань.

Все это громыхало, свистело, и передние колеса ехали не просто вперед, а «разъезжались», как пьяные.

И протестовать поздно, и протестовать бесполезно.

Можно на севастопольский поезд опоздать, другую машину искать нигде.

Шофер нагло, упорно и мрачно улыбается и уверяет, что это лучшая машина в Крыму по своей быстроходности.

Кроме того, поехали, конечно, не пять, а 11 человек: 8 пассажиров с багажом и три шофера — двое действующих и третий — бойкое существо в синей блузе, кажется, «автор» этой первой по быстроходности машины, в полном смысле слова «интернациональной». И мы понеслись.

В Гаспре «первая по быстроходности машина», конечно, сломалась, и все пассажиры этому, конечно, обрадовались.

Заклоченный в трубу, бежит холоднейший ключ. Пили из него жадно, лежали, как ящерицы на солнце. Зелени — океан; уступы, скалы...

Шина лопнула в Мисхоре.

Вторая в Алушке, облитой солнцем. Опять страшно радовались. Навстречу пролетали лакированные машины Крымкурсо с закутанными в шарфы эмпманскими дамами.

Но только не в шарфах и автомобилях нужно проходить этот путь, а пешком. Тогда только можно оценить красоту Южного берега.

СЕВАСТОПОЛЬ, И КРЫМУ КОНЕЦ

Под вечер, обожженные, пыльные, пьяные от воздуха, катили в беленький раскидистый Севастополь, и тут ощутили тоску: «Вот из Крыма нужно уезжать».

Автобандиты отвязали вещи. Угол на одном чемодане был вскрыт, как ножом, и красивым углом был вырван клочок из пледа.

Все-таки при этой дьявольской езде машина «лизнула» крылом одну из мажар⁴⁶.

⁴⁶ ...одну из мажар. — Мажара — большая крымская арба.

Лихие ездки полюбовались на свою работу и уехали с веселыми гудками, а мы вечером из усеянного звездами Севастополя, в теплый и ароматный вечер, с тоскою и сожалением уехали в Москву⁴⁷.

1925

Путешествие по Крыму. Комментарии. В. И. Лосев

Впервые — Красная газета (вечерний выпуск). 1925. 27 июля; 3, 10, 22, 24, 31 августа. С подписью: «М. Булгаков».
Печатается по тексту «Красной газеты».

Очерк «Путешествие по Крыму» имеет интересную и содержательную предысторию, связанную прежде всего с именем Максимилиана Волошина.

Выдающийся поэт, писатель и художник, обладатель многих других талантов, Максимилиан Волошин был наделен и удивительной способностью определять по одному-двум произведениям новых даровитых писателей и поэтов. Его оценки, как правило, были безошибочны. В Булгакове же он сразу увидел талант исключительный, своеобразный и мощный, талант природно русский, мыслительный.

Оценивал Волошин «начинающего писателя» по двум произведениям: «Белой гвардии» и «Роковым яйцам». Несмотря на свое «отшельничество», ему удалось познакомиться с текстом «Белой гвардии» в рукописном виде. Вот как это было.

Летом 1924 г. П.Н. Зайцев, секретарь и зав. редакцией издательства «Недра», ознакомившись с рукописью «Белой гвардии», решил «перекупить» понравившуюся ему вещь у издательства «Россия» (редактор И.Г. Лежнев). Но для этого требовалось, разумеется, согласие редколлегии издательства «Недра» и его редактора Н.С. Ангарского-Клестова. Из членов редколлегии «Недр» первым прочитал рукопись романа В.В. Вересаев. Роман

⁴⁷ ...с тоской и сожалением уехали, в Москву. — В поезд Булгаковы сели 9 июля, а 10-го из Лозовой направили восточку Волошиным следующего содержания: «Дорогие Марья Степановна и Максимилиан Александрович, шлем Вам самый сердечный привет. Мы сделали великолепную прогулку без особых приключений. Качало несильно. В Ялте прожили сутки и ходили в дом Чехова. До Севастополя ехали автомобилем. Леоновы напугались моря в последнюю минуту. Мне очень не хочется принимать городской вид. С большим теплом вспоминаем Коктебель. Всем поклон... Л. Булгакова». Булгаков приписал: «На станциях паршиво. Всем мой привет».

ему понравился, но печатать его в «Недрах» не рекомендовал по причинам сугубо идеологическим (слишком привлекательно, по его мнению, были изображены герои-белогвардейцы).

Такое заключение опытного писателя хотя и расстроило ходатая и автора, но не остановило их: они решили действовать через Ангарского. П.Н. Зайцев отправился в Крым, еще раз посоветовался там с Вересаевым (тот отдыхал в Гаспре) и, получив от него повторно отрицательный отзыв, обратился к Ангарскому. Как вспоминает П.Н. Зайцев, разговор с Ангарским о романе Булгакова состоялся у него по дороге в Коктебель к Волошину (см.: Воспоминания о Михаиле Булгакове. С. 498-500). Несмотря на колебания (роман Ангарскому очень понравился), опытный редактор-коммунист присоединился к мнению Вересаева.

Из последующей переписки Волошина с Ангарским и Вересаевым выяснилось, что хозяин «Дома поэта» принимал участие в «уговаривании» редактора напечатать роман Булгакова в «Недрах», но безуспешно.

Через некоторое время Волошин прочитал опубликованную в журнале «Россия» первую часть романа, а также повесть «Роковые яйца», которую ему прислал Ангарский, и 25 марта написал редактору «Недр» письмо, ставшее для Булгакова знаменательным. В нем говорилось: «Спасибо за VI книгу „Недр“ и за Ваши издания. Я их получил уже больше месяца назад, но как раз в тот момент выезжал в Харьков... „Недра“ прочел еще в вагоне. Рассказ М. Булгакова очень талантлив и запоминается во всех деталях сразу. Но я очень пожалел, что Вы все-таки не решились напечатать „Белую гвардию“, особенно после того, как прочел отрывок из нее в „России“. В печати видишь вещи яснее, чем в рукописи... Но во вторичном чтении эта вещь представилась мне очень крупной и оригинальной, как дебют начинающего писателя ее можно сравнить только с дебютами Достоевского и Толстого. И по литературному значению удельный [ее] вес, разумеется, превосходит „Роковые яйца“».

Очень досадно, что она не пойдет в „Недрах“ целиком, тем более что Лежнев ограничится, кажется, лишь фрагментом...

Мне бы очень хотелось познакомиться лично с М. Булгаковым, так как Вы его наверно знаете, — то передайте ему мой глубокий восторг перед его талантом и попросите его от моего имени приехать ко мне на лето в Коктебель».

Ангарский показал письмо Булгакову, и тот переписал почти весь текст себе в альбом. Конечно, восторженный отзыв известного литератора очень обрадовал Булгакова, и он тут же вы-

разил согласие поехать в Коктебель. Ангарский немедленно известил Волошина: «Булгаков к Вам с радостью приедет». Спустя несколько дней (10 мая 1925 г.) уже сам Булгаков писал в Коктебель: «Многоуважаемый Максимилиан Александрович, Н. С. Ангарский передал мне Ваше приглашение в Коктебель. Крайне признателен Вам. Не откажите черкнуть мне, могу ли я с женой у Вас на даче получить отдельную комнату в июле — августе? Очень приятно было бы навестить Вас».

28 мая Волошин ответил Булгакову приветливым письмом: «Дорогой Михаил Афанасьевич, буду очень рад видеть Вас в Коктебеле, когда бы Вы ни приехали. Комната отдельная будет. Очень прошу Вас привезти с собою все вами написанное (напечатанное и ненапечатанное)... Прошу передать привет Вашей жене и жду Вас обоих...»

Обращает на себя внимание просьба Волошина привезти все написанное Булгаковым, в том числе и неопубликованное. Ему уже было известно, что цензура стала уделять пристальное внимание произведениям Булгакова. Характерным в этом смысле является и письмо В. В. Вересаева поэту от 8 апреля 1925 г., в котором он писал: «Очень мне было приятно прочесть Ваш отзыв о М. Булгакове. „Белая гвардия“, по-моему, вещь довольно рядовая, но юмористические его вещи — перлы, обещающие из него художника первого ранга. Но цензура режет его беспощадно. Недавно зарезала чудесную вещь „Собачье сердце“, и он совсем падает духом. Да и живет почти нищенски... Ангарский мне передал, что Ваше к нему письмо Булгаков взял к себе и списал его».

12 июня Булгаковы приехали в Коктебель, где находились почти месяц. В числе многочисленных волошинских гостей были Леоновы, Габричевские, Э. Ф. Голлербах, пианистка М. А. Пазухина, поэт Г. А. Шенгели и многие другие. О том, что происходило в этот месяц в Коктебеле, можно судить по воспоминаниям Л. Е. Белозерской, И. А. Габричевской, Н. Л. Манухиной (жены Г. Шенгели) и письмам М. А. Пазухиной. Все они свидетельствовали о внешней стороне жизни в Коктебеле и развлечениях. Читая эти воспоминания, можно подумать, что Булгаков весь месяц исключительно отдыхал, путешествовал, ловил бабочек, собирал камушки, заигрывал с поварихой, подтрунивал над Леоновым и устраивал самодеятельный театр. Правда, только один раз проскользнуло в письме М. А. Пазухиной (18 июня): «...один писатель читал свою прекрасную вещь про собаку». Можно, конечно, догадаться, что читал «прекрасную вещь» Булгаков и что было это «Собачье сердце»...

Между тем при прощании Волошин подарил Булгакову свой сборник «Иверия» и неизбежную свою акварель с многозначительнейшими по содержанию дарственным надписями; на сборнике: «Дорогой Михаил Афанасьевич, доведите до конца трилогию „Белой гвардии“...», на акварели: «Дорогому Михаилу Афанасьевичу, первому, кто запечатлел душу русской уособицы, с глубокой любовью...»

Такие надписи не делаются из вежливости. Очевидно, в Коктебеле Булгаков и Волошин кашли возможность обсудить волновавшие их темы. Ведь тот и другой испытали на себе все ужасы «русской уособицы» и оба запечатлели ее «душу». Запечатлели каждый по-своему, но в то же время во многом одинаково, если рассматривать эту «уособицу» как величайшую трагедию русского народа. И они прекрасно понимали, что трагедия эта еще далеко не исчерпала себя. Наверняка эти беседы оставили какие-то следы в их впечатлительных творческих душах. Во всяком случае, исследователи находят много родственного в поэзии о гражданской войне Волошина и в пьесе Булгакова «Бег» (см., например: *Вилленский Ю. Г. и др.* Михаил Булгаков и Крым. Симферополь, 1995. С. 28-33). Нельзя не заметить также, что Булгаков полюбился Волошину и как писатель-единомышленник, и как человек с честнейшим взглядом на жизнь. Это видно из их дальнейшей переписки и из других сохранившихся документов. Так, 26 ноября 1925 г. в письме к писательнице С. З. Федорченко Волошин спрашивал: «Видаете ли Вы наших летних друзей: Леоновых, Булгаковых?.. Очень хотелось бы знать о них». Писатели вскоре ответили Волошину. Для материальной и моральной поддержки поэта и его гостеприимного дома в Коктебеле его московские друзья организовали 1 марта 1926 г. в Академии художественных наук (ГАХН) благотворительный литературно-музыкальный вечер, в котором приняли участие В. В. Вересаев, Б. Л. Пастернак, Ю. Л. Слезкин, С. В. Шервинский и многие другие. Булгаков с блеском прочитал на вечере «Похождения Чичикова». Благодарный Волошин направил всем участникам вечера по акварели. Булгакову он надписал так: «Дорогому Михаилу Афанасьевичу! спасибо за то, что не забыли о Коктебеле. Ждем Вас с Любовью Евгеньевной летом. Максимилиан Волошин». Но этим не ограничился. 4 апреля он пишет Булгакову письмо, которое словно продолжает их «творческую беседу»: «Дорогой Михаил Афанасьевич, не забудьте, что Коктебель и волошинский дом существуют и Вас ждут летом. Впрочем, Вы этого не забыли, т. к. участвовали в Коктебельском вечере, за что шлем Вам глубокую благодарность. О литературной жизни Москвы до нас доходят вести отдаленные,

но они так и не соблазнили меня на посещение севера. Заранее прошу: привезите с собою конец „Белой гвардии“, которой знаю только 1 и 2 части, и продолжение „Роковых яиц“. Надо ли говорить, что очень ждем Вас и Любовь Евгеньевну, и очень любим...» (см.: *Купченко В., Давыдов З. М. Булгаков и М. Волошин // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988. С. 422—423*). 3 мая Булгаков откликнулся на приглашение: «Дорогие Марья Степановна и Максимилиан Александрович. Люба и я поздравляем Вас с праздником. Целуем. Открытку М. А. я получил, акварель также. Спасибо за то, что не забыли нас. Мечтаем о юге, но удастся ли этим летом побывать — не знаю. Ищем две комнаты, вероятно, все лето придется просидеть в Москве».

Догадывался ли Булгаков, что через несколько дней к нему нагрянут «гости» с Лубянки? Седьмого мая на квартире Булгакова сотрудники ОГПУ провели тщательнейший обыск, выискивая именно ненапечатанные рукописи... С этого момента Булгаков стал не только «опекаемым» этим зловещим учреждением, но и «приглашаемым» туда на допросы...

Волошин внимательно наблюдал за перипетиями вокруг Булгакова после премьер «Дней Турбиных» и «Зойкиной квартиры», об этом ему сообщали многие его знакомые. «Страшный шум царит вокруг Булгакова...» — сообщал писатель Л. Е. Остроумов. «Жаль, что его писательская судьба так неудачна и тревожно за его судьбу человеческую», — сокрушалась О. Ф. Головина, дочь первого председателя Государственной думы. В начале 1927 г. Волошин сам прибыл в Москву (26 февраля состоялось открытие выставки его акварелей в ГАХН) и несколько раз встречался с Булгаковым (два раза был у него дома). Надо полагать, что речь шла и о творчестве, и о возможностях его реализации в «специфических» условиях. Трудно сказать, догадывались ли они о том, что впереди их ждут жестокие испытания...



При прочтении очерка «Путешествие по Крыму» неизбежно возникает вопрос: почему Булгаков сделал его несколько «легковесным», почему даже не упомянут Волошин, не говоря уже о беседах с ним? Да и некоторые «коктебельцы» были не очень довольны этим очерком. Так, Э. Ф. Голлербах в письме Волошину от 1 декабря 1925 г. сетовал на то, что в булгаковских фелетонах «больше рассуждений о превратностях погоды, чем о коктебельском быте».

Ответ на этот естественный вопрос, как ни странно, мы находим как раз в письмах Волошина Э. Голлербаху, опубликован-

ных в историческом альманахе «Минувшее», № 17 (М.; СПб., 1994). Так, в письме от 24 июля 1925 г., то есть написанном по «горячим следам», говорится следующее:

«Дорогой Эрик Феодорович, ради Бога, убедите Лежнева не давать *никакой* статьи о Коктебеле, ибо это может быть губительно для всего моего дома и дела. У меня (вернее, у моего имени) слишком много журнальных врагов, и всякое упоминание его вызывает газетную травлю.

Не надо забывать, что вся моя художественная колония существует не „de jure“, а попустительством, и ее может сразу погубить первый безответственный журнальный выпад, который, несомненно, последует за статьей обо мне или о Коктебельском Доме, особенно если она будет сочувственна... *Всякое* печатное упоминание о Коктебеле чревато угрозами его существованию...» (Там же. С. 312).

Нет ни малейших сомнений в том, что Волошин говорил об этом же и Булгакову, который, конечно, не мог скрыть от хозяина дома своих намерений напечатать очерки о путешествии по Крыму. Булгаков до мелочей выполнил все «установки» Волошина, не упоминая в очерке ни самого хозяина дома, ни его художественную колонию. Разумеется, «фельетоны» от этого во многом проиграли, стали менее сочными и выразительными, но Булгаков не мог подвести Волошина.

О реакции Волошина на булгаковский очерк пока ничего не известно, но если бы она была отрицательной, то он непременно сообщил бы об этом Голлербаху. В ноябре 1925 г. поэт, возвратившись к той же теме, писал Голлербаху: «Только к ноябрю наш дом опустел, и зимняя жизнь и ее ритм вошли в свои права... И еще мне хочется извиниться перед Вами за мое „veto“ на Вашу статью о Коктебеле. Если бы дело шло о моей личности — то тут бы не могло быть никаких „veto“ — я этого себе никогда не позволял и не позволю. Но „Волошинский Дом“ — это не я. А целый коллектив. Я посоветовался с друзьями и получил определенные инструкции: пусть лучше никто и ничего не пишет в печати — кто-нибудь подхватит, начнется травля и тогда не отстоите. Только поэтому я позволил себе просить Вас ничего не писать о Коктебеле. Хвалить и ругать одинаково опасно в этих случаях...» (Там же. С. 315).

Булгаковский очерк, в котором много говорилось о «превратностях погоды», никак не повредил Волошину. Был ли сам писатель доволен своим произведением?.. Но тут необходимо принимать во внимание и другие обстоятельства — Булгакова уже поглотили дела театральные и на фельетоны у него оставалось все

меньше времени. И еще несколько слов о том, что привлекало Волошина в Булгакове и что сближало и роднило их. Очевидно — их «запрещенность». Ибо сам Волошин в течение многих лет жил под знаком «запрещенности». Вот что писал он по этому поводу в одном из писем в апреле 1925 г.: «В мае этого года исполняется 30 лет с тех пор, как было впервые напечатано мое стихотворение... Я это скрывал. Но в конце концов это просочилось, и мне пришлось дать согласие на публичное ознаменование этого... Что из этого выйдет, не знаю. Скорее всего новая литературная травля. Но трусить этого как-то непристойно. Вероятнее всего, что просто не позволят никакого публичного чествования (празднование юбилея было перенесено на август. — *В. Л.*)... Что за „тридцатилетняя литературная деятельность“, когда человек не может ни издать, ни переиздать ни одной своей книжки!» (Там же. С. 309). И далее читаем знаменательные слова: «У меня большая радость: профессор Анисимов прислал мне большую фотографию Владимирской Богоматери... И сейчас она стоит против меня и потрясает своим скорбным взволнованным ликом, перед которым прошла *вся* русская история. Кажется, что в нем я найду тот ключ, который мне даст дописать моего „Серафима“».

Добавим к этому, что ранняя редакция булгаковского «Бега» называлась «Рыцари Серафимы»... А профессор Анисимов Александр Иванович, автор книги «Владимирская икона Божией Матери», был арестован в 1930 г. и погиб в заключении...

Л. Е. Белозерская-Булгакова

КОКТЕБЕЛЬ—КРЫМ

Наступило лето, а куда ехать — неизвестно. В воздухе прямо носилось слово «Коктебель»: многие говорили о том, что поэт Максимилиан Волошин совершенно безвозмездно предоставил все свое владение в Коктебеле в пользование писателей. Мы купили путеводитель по Крыму д-ра Саркисова-Серазини. О Коктебеле было сказано, что природа там крайне бедная, унылая. Прогулки совершать некуда. Даже за цветами любители ходят за много километров. Неприятность от пребывания в Коктебеле усугубляется еще тем, что здесь дуют постоянные ветры. Они действуют на психику угнетающе, и лица с неустойчивой нервной

системой возвращаются после поездки в Коктебель еще с более расшатанными нервами. Цитирую вольно, но в основном правдиво.

Мы с М. А. посмеялись над «беспристрастностью» д-ра Саркисова-Серазини, и, несмотря на «напутствие» друга Коли Лямина, который говорил: «Ну, куда выедете? Крым — это сплошная пошлость. Одни кипарисы чего стоят!», мы решили: едем все-таки к Волошину. В поэзии это звучало так:

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом открыт навстречу всех дорог.
(М. Волошин «Дом поэта», 1926 г.)

В прозе же выглядело более буднично и деловито:

«Прислуги нет. Воду носить самим. Совсем не курорт. Свободное дружеское сожитие, где каждый, кто придется „ко двору“, становится полноправным членом. Для этого же требуется: радостное приятие жизни, любовь к людям и внесение своей доли интеллектуальной жизни». (Из частного письма М. Волошина. 24 мая 1924 г.).

И вот через Феодосию — к конечной цели.

В отдалении от моря — селение. На самом берегу — дом поэта Волошина.

Еще с детства за какую-то клеточку мозга зацепился на всю жизнь образ юноши поэта Ленского: «всегда восторженная речь и кудри черные до плеч». А тут перед нами стоял могучий человек, с брюшком, в светлой длинной подпоясанной рубаше, в штанах до колен, широкий в плечах, с широким лицом, с мускулистыми ногами, обутыми в сандалии. Да и бородатое лицо было широколобое, широконосое. Грива русых с проседью волос перевязана на лбу ремешком, — и похож он был на доброго льва с небольшими умными глазами. Казалось, он должен заговорить мощным зычным басом, но говорил он негромко и чрезвычайно интеллигентным голосом (он и стихи так читал — без нажима, сдержанно, хотя писатель И. А. Бунин в своих воспоминаниях (т. 9 полного собрания сочинений, стр. 425), кстати сказать, недоброжелательных по тону, говорит, что Волошин, читая свои стихи... «делал лицо олимпийца, громовержца и начинал мощно и томно завывать... Кончая, сразу сбрасывал с себя эту грозную и важную маску...» (Скажу попутно: ничего деланного, нарочитого, наблюдая ежедневно Максимилиана Александровича в течение месяца, мы не заметили. Наоборот, он казался естественно-гармоничным, несмотря на свою экстравагантную внешность).



М.А. Волошин и женой Марией Степановной

В тени его монументальной фигуры поодаль стояла небольшая женщина в тюбетейке на стриженных волосах — тогда стриженная женщина была редкостью. Всем своим видом напоминала она курсистку начала века с Бестужевских курсов. Она приветливо нам улыбнулась. Это — Мария Степановна, жена Максимилиана Волошина.



За основным зданием, домом поэта, в глубине стоит двухэтажный дом, а ближе — тип татарской сакли — домик без фундамента, давший приют только что женившемуся Леониду Леонову и его тоненькой как тростиночка жене, которая мило пришепetyвает, говорит «черефня» вместо черешня, да и сам Леонид Максимович не очень-то дружит с шипящими. Нам с М. А. это нравится, и мы между собой иногда так разговариваем.

Нас поселили в нижнем этаже дальнего двухэтажного дома. Наш сосед — поэт Георгий Аркадьевич Шенгели, а позже появилась и соседка, его жена, тоже поэтесса, Нина Леонтьевна, если память меня не подводит. Очень симпатичная женственная особа.

Приехала художница Анна Петровна Остроумова-Лебедева со своим мужем Сергеем Васильевичем Лебедевым впоследствии прославившим свое имя как ученого-химика созданием синтетического каучука. Необыкновенно милая пара. Она — маленькая, некрасивая, но обаятельная; он — стройный красивый человек. Всем своим обращением, манерами они подтверждают истину — чем значительней внутренний багаж человека, тем добрее, шире, снисходительней он по отношению к другим людям (на протяжении всей жизни эта истина не обманула меня ни разу).

Если сказать правду, Коктебель нам не понравился. Мы огляделись: не только пошлых кипарисов, но вообще никаких деревьев не было, если не считать чахлых, раскачиваемых ветром насаждений возле самого дома Макса. Это питомцы покойной матери поэта Елены Оттобальдовны (в семейном быту называемой «Пра»). Какую радость испытала бы она, доведись ей увидеть густой парк, ныне окружающий дом. Когда я смотрю на современную фотографию дома поэта, утопающего в зелени, меня не оставляет мысль о чуде.

Итак, мы огляделись: никаких ярких красок, все рыжевато-сероватое. «Первозданная красота», по выражению Максимилиана Александровича. Как он любил этот уголок Крыма! А ведь немало побродил он по земле, немало красоты видел он и дома и за границей. Вот он у себя в мастерской, окна которой выходят на самое море (и подумать только — никогда никакой пыли).

Он читает стихи.

Старинным золотом и желчью напитал
Вечерний свет холмы. Зардели красны, буры
Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры.
В огне кустарники и воды, как металл.

(Из цикла «Киммерийские сумерки»)

Мы слушаем. Мы — это Анна Петровна Остроумова-Лебедева, Дора Кармен, мать теперь известного киноработника, Ольга Федоровна Головина, я и еще кто-то, кого не помню. Но ни Леонова, ни Шенгели, ни Софьи Захаровны Федорченко, ни М. А. на этих чтениях я не видела.

Этим я напоминаю о том, что жадного тяготения к поэзии у М. А. не было, хотя он прекрасно понимал, что хорошо, а что плохо, и сам мог при случае прибегнуть к стихотворной форме. Помню как-то, сидя у Ляминых, М. А. взял книжечку одного современного поэта и прочел стихотворение сначала как положено — сверху вниз, а затем снизу вверх. И получился почти один и тот же смысл.

— Видишь, Коля, вот и выходит, что этот поэт вовсе и не поэт, — сказал он...

...Просьпаясь в Коктебеле рано, я неизменно пугалась, что пасмурно и будет плохая погода, но это с моря надвигался туман. Часам к десяти пелена рассеивалась и наступал безоблачный день. Длинный летний день...

Конечно, мы, как и все, заболели типичной для Коктебеля «каменной болезнью». Собирали камешки в карманы, в носовые платки, считая их по красоте «венцом творенья», потом вытряхивали свою добычу перед Максом, а он говорил, добродушно улыбаясь:

— Самые вульгарные собаки!

Был низший класс — собаки, повыше — лягушки и высший — сердолики.

Ходили на Кара-Даг. Впереди необыкновенно легко шел Максимилиан Александрович. Мы все пыхтели и обливались потом, а Макс шагал как ни в чем не бывало, и жара была ему нипочем. Когда я выразила удивление, он объяснил мне, что в юности ходил с караваном по Средней Азии.

Кара-Даг — потухший вулкан.

...И недр изверженных порывом,
Трагическим и горделивым —
Взметнулись вихри древних сил...

Такие строки у Волошина.

Зрелище величественное, волнующее. Застывшая лава в кратере — да ведь это же химеры парижской Нотр-Дам. Как сладко потянуло в эту живописную бездну!



— Вот это и есть головокружение, — объяснил мне М.А., отодвигая меня от края.

Он не очень-то любил дальние прогулки. Кроме Кара-Дага мы все больше ходили по бережку, изредка, по мере надобности, купаясь. Но самое развлекательное занятие была ловля бабочек. Мария Степановна снабдила нас сачками.

Вот мы взбираемся на ближайшие холмы — и начинается потеха. М. А. загорел розовым загаром светлых блондинов. Глаза его кажутся особенно голубыми от яркого света и от голубой шапочки, выданной ему все той же Марией Степановной.

Он кричит:

— Держи! Лови! Летит «сатир»!

Я взмахиваю сачком, но не тут-то было: на сухой траве здорово скользко и к тому же покато. Ползу куда-то вниз. Вижу, как на животе сползает М. А. в другую сторону. Мы оба хохочем. А «сатиры» беззаботно порхают себе вокруг нас.

Впоследствии сестра М. А. Надежда Афанасьевна рассказала, что когда-то, в студенческие годы, бабочки были увлечением ее брата, и в свое время коллекция их была подарена Киевскому университету.

Уморившись, мы идем купаться. В самый жар все прячутся по комнатам. Ведь деревьев нет, а значит, и тени нет. У нас в

комнате не жарко, пахнет полынью от влажного веника, которым я мету свое жилье.

Как-то Анна Петровна Остроумова-Лебедева выразила желание написать акварельный портрет М.А.



Он позирует ей в той же шапочке с голубой оторочкой, на которой нашиты коктебельские камешки. Помнится, портрет тогда мне нравился.

В 1968 году мне довелось увидеть его после перерыва в несколько десятилетий, и я удивилась, как мог он мне так нравиться! Не раз во время сеансов Анна Петровна — хорошая рассказчица — вспоминала поэта Брюсова. Он говорил ей о том, что, изучая оккультные науки, он приоткрыл завесу потустороннего мира и проник в его глубины. Но горе непосвященным — возвещал он — кто без подготовки дерзнет посягнуть на эти глубины... Признаюсь, я не без придыхания слушала Анну Петровну. М. А. помалкивал. А вот сегодня, я держу в руках книгу Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (т.т.1-2, стр.365) и читаю: «Окруженный поэтами, охваченными мистическими настроениями, он

(Брюсов) начал изучать „окультиные науки“ и знал все особенности инкубов и суккубов, заклинания, средневековую ворожбу». И те далекие беседы во время сеансов обретают иную окраску и иное звучание. Невольно вспоминается брюсовский «Огненный ангел»...

Из женского населения волошинского дома первую скрипку играла Наталия Алексеевна Габричевская. Внешность ее броская: кожа гладкая, загорелая, цвет лица прекрасный, глаза большие, выпуклые, брови выписанные. На голове яркая повязка. Любит напевать пикантные песенки — я слышу иногда взрыв мужского смеха из окон нижнего этажа, где живут Габричевские. К женщинам иного плана

она относится с легким презрением, называя их, как меня, например, «дамочкой с цветочками». Раз только и не надолго мы с ней объединились: на татарский праздник (байрам, рамазан?), уж не помню, в Верхних или Нижних Отузах, надев на себя татарское платье, мы вместе плясали хайтарму (и плясали плохо)... Было бы просто несправедливо, вспоминая Наталью Александровну тех лет, не перекинуть мостика в современность.

В марте 1968 года я побывала на выставке ее картин. Как это ни звучит странно, но уже в пожилом возрасте у нее «прорезался» талант художника.

Я смело могу сказать это ответственное слово, потому что рисунки ее действительно талантливы — остро сатирические, написанные в стиле декоративного примитива. Больше всего мне понравился портрет маслом актера Румнева. Он изображен в розовой рубашке и круглой соломенной шляпе, поля которой не поместились в рамке изображения. Оттого ли, что шляпа напомнила солнечный диск, оттого ли, что на картине нет ни одного теневого мазка, мной овладело ощущение горячего летнего дня.

Муж ее, Александр Георгиевич, искусствовед и поклонник красоты, мог воспеть архитектонику какой-нибудь крымской серой колючки, восхищенно поворачивая ее во все стороны и грасируя при этом с чисто французским изяществом.

В музее Изобразительных искусств им. Пушкина, в зале французской живописи, стоит мраморная скульптура Родена — грандиозная мужская голова с обильной шевелюрой. Это бюст



Георгия Норбертовича Габричевского, врача, одного из основоположников русской микробиологии.

Габричевский-сын совсем не походил на мраморный портрет своего отца. Он был лысоват и рыхловат, несмотря на молодой возраст — было ему в ту пору года 32-33.

С этой парой мы уже встречались у Лямыных.

Жили мы все в общем мирно. Если не было особенно дружеских связей, то не было и взаимного подкусывания. Чета Волошиных держалась с большим тактом: со всеми ровно и дружелюбно.

Как-то Максимилиан Александрович подошел к М. А. и сказал, что с ним хочет познакомиться писатель Александр Грин, живший тогда в Феодосии, и появится он в Коктебеле в такой-то день. И вот пришел бронзово-загорелый, сильный, немолодой уже человек в белом кителе, в белой фуражке, похожий на капитана большого речного парохода, Глаза у него были темные, невеселые, похожие на глаза Маяковского, да и тяжелыми чертами лица напоминал он поэта. С ним пришла очень привлекательная вальяжная русая женщина в светлом кружевном шарфе. Грин представил ее как жену. Разговор, насколько я помню, не очень-то клеился. Я заметила за М. А. ясно проступавшую в те времена черту: он значительно легче и свободней чувствовал себя

в беседе с женщинами. Я с любопытством разглядывала загорелого «капитана» и думала: вот истинно нет пророка в своем отечестве. Передо мной писатель-колдун, творчество которого напоено ароматом далеких фантастических стран. Явление вообще в нашей оседлой литературе заманчивое и редкое, а истинного признания и удачи ему в те годы не было. Мы пошли проводить эту пару. Они уходили рано, так как шли пешком. На прощание Александр Степанович улыбнулся своей хорошей улыбкой и пригласил к себе в гости:

— Мы вас вкусными пирогами угостим!

И вальяжная подтвердила:



*А.С. Грин с женой.
Середина 1920-х годов.*

— Обязательно угостим!

Но так мы и уехали, не повидав вторично Грина (о чем я жалею до сих пор). Если бы писательница Софья Захаровна Федорченко — женщина любопытная — не была больна, она, возможно, проявила бы какой-то интерес к посещению Грина. Но она болела, лежала в своей комнате, капризничала и мучила своего самоотверженного мужа Николая Петровича.

Не выказали особой заинтересованности и другие обитатели дома Волошина.

На нашем коктебельском горизонте еще мелькнула красивая голова Юрия Слезкина. Мелькнула и скрылась...

Яд волошинской любви к Коктебелю постепенно и назаметно начал отравлять меня. Я уже находила прелесть в рыжих холмах и с удовольствием слухала стихи Макса:

...Моей мечтой с тех пор напоены
Предгорий героические сны
И Коктебеля каменная грива;
Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поет в строфах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.
«Коктебель».

Но М. А. оставался непоколебимо стойким в своем нерасположении к Крыму. Передо мной его письмо, написанное спустя пять лет, где он пишет: «Крым, как всегда, противненький...» И все-таки за восемь с лишним лет совместной жизни мы три раза ездили в Крым: в Коктебель, в Мисхор, в Судак, а попутно заглядывали в Алупку, Феодосию, Ялту, Севастополь... Дни летели, и надо было уезжать.

Снова Феодосия.

До отхода парохода мы пошли в музей Айвазовского, и оба очень удивились, обнаружив, что он был таким прекрасным портретистом... М. А. сказал, что надо, во избежание морской болезни, плотно поесть. Мы прошли в столовую парохода. Еще у причала его уже начало покачивать. Вошла молодая женщина с грудным ребенком, села за соседний столик. Потом внезапно побелела, ткнула запеленутого младенца в глубь дивана и, пошатываясь, направилась к двери.

— Начинается, — зловещим голосом сказал М. А. Прозвучал отходной гудок. Мы вышли на палубу. За бортом горбами ходили серые волны. Дождило.

М. А. сказал:

— Если качка носовая, надо смотреть вот в эту точку. А если бортовая — надо смотреть вот туда.

— О, да ты морской волк! С тобой не пропадешь, — сказала я и побежала по пароходу. Много народу уже полегло. Я чувствовала себя прекрасно и поступила в распоряжение помощника капитана, упитанного, розового, с сияющим прыщом на лбу. Он кричал:

— Желтенькая! (я была в желтом платье). Сюда воды! Желтенькая, скорее!

И так далее.



*Обложка книги воспоминаний Л. Белозерской
с ее фотографией вместе с М. Булгаковым.*

Было и смешное. Пожилая женщина лежала на полу на самом ходу. Помощник капитана взял ее под мышки, а я за ноги, чтобы освободить проход. Женщина открыла мутные глаза и сказала с мольбой:

— Не бросайте меня в море...

— Не бросим, мамаша, не бросим! — успокоил ее пом. Я пошла проводить своего «морского волка». Он сидел там, где я его оставила.

— Макочка, — сказала я ласково, опираясь на его плечо. — Смотри, смотри! Мы проезжаем Кара-Даг!

Он повернул ко мне несчастное лицо и произнес каким-то утробным голосом:

— Не облакачивайся, а то меня тошнит!

Эта фраза с некоторым вариантом впоследствии перешла в уста Лариосика в «Днях Турбинных»:

— Не целуйтесь, а то меня тошнит!

Когда мы подошли к Ялте, она была вся в огнях — очень красивая — и, странное дело, сразу же устроились в гостинице, не мыкались, разыскивая пристанище на ночь — два рубля с койки — у тети Даши или тети Паши, как это практикуется сейчас.

А наутро в Севастополь. С билетами тоже не маялись — взял носильщик. Полюбовались видом порта, городом, посмеялись на вокзале, где в буфете рекламировался «ягодичный квас»...

Позже в «Вечерней красной газете» (1925 г.) появилась серия крымских фельетонов М.А.Булгакова.

А еще позже был отголосок крымской жизни, когда у нас на голубятне возникла дама в большой черной шляпе, украшенной кокетельскими камнями. Они своей тяжестью клонили голову дамы то направо, то налево, но она держалась молодцом, выправляя равновесие.

Посетительница передала привет от Максимилиана Александровича и его акварели в подарок. На одной из них бисерным почерком Волошина было написано: «Первому, кто запечатлел душу русской усобицы»...

*Отрывок из книги воспоминаний второй жены
М.А. Булгакова — Людмилы Белозерской, впервые
опубликованной в издательстве «Ардис» (США)
в 1979 году.*

Михаил Булгаков в «Трудах и днях Максимилиана Волошина»

Еще недавно, рассказывая о поездках М.А. Булгакова в Крым [1], его первое посещение датировали 1925 годом, когда Булгаков с женой Л. Белозерской побывал в Коктебеле у М. Волошина. Источниками сведений служили воспоминания Белозерской и др., «Жизнеописание Михаила Булгакова» М. Чудаковой и другие доступные на то время издания и архивные документы. Однако было мало ссылок на работы о Волошине Владимира Петровича Купченко (1938-2004), возможно потому, что его фундаментальная работа «Труды и дни...» [2,3] была издана позднее.

В год выхода первого тома [2] автор данной статьи нашел связь публикаций Булгакова с Евпаторией, и в дальнейшем удалось обнаружить, что свою первую поездку в Крым в годы советской власти писатель совершил в 1923 году [4]. Однако в этой работе не использовались исследования В.П. Купченко о Волошине [3]. Недавнее их изучение позволило автору найти связующее звено между двумя указанными поездками М. Булгакова в Крым, а также расширить круг сведений о событиях и людях, связанных тогда с писателем и поэтом.

Волошин посещал Евпаторию как до революции [2, с.301], так и в годы гражданской войны [3, с.73-74]. Но об этих событиях было известно и раньше. А в контексте заявленной темы важно, что Волошин также посетил Евпаторию и в советское время, на полтора года раньше Булгакова, в 1922 году [3, с.164]. Сведения об этой поездке в других источниках автор не обнаружил, о ней не знают в Евпатории.

Поэт был приглашен сотрудниками Евпаторийской городской библиотеки им. Пушкина, провел в городе неделю, проживая в здании библиотеки. Он выступал с лекциями и чтением своих стихов о России, вызвавших большой интерес жителей города. Это не осталось без внимания местного военного цензора Шницера, который стал угрожать арестом Волошину и организаторам выступлений. На следующий день Волошин вызывался Шницером в местную ЧК для объяснений. Эта история интересна сама по себе и требует дальнейших исследований. Отметим только, что на сторону поэта стал «местный партийный комитет», благодаря чему состоялось 4 лекции поэта. Как писал Волошин, «Евпатория принимала с редким гостеприимством».

Находясь в Евпатории, в период 2-8 сентября 1922 года Волошин знакомится с писательницей С.З. Федорченко (1880—1959) и с её мужем Н.П. Ракицким (1888-1979) [3, с.164]. О том, что

Федорченко и Ракицкий были знакомыми Булгакова, рассказывается в [1, с.44-45], а также в воспоминаниях Белозерской [5, с.122]. Ракицкий познакомился с Булгаковым в 1916 году, когда будущий писатель еще был врачом в Смоленской губернии. В начале 1917 года их дороги разошлись, и вновь они встретились зимой в начале 1923 года уже в Москве [6]. Это было время сотрудничества Булгакова с эмигрантским изданием «Накануне» (Берлин), проводившим сменовеховские идеи сотрудничества с Советской Россией⁴⁸.

Уже в начале 1922 года сменовеховцы стали приезжать в Россию, а потом и возвращаться из эмиграции. Одними из первых были профессор Ключников, Алексей Толстой и Ю.Н. Потехин, поселившийся в Москве с полномочиями по сбору литературного материала для «Накануне»⁴⁹. Первая публикация Булгакова «Москва краснокаменная» в этом берлинском издании появилась 30 июля 1922 года.

Квартира Потехина стала местом встречи писателей, проведения литературных вечеров. В то время Булгаков, по сведениям Ракицкого, был с Потехиным в дружеских отношениях. На одном из таких вечеров зимой 1923 года (судя по всему, уже в конце 1923 года — В.М.) у Потехина, Булгаков был с женой Т. Лаппой, и тогда же познакомился с Л.Е. Белозерской и ее мужем, известным журналистом И.М. Василевским (выступавшим под псевдонимами Не-буква, потом Полтавский).

Эти сведения Ракицкого не согласуются с воспоминаниями Белозерской [5, с.87], что ее встреча с Булгаковым состоялась в начале 1924 года, и не у Потехина. Согласно [7, с.282] это было в начале января 1924 г. на вечере, устроенном редакцией «Накануне» в честь Алексея Толстого в особняке Бюро обслуживания иностранцев в Денежном переулке. Но о том, что Булгаков был знаком с Потехиным, Ключниковым, А. Толстым, свидетельствует и первая жена писателя Татьяна Николаевна [7, с.282].

Для нас важно то, что в период 1922-1923 года Булгаков завел много знакомств в писательской и журналистской среде Москвы, участвовал в литературных вечерах сменовеховцев, кружка

⁴⁸ «Накануне» — центральный печатный орган сменовеховцев. Газета выходила в Берлине с марта 1922 по 15 июня 1924. Газета вела пропаганду идей, высказанных ранее в сборнике «Смена вех» (Прага, 1921) и журнале «Смена вех» (Париж, октябрь 1921 - март 1922).

⁴⁹ С № 114 от 23 августа 1922 главным редактором стал Г.Л. Кирдцов. Прежний редактор Ю.В.Ключников и член редколлегии Ю.Н.Потехин были приглашены в Москву, и под давлением советских представителей и остальных членов редакции были смещены со своих постов в редакции газеты «Накануне».

«Зеленая лампа», «Никитинские субботники» и др. Среди этих людей многие знали Волошина, переписывались с ним, бывали у него в Коктебеле.

После знакомства с Волошиным в Евпатории, с ним вела обширную переписку и дружила Софья Захаровна Федорченко, жена Ракицкого (См. стр. 66). Становится понятно, что Федорченко и Булгаков оказались в Москве в одной среде литераторов и издателей, и со временем у них образовался значительный круг общих знакомых и друзей. Многим из них посвящены строки воспоминаний Белозерской, а например, Вересаеву и Ангарскому, даже страницы. Так что их общение могло быть для Булгакова еще одним источником сведений, пока мало известным, о гражданской войне в Крыму.

О содержании этого общения Белозерская умалчивает, однако несомненно, что они были люди одного круга, разделяли многие взгляды друг друга. Хотя и нет прямых сведений, но становится понятным, что Евпатория, Крым и Волошин в биографии Федорченко имеют непосредственное отношение к последующим поездкам Булгакова именно в Евпаторию, в Крым и к Волошину.

А завязка этих событий относится к 1922 году, и их Волошин отметил (по записи 1931-го года) как значительные: «Отъезд в Саки. Розановы. Федорченко. Евпатория. Севастополь. Ялта. Болезнь и смерть мамы». В конце этого же года Волошин в письме С. Парнок упоминал «о своей дружбе с Федорченко, о чтении лекций и стихов (убедился в их нужности и силе впечатления), о стычке с военным цензором» [3, с. 173-174].

Но в 1922 году материальное положение еще не позволяло Булгакову выезжать в другие города. Положение изменилось в первой половине 1923 года, Булгаков все активнее сотрудничает с газетой «Накануне» и ее «Литературным приложением», а также работает сначала обработчиком писем, а затем штатным фельетонистом газеты «Гудок». В 1923 году начинаются его поездки по стране, командировки как от «Накануне» (например, в Киев, апрель 1923), так и от «Гудка».

Поездка в Евпаторию в декабре 1923 года могла быть командировкой от «Гудка», т.к. результатом явился фельетон «Сильнодействующее средство», имеющий отношение к железнодорожному ведомству. Благодаря [3] можно понять, что какие-то сведения по Евпатории Булгаков к этому времени мог получить от Федорченко и Ракицкого. Из анализа содержания фельетона в [4, с. 15-25] предполагается, что это могла быть и самостоятельная поездка Булгакова в связи с плохим состоянием здоровья и другими причинами.

Если же Булгаков знал от Федорченко историю про евпаторийского военного цензора, то это намного повышает смелость этой его поездки и публикации. Хотя для Волошина «история с цензором» после его отъезда из Евпатории не имела последствий, организаторам его выступлений — сотрудникам библиотеки, пришлось несладко.

Волошин встречался в Симферополе с влиятельными лицами в руководстве Крыма, писал им о гонениях на сотрудников библиотеки, его заверяли, что «газета „Красный Крым“ критиковала Шницера, а Гавен постановил арестовать его» [3, с. 169], но действительность оказалась обратной.

Работникам библиотеки пришлось уволиться (им грозили судом), и даже уехать из Евпатории. Кое-кто уехал в Москву, откуда одна из них Б. Шамаш в феврале 1923 года в письме сообщала Волошину: «...ни службы, ни комнаты пока нет. Встречают Федорченко, Тугенхольда. В Евпатории в библиотеке хозяйничает Шницер (изъял 400 книг)» [3, с. 179]. О дальнейшей судьбе этих евпаторийцев сведения в [3] отсутствуют, и хотя тема эта представляет значительный интерес, но она все же требует отдельного исследования.

Вполне вероятно, что эта история была известна Булгакову от Федорченко или Ракицкого к моменту его поездки в Евпаторию в декабре 1923 года. Сама Федорченко часто переписывалась с Волошиным в 1923 году, посылала ему свою книгу «Народ на войне», вышедшую вторым изданием в конце 1922 года. Но в Крым поехала в сентябре 1923 года не в Евпаторию, и не в Коктебель, а в Ялту. Ракицкий оставался в Москве. Возможно потому, что Волошин еще в начале 1923 года обещал приехать в Москву, где «с марта все его ждали», но он так и не приехал.

Булгаков в 1923 и 1924 годах еще не мог себе позволить продолжительную поездку на отдых. Непросто складывалась личная жизнь — он расходился с первой женой и устраивал жизнь с Белозерской. У него было много журналистской и писательской работы в «Накануне», «Гудке», в журналах и других изданиях. Сотрудничество с «Накануне» закончилось в середине 1924 года публикацией «Москва 1920-х годов». Но еще в октябре 1923 года Булгаков в своем дневнике сделал следующий вывод: «Компания исключительной сволочи группируется вокруг „Накануне“. Могу себя поздравить, что я в их среде. О, мне очень туго придется впоследствии, когда надо будет соскребать накопившуюся грязь со своего имени. <...> Железная необходимость вынудила меня печататься в нем» [9, с.113].



Алексей Толстой, редактор литературного приложения к «Накануне».

Булгаков терпеть не мог необязательных и лживых людей, и по поводу А. Толстого делает вывод в декабре 1924 года: «Грязный, бесчестный шут» [9, с.128]. В самом начале 1925 года записывает по поводу другого сменовеховского друга: «Один вид Ю. Потехина, приехавшего по способу чеховской записной книжки и нагло уверяющего, что...

— Мы все люди без идеологии, — действует на меня, как звук кавалерийской трубы.

— Не бреши!

Литература, на худой конец, может быть даже коммунистической, но она не будет садькерско-сменовеховской⁵⁰ (т.е. продажной, — имеется в виду настоящая литература — В.М.)» [9, с.133]. Не мог Булгаков простить им обещаний — опубликовать

⁵⁰ Человек с желтым портфелем — это Павел Абрамович Садькер, сотрудник редакции «Накануне», приезжавший в Москву «на разведку», как пишет в своих воспоминаниях об этой газете Э. Миндлин (и прибавляет — «больше мы его никогда не видели»: в отличие от других «накануньевцев», он не решился вернуться в Россию). 21 февраля 1923 года он пишет Булгакову из Берлина на бланке издательства «Накануне»: «В настоящее время после выхода первых наших книг выяснилась возможность скорого издания новых книг. В бытность мою в Москве Вы предлагали мне издать Ваши „Записки на манжетах“, но я не мог тогда ничего решить, так как не знал положения дел нашего издательства. Прошу Вас предоставить нам право издания. К сожалению, гонорар мы не можем предложить московский. Максимум, что мы можем платить, — это 7-8 долларов за печатный лист. Уплата денег при сдаче рукописи. Деньги Вам будут выплачены московской конторой. Если Ваше желание издать „Записки на манжетах“ у нас еще не пропало, то не откажите срочно выслать нам рукопись через Семена Николаевича Калменса. Книжку мы издадим быстро и красиво» [7, с. 254].

в Берлине отдельными изданиями «Записки на манжетах» и «Белую гвардию», — которые остались пустыми разговорами.

Не лучше он оценивал и публику, собравшуюся на чтение его повести «Роковые яйца» в конце декабря 1924 года: «**Никитинские субботники**» — **затхлая, советская, рабская рвань, с густой примесью евреев**» (выделено М.Б.) [9, с.131]. Уже тогда Булгаков задается вопросом, «как бы не саданули меня за все эти подвиги «в места не столь отдаленные»? Ведь «там сидело человек 30, и ни один из них не только не писатель, но и вообще не понимает, что такое русская литература». Здесь явно просматривается намек на возможное присутствие доносчиков и сексотов. Теперь известно, что так оно и было.

Тем не менее, 7 и 21 марта 1925 года на этих же «субботниках» Булгаков читает свою новую повесть «Собачье сердце». Эти даты известны и потому, что в архивах Лубянки сохранился подробный отчет об этом событии одного из внимательных «писателей». Исходя из содержания повести, доносчик приводит свои выводы, не брезгуя явной ложью: «... Булгаков определенно ненавидит и презирает весь совстрой, отрицает все его достижения. Кроме того, книга пестрит порнографией, облеченной в деловой, якобы научный вид» [9, с.173].

Можно понять, почему Булгаков все же участвовал в «Никитинских субботниках». Их «хозяйка» Евдоксия Федоровна Никитина (1893-1973) занималась историей литературы, выпускала альманахи и организовала издательство, привлекала к участию в «субботниках» многих известных литераторов. Забегая вперед, упомянем, что в 1924 году, в свой приезд в Москву, у нее выступал и Волошин. Приведенная выше характеристика Булгакова вызвана тем, что его произведения (как и Волошина) в издательстве «Никитинских субботников» не были приняты, хотя вызвали большой интерес слушателей.

Булгаков не был постоянным членом этих литературных собраний, во всяком случае, он отсутствует на известной картине «Заседание объединения „Никитинские субботники“» (художник К.Ф. Юон, 1930), посвященной юбилейному 500-му заседанию [10]. Но число членов объединения в то время достигало двухсот человек, а на картине поместилось всего 46 персонажей. Среди них есть С.З. Федорченко, сидящая рядом с революционеркой В.Н. Фигнер, напротив через стол сидел тогда уже опальный А.В. Луначарский. Присутствуют известные писатели и поэты — В.В. Вересаев, Л.М. Леонов, Вс. В. Иванов, А. Белый, Р. Ивнев, С.М. Городецкий, П. Романов, Л.Н. Сейфуллина, А.С. Новиков-Прибой и др. Все это были люди, представлявшие, как сказал

Пастернак по поводу Вересаева, «законное явление», а Булгаков был явлением «незаконным».

Несмотря на то, что Булгаков читал на этих вечерах все свои основные произведения 1920-х годов, начиная с «Записок на манжетах», ни одно из них в альманахе или издательстве «Никитинских субботников» не увидело свет. Все они с трудом проходили цензуру, а «Собачье сердце» после многих цензурных мытарств вообще оказалось изъято сотрудниками ГПУ при обыске.

Поэтому тех, кто оказывал доброжелательную и искреннюю поддержку Булгакову-писателю, помогал опубликоваться в журналах или альманахах, издать книгу, было не так много. Таких людей можно отличить по отношению к ним, выразившимся в дневнике Булгакова [9, с.102-176], в воспоминаниях Белозерской [5]. Кроме уже упомянутых издателя Ангарского и писателя Вересаева, это поэт П.Н. Зайцев, все они редактировали альманах «Недра», где вышли повести «Дьяволиада» и «Роковые яйца». Издательство «Недра» напечатало сборник Булгакова «Дьяволиада» (1926), куда вошли обе эти повести. Затем было потрачено много усилий к изданию «Собачьего сердца», которое нравилось Ангарскому и Вересаеву. Но, увы..., фактически из-за этой повести завершилась карьера Булгакова, как официально разрешенного советского писателя-беллетриста.

Как отмечала М. Чудакова: «...по воспоминаниям близких, Булгаков навсегда сохранил уважение и признательность к Ангарскому как к человеку, искренне преданному литературе и умевшему с редким упорством и твердостью отстаивать интересы того автора, в талант которого он поверил однажды, и своего взгляда на него уже не переменил» [7, с.333].

Но именно с Ангарским, Вересаевым, Федорченко в эти годы активно общался, в основном перепиской, Волошин. «Недра» также печатали его стихи в своих альманахах, но книги стихов так и не смогли издать. В изданиях «Недра» с 1924 года Волошин мог знакомиться с творчеством Булгакова.

Не случайно первое упоминание о Булгакове в [3, с.246] датируется концом 1924 года, когда П. Зайцев писал Волошину из Москвы о своих литературных собраниях, где «читали М. Булгаков, А. Белый, был вечер поэтов». В самом конце 1924 года, 27 декабря, в Москве выходит журнал «Россия» № 4(13) с упоминанием М. Волошина в очерке А. Белого «Валерий Брюсов» и первой частью романа М. Булгакова «Белая гвардия» [3, с.246]. Судя по всему, в этот период Волошин обратил особое внимание на Булгакова.

Этого еще не произошло весной 1924 года, когда Волошин из Коктебеля выезжал в Харьков, Москву и Ленинград. В Москве

он встречался с Федорченко, бывал у нее в гостях (Малая Пречистенка, 10), и дарил ей свои акварели. Одну из них он подписал «Пусть эта акварель приведет Вас в Коктебель», потому что Федорченко еще туда не приезжала. Не удалось ей это и в 1924 году. Но с Булгаковым Волошин, судя по всему, не пересекался и не знакомился. В свою очередь у Булгакова не вызвало интереса выступление Волошина на «субботнике» у Е.Ф. Никитиной (Газетный переулок, 3, кв. 7) 22 марта [3, с.246], он принципиально не интересовался современной поэзией [5, с.113].

Наверное, зря, как нам теперь может показаться, но надо еще учесть, что у Булгакова было много своей журналистской и писательской работы, и он не мог «объять необъятное». Выступление Волошина у Е.Ф. Никитиной вызвало большой интерес и стало памятным литературным событием. Находясь под впечатлением, один из слушателей, поэт и переводчик В. Федоров заявил, что весь марксизм «укладывается в бездны волошинской космогонии». На защиту «великого учителя» встали присутствовавшие коммунисты, которые затем покинули собрание [3, с.214-215]. Этот инцидент не помешал Волошину вскоре после этого выступить с чтением своих стихов в Кремле⁵¹.

Поездка Волошина длилась с 22 февраля по 22 мая 1924 года, когда он вернулся в Коктебель. Большую часть этого времени он находился в Москве, встречался с множеством людей, много выступал. Поэтому встреча Волошина с Булгаковым, при желании кого-то из них, вполне могла состояться, например у Федорченко. Даже в день отъезда из Москвы Волошин с ней встречался [3, с.224].

Но впервые Булгаков упоминается в переписке Волошина только год спустя, 25 марта 1925 года, в письме к Ангарскому в Москву. Он «благодарит за присылку «Недр» с повестью «Роковые яйца» Булгакова, просит передать ему приглашение в Коктебель. Высоко оценивает его роман «Белая гвардия» во втором чтении» [3, с.258].

О приглашении и поездке Булгаковых в Коктебель подробно рассказано в [1; 4; 7]. Поэтому отметим только некоторые собы-

⁵¹ 2 апреля 1924 года Волошин отправляется в Кремль по приглашению О.Д. Каменевой. На их квартире — в присутствии Л.Б. Каменева и Ф. Раскольникова (по воспоминаниям М. Авиновой, на вечере также были Н. Бухарин, Ф. Дзержинский, Г. Зиновьев, А. Луначарский) читает свои стихи о революции, в надежде издать их «на правах рукописи» (Новое русское слово, 8 марта 1964). После чтения Каменев хвалит «разные детали стиха и выражений», затем пишет записку в Госиздат, всецело поддерживая издание. Волошин «счастлив, и, распрощавшись, уходит». Тут же Каменев звонит в Госиздат, просит не придавать его записке «никакого значения» [3, с.217].

тия. По сведениям [3] Михаил Афанасьевич с женой находились там с 13 июня по 7 июля. Они привезли Волошину открытку от Федорченко, «извещающей о своем приезде с мужем, Н. Ракицким, «на месяц». Их приезд отмечен в Д<омовой> К<ниге> 21 июня [3, с.268-269]. В этот период в Коктебеле находится писатель Ю. Слезкин, еще недавно друживший с Булгаковым, но к Волошину он не заходит. Существует фотография, сделанная неизвестным, на которой запечатлены Волошин, Булгаков, Л. Леонов, Федорченко в саду [3, с.270-271].



*М. Булгаков, М. Волошин, Л. Леонов и С. Федорченко.
Коктебель. 1925 год. (Предоставлено И.Я. Горпенко-Мягковой).*

С дороги в Москву Булгаков пишет письмо Волошину и его жене Марии Степановне, где есть строки: «Мне очень не хочется принимать городской вид. С большим теплом вспоминаю Коктебель» [9, с.95]. Федорченко оставалась в Коктебеле еще долго, в середине июля она пишет о пребывании в Коктебеле стихи «Спою я вам куплеты...» с шуточными характеристиками детей отдыхающих, «кухни», «дворового туалета», Ангарского, Волошина⁵².

⁵² А вот вам и Волошин
Амфитрион поэт,
Всю Русь переполошил
И даже целый свет и т.д.

Благодаря [2, с.379, 385, 399] можем узнать, что с Н.Ангарским Волошин был знаком с 1915 года, если не раньше. В 1916 году Ангарский также уже имел дачу в Коктебеле, т.к. происходил из семьи богатого купца. Эту дачу он сохранял и при советской власти. Дачу в Коктебеле с 1915-16 гг. имел также и Вересаев, где и провел, как и Волошин, годы гражданской войны.



*Одна из акварелей М. Волошина, подаренная им Булгакову.
(Предоставлено И.Я. Горпенко-Мягковой).*

Дату ее отъезда определить трудно, 14 августа датирована акварель, подаренная ей Волошиным «...в час горестного отъезда — знак неизменной дружбы». Но 17 августа в день именин Волошина празднуется и 30-летие его литературной деятельности, и Федорченко дарит ему свои две детские книжки. В Д<омовой> К<ниге> ее отъезд в Ялту отмечен 27 августа [3, с.274—275]. Возможно, из-за празднования Федорченко изменила решение, и уехала позже, чем собиралась.

В конце осени Волошин пишет большое письмо Федорченко, где в конце есть строки: «Леоновы и Булгаковы как в воду канули» [3, с.284]. Очевидно, что он ожидал с ними такой же активной переписки, как с Федорченко.

Но московская жизнь вносила, судя по дальнейшим событиям, свои коррективы. Леонов прислал письмо Волошину только 18 декабря 1925 года: «Федорченко написала книгу „Народ в гражданскую войну“, вчера читала ее у П. Зайцева. Булгакова и Габричевских не видит⁵³. <...> Саркизов-Серазини⁵⁴ написал пьесу» [3, с.286].

⁵³ С Габричевскими, после Коктебеля ставшими хорошими знакомыми Булгакова, Волошин познакомился раньше, во время приезда в Москву 25 марта 1924 года. Это произошло при посредстве зоолога М.П. Розанова (племянника С.Л. Елпатьевского, коктебельского «старожила»), знакомство с которым в Евпатории упомянуто выше. Александр и Наталья Габричевские едут в Коктебель и гостят у Волошина не только в 1925 году вместе с Булгаковыми и Федорченко, но и последующие годы жизни поэта.

⁵⁴ Саркизов-Серазини Иван Михайлович (1887-1864) — врач-климатолог, писатель. Приезжал в Коктебель, дружил и переписывался с Волошиным (54 письма к поэту). Упомянут Булгаковым как автор путеводителя по Крыму в очерке «Путешествие по Крыму», опубликованном после поездки в Коктебель (Красная газета, Ленинград, 1925).

Всё же в 1920-е годы московские друзья еще не забывали Волошина. 1 марта 1926 года в Москве в здании Государственной академии художественных наук (ГАХН) при деятельном участии Федорченко, пригласившей Вересаева, Пастернака, Антокольского и др., состоялся литературно-музыкальный вечер в двух отделениях в пользу М. Волошина. «Билеты брались нарасхват». Михаил Булгаков читал большой рассказ «Похождения Чичикова» (1922), свою остроумную сатиру о том, как герои Гоголя легко нашли место в советской действительности.

В благодарность Волошин во второй половине марта посылает акварели участникам вечера, в том числе Федорченко, Пастернаку, Булгакову и др. На акварели, подаренной Булгакову надпись: «Спасибо за то, что не забываете Коктебель. Ждем Вас с Любовью Евгеньевной летом» [3, с.292-296].

В начале апреля Волошин посылает Булгаковым открытку, зовет их в Коктебель и просит привезти «конец «Белой гвардии» и продолжение «Роковых яиц». Видимо, в свой приезд Булгаков сообщал Волошину о таких планах [1, с. 48]. Ответ на приглашение был послан 3 мая, Булгаков благодарил за открытку и акварель: «Спасибо за то, что не забыли нас. Мечтаем о юге, но удастся ли побывать — не знаю».

Но на самом деле Булгаков не хотел сразу огорчать Волошина, он не сообщает, что они с женой недавно вернулись из Крыма, где целый месяц отдыхали в Мисхоре [1, с.82-85; 5, с.123-124; 9, с.186], но в Коктебель не заехали. Этот момент в «Трудах» [3] отражения не получил. А 7 мая случилось событие, во многом повлиявшее на дальнейшую жизнь Булгакова — сотрудники ГПУ произвели обыск квартиры и изъяли машинопись «Собачьего сердца» (2 экз.) и дневник. Булгакова при этом не арестовали, и он уже 18 мая подал заявление об их возвращении, но ответа не получил. Очевидно, что такие события могли быть предвестием ареста и репрессий, но у Булгакова было много работы, и он не опустил руки: «В мае всякие сюрпризы, не связанные с театром, в мае же гонка „<Белой> Гвардии“ в МХАТе 1-м (просмотр властями). В июне мелкая непрерывная работишка, потому что ни одна из пьес еще дохода не дает, в июле правка „Зойкиной <квартиры>“. В августе же все сразу» [9, с.187]. К тому же в это время МХАТ собирался ставить на своей сцене и «Собачье сердце».

22 сентября, накануне генеральной репетиции «Дней Турбинных» в МХАТе, Булгаков был подвергнут допросу в ОГПУ, протокол которого сохранился. Все предыдущее время за Булгаковым велась слежка, писались доносы, в том числе и по поводу пьесы: «Литераторы, стоящие на советской платформе, выска-

зываются о пьесе с возмущением, особенно возмущаясь тем обстоятельством, что пьеса будет вызывать известное сочувствие к белым» [9, с.191-195].

27 сентября Волошину пишут из Москвы: «Страшный шум вокруг пьесы Булгакова „Белая гвардия“...». Синхронно с этими событиями в сентябре сексотом ГПУ составлена справка «М. Волошин и его дача». Особой крамолы при этом не усматривалось, отмечалось, что поэт «имел связи в эсэровских кругах», любит рассказывать, что «смертный приговор Плеве был написан у него в квартире». Индустриальную культуру Волошин «считает порождением дьявола, наделяющего мертвую материю иллюзией жизни». Революцию он считает «очищением». При белых Волошин добился помилования красного генерала Н. Маркса (приговоренного к расстрелу), содействовал освобождению О. Мандельштама. Опровергая слухи об оргиях на даче, автор доноса сообщал: «На его даче только дурачатся умные люди». Вывод был успокоительный для властей: «...гнездом антисоветских элементов его дача не является, слишком текуч состав гостей» [3, с.319]. Понятно, что сведения давал кто-то из приезжавших к Волошину отдыхать или кто-то из его коктебельских знакомых.

Такое внимание со стороны «органов» не могло не отражаться на поведении людей, и конечно это помешало дальнейшему общению Булгакова с Володиным в Коктебеле. Хотя можно найти и другие причины — Булгаков все глубже погружался в театральный мир, в суету и заботы московской жизни, менялись и его литературные интересы, и житейское окружение.

В следующем 1927 году, впервые после 1924 года Волошин совершает поездку в Харьков, в Москву и Ленинград. Выехал он 17 января, а в Коктебель вернулся только в самом конце апреля. В Москве 28 февраля в ГАХН открылась выставка Волошина. Поскольку как поэту и писателю ему перекрыли все возможности печататься, у него оставалась стезя художника, а продажа акварелей становилась едва не единственным средством заработка. Правда, изредка еще удавалось выступать с чтением стихов, лекций о Киммерии. Творческий вечер Волошина 13 марта прошел в ГАХН. В отличие от прошлого приезда, следует отметить посещение Володиным московских театров, что можно объяснить успехом булгаковских пьес и интересом к ним публики.

По приглашению Булгакова 16 февраля Волошин побывал на спектакле «Зойкина квартира» в Вахтанговском театре, а 25 февраля — на спектакле «Дни Турбиных» во МХАТе. Дважды Волошин с женой посетили Булгаковых, 1 марта были приглашены на обед, а 12 марта — на ужин [3, с.335-336]. Так что Михаил

Афанасьевич дружеские отношения с Максимилианом Александровичем сохранил, хотя встречаться им в дальнейшем уже не пришлось.

Театральная жизнь полностью поглощала силы и время Булгакова, в 1928 году готовились к постановке пьесы «Бег» и «Багровый остров». Премьера второй состоялась 11 декабря 1928 года в московском Камерном театре, а вот «Бег» в последний момент фактически был негласно запрещен Сталиным [7, с.403-404].

Хронология рассмотренных выше событий убедительно свидетельствует, что эта «крымская пьеса» Булгакова возникла после его поездок в Крым — Евпаторию и Коктебель, после встреч и бесед с Федорченко, Волошиным, Вересаевым и другими «крымчанами».

Был ли знаком Волошин с пьесой, какого он был мнения о драматургии Булгакова — тема, судя по всему, неисследованная. Известно, что попытки переписки с Булгаковым у Волошина еще были в 1928 году, 15 мая через нового московского знакомого композитора Ю. Тюлина он отправил ему и С. Федорченко письма [3, с.385]. Судя по предыдущей переписке, скорее всего это было очередное приглашение в Коктебель. Но отдохнуть в этот год Булгаковы поехали на Кавказ. Были еще поездки в течение года в Ленинград, Одессу, Киев по поводу постановки «Бега».

Волошин в январе 1928 года побывал в Харькове, откуда выехал на лечение в санаторий в Кисловодск. После этого отбыл в Новороссийск, и 23 марта возвратился в Коктебель. Летом на даче побывало много гостей, их общее число составило 625 человек. Возможно, это было одной из причин, почему Булгаковы не приезжали — духовное состояние после Москвы требовало более спокойного и уединенного отдыха.

Общим для поэта Волошина и писателя Булгакова оказалось то, что свои литературные таланты приспособить к условиям советской власти они не сумели. Их мужество состояло в том, что литературная работа, пусть в «стол», продолжалась, она стала работой для будущего, и она не пропала даром, дошла до нас. В настоящее время Булгаков кажется более изученным, более изданным. Освоение и издание всего наследства Волошина еще остается в числе насущных задач современного литературоведения. Во многом наши знания о Волошине и Булгакове еще ограничиваются тем, что лежало на поверхности, и наступает время, когда уже надо «рыть глубже», чтобы узнать и понять что-то новое.

В качестве таких примеров, вызванных работой над темой данной статьи, приведем два. Первый касается вопроса, почему для последней попытки «протолкнуть» повесть «Собачье сердце»

Н.С. Ангарский и другие сотрудники «Недр» избрали Л.Б. Каменева? Выше мы видели, что на квартире у Каменева в Кремле выступал Волошин. Но в январе 1923 года в этой же квартире для Каменева, Дзержинского и др. читал свой роман «В тупике» Вересаев, и получил поддержку этих лиц. Вот и полагали, что один из «вождей» помог Вересаеву, сочувственно отнесся к трудностям издания стихов Волошина и обещал помочь, значит, поможет и Булгакову. «Обратной стороны медали», т.е. двуличия Каменева и ему подобных политических деятелей, Волошин с Ангарским и его сотрудниками, конечно, тогда понять не могли.

В результате 11 сентября 1925 года сотрудник «Недр» Леонтьев сообщает Булгакову: «Повесть Ваша „Собачье сердце“ возвращена нам Л. Б. Каменевым. По просьбе Николая Семеновича он ее прочел и высказал свое мнение: „это острый памфлет на современность, печатать ни в коем случае нельзя“» [7, с.326]. Этот ответ Каменева вполне в духе его истинного отношения и к поэзии Волошина. Такое двуличие присуще и многим современным политикам разного калибра, когда обещают одно, а за спиной тут же отказываются от обещания.

Второй пример касается пьесы «Бег» и вопроса о прототипах персонажей. В частности в [11, с. 65-68] на роль прототипа генерала Чарноты выдвигается... «потомок запорожцев» Пилсудский. Доказательства весьма шаткие, все же Чарнота — истинно русский характер, и, наверное, следует поискать прототип где-то ближе, в реальных лицах того исторического периода Крыма. Тогда и возникла парадоксальная мысль, что прототипом Чарноты мог быть... Волошин!

Из автобиографии поэта известно, что «Кириенко-Волошины — казаки из Запорожья».

О склонности Волошина к парадоксам вспоминал Вересаев: «Волошин был умен, образован. Но крайне неприятное впечатление производило его непреодолимое влечение к парадоксам. <...> Все время усиленно шеголяет знаниями. <...>

— А что такое парадокс? Это — истина, показанная с неожиданной стороны».

Вот Булгаков и показал человека с чертами характера Волошина, воплотившимися в образ боевого генерала белой армии. В результате получился один из самых по-человечески симпатичных персонажей пьесы «Бег». Характерная черта Волошина и Чарноты — их человечность, стремление помочь ближнему, попавшему в беду.

Даже знаменитое шествие Чарноты по Парижу в подштаниках — это пародия на повседневное одевание Волошина в Кокте-

беле: «Он ходил в длинной рубахе, похожей на древнегреческий хитон, с голыми икрами и сандалиями на ногах. Рассказывали, что вначале этим и ограничивался весь его костюм, но что вскоре к нему из деревни Коктебель [пришли] населявшие ее крестьяне-болгары и попросили его надевать под хитон штаны. Они не могут, чтобы люди в подобных костюмах ходили на глазах у их жен и дочерей» [12]⁵⁵.

Так Булгаков «отомстил» Волошину за его пристрастие к парадоксам. Чарнота выглядит полным антиподом Волошину, но парадоксальным образом отражает многие черты его характера, поступки и суждения. Как и Волошин, Булгаков был не чужд веселым розыгрышам, мистификациям, театральности не только на сцене, но и в жизни.

Все это присутствовало в коктебельской жизни 1925 года, когда там был Булгаков с женой. Но для такого отдыха нужно и соответствующее настроение, и самочувствие, и здоровье. Очевидно, этого не находил в себе Булгаков, хотя поездки в Крым при жизни Волошина у него были, и они не отражены в [3]. В 1927 году в мае-июле Булгаков с женой отдыхал в Судак в Крыму на даче композитора А. А. Спендиарова, побывал в Ялте, возвращался в Москву и снова приезжал, но для посещения Волошина времени и желания не нашлось. В 1930 году с Театром рабочей молодежи (ТРАМ) с 14 июля по 3 августа происходит поездка Булгакова в Крым, в Мисхор. В письме к Станиславскому «возвратившись из Крыма», он сообщает: «...я лечил мои больные нервы после очень трудных для меня последних двух лет...» [9, с. 270]. Повидимому, это была последняя поездка Булгакова в Крым. В на-

⁵⁵ По этому поводу Волошин отвечал в 1913 году в интервью «Московской газете»: «Так как я люблю ходить босиком и из-под рубашки видны только голые ноги, то приезжих весьма интересует вопрос: есть ли под рубашкой штаны? Если это может успокоить встревоженное общественное мнение литературной России, я могу Вам ответить: да, я ношу под рубашкой штаны. Поражаться нужно, как, зачем и почему это может интересовать кого-нибудь?..».

Вот как это преобразовалось в эпизоде у Корзухина в Париже в пьесе «Бег»:

«Входит Чарнота. Он в черкеске, но без серебряного пояса и без кинжала и в кальсонах лимонного цвета. Выражение лица показывает, что Чарноте терять нечего. Развязен. <...>

Корзухин. Прости, пожалуйста... Вы, кажется в кальсонах?

Чарнота. А почему это тебя удивляет? Я ведь не женщина, коей этот вид одежды не присвоен.

Корзухин. Вы... Ты, генерал, так и по Парижу шел, по улицам?

Чарнота. Нет, по улицам я шел в штанах, а в передней у тебя снял. Что за дурацкий вопрос?

Корзухин. Пardon! Пardon!»

чале октября 1932 года в его жизни происходят изменения — он расходится с Белозерской и женится на Елене Сергеевне Шиловской (Нюрнберг). К этому времени Волошина уже нет в живых — он умер 11 августа. Одна из последних записей в его дневнике: «Хочется событий, приезда друзей, перемены жизни»...

Можно заключить, что Булгаков и Волошин, как две большие планеты российского литературного космоса, двигались по своим жизненным траекториям, и сблизившись ненадолго, расходились все дальше и дальше. Волошин сорок лет был самостоятельной литературной величиной, центром своеобразного литературно-художественного неформального объединения в Крыму. К этому объединению, хотя и недолго, принадлежал и Булгаков. Общение с Волошиным не могло пройти бесследно для его творчества, и настоящая работа является попыткой заложить фундамент для дальнейших исследований этой темы.

Литература

1. Виленский Ю.Г., Навроцкий В.В., Шалюгин Г.А. Михаил Булгаков и Крым. Симферополь: Таврия, 1995.
2. Купченко В.П. Труды дни Максимилиана Волошина, 1877 — 1916. [РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом)]. Санкт-Петербург: Алетейя, 2002.
3. Купченко В.П. Труды дни Максимилиана Волошина, 1917 — 1932. [РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом)]. Санкт-Петербург: Алетейя; Симферополь: Сонат, 2007.
4. Мешков В.А. Михаил Булгаков и Крым: новые страницы. Симферополь: БизнесИнформ, 2011.
5. Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1990.
6. Ракицкий Н.П. Встречи с М.А. Булгаковым. *www.russianboston.com*
7. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. Москва: Книга, 1988.
8. Трифонов Н.А. Несправедливо забытая книга // Федорченко С.З. Народ на войне. / Подготовка текста и вступительная статья Н.А. Трифопова. Москва: Советский писатель, 1990.
9. Булгаков М.А. Собрание сочинений в десяти томах. Т.10. Москва: Голос, 2000.
10. Алексеева Л. Дама на портрете. *Toronto Slavic Quarterly*, №36.
11. Соколов Б.В. Булгаковская энциклопедия. Москва: ЭКСМО, 2007.
12. Вересаев В.В. Коктебель.//Воспоминания о Максимилиане Волошине.
13. Михаил Булгаков. Жизнь и творчество. Фотоальбом. Москва: Эллис Лак, 2006.

2011

Михаил Булгаков: Крымские поиски и находки

120-летие Михаила Афанасьевича Булгакова подвело некоторый итог скромным достижениям крымских исследователей жизни и творчества писателя. Первое издание этого направления, вскоре после распада советской страны, в основном использовало сведения, лежавшие на «поверхности» [1]. Попытка в 2002 году «копнуть глубже» [2, с.10-14] привела к сведениям о евпаторийских и крымских родственниках семьи Булгаковых, дала толчок к литературно-краеведческим исследованиям темы «Булгаков и Евпатория». В дальнейшем это послужило не только новому пониманию того, что связывало Булгакова с Крымом, но и популяризации Булгакова, как в общественном смысле, так и в научно-исследовательском.

В Евпатории была установлена памятная доска в честь посещения Булгаковым города в 1923 году. В 2009 году в Евпатории были проведены Первые Крымские Булгаковские научные чтения, позже издан посвященный им сборник [3]. В дальнейшем вторые и третьи чтения проводились в рамках мероприятий Крымского Центра Гуманитарных исследований — Международных симпозиумов «В поисках утраченного единства» (посвященного 90-летию окончания Гражданской войны в России 1917-1920 гг.) и «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст» (2011).

Публикации и выступления автора за период 2002—2011 год составили издание [2], которое удалось, как и евпаторийский сборник выпустить в год 120-летия М.А. Булгакова. Однако после этого появились новые сведения и ранее неизвестные факты, во многом уточняющие и расширяющие понимание крымской темы в историографии писателя.

Оказалось, что в круг рассмотренного в [1,2] по разным причинам не вошли некоторые сведения, касающиеся периода гражданской войны и отношений Булгакова и Волошина [4]. Изучение фундаментального издания «Трудов и дней Максимилиана Волошина» позволило установить, что посещению Булгаковым Евпатории в 1923 году предшествовал приезд в нее Волошина в начале сентября 1922 года. Он провел четыре лекции с чтением стихов цикла «Россия распятая» и имел конфликт с местным военным цензором. В Евпатории Волошин знакомится с супругами Н. Ракицким и С. Федорченко.

Ракицкий был знаком с врачом М. Булгаковым с 1916 года по совместному пребыванию в Смоленской губернии [5]. Софья За-

харовна Федорченко в годы Первой мировой войны была сестрой милосердия, и эти впечатления послужили источником ее известных в то время книг «Народ на войне». В гражданскую войну, судя по всему, супруги оказались в Крыму, и в Евпатории. После поражения Врангеля, спустя какое-то время, их семья возвратилась в Москву (вероятно, после встречи с Волошиным в 1922 г.).

С этого времени Федорченко и Волошин активно переписывались, она дарила ему свои книги, а он — акварели. В Москве супруги вскоре стали общаться с М. Булгаковым, и видимо, помогли установлению отношений между Булгаковым и Володиным.

О дружбе с Федорченко и Ракицким рассказывается в воспоминаниях Белозерской [6], но никаких дат не приводится. Кроме того, Белозерская не упоминает о том, что в 1925 году, когда они с М. Булгаковым поехали к Волошину, они везли и письмо от Ракицкого и Федорченко, приехавших через неделю. Не рассказано, что в гражданскую войну супруги находились в «белом Крыму», и этот период их биографии до сих пор не отражен, например, в официальных биографиях писательницы.

В связи с этим уместно вспомнить, что и Булгакову приходилось в советское время скрывать многие обстоятельства своей жизни в гражданскую войну, и в частности, пребывания в Белой армии. Отметим, что ряд событий происходил в жизни писателей Булгакова и Федорченко почти синхронно. В феврале 1927 году они встречались с Володиным в его приезд в Москву, и Волошин был на спектаклях «Зойкина квартира» и «Дни Турбинных». 17 мая 1928 года Волошин отправляет ряд писем, в том числе Булгакову и Федорченко, видимо, с приглашениями приехать на отдых в Коктебель.

Но после 1925 года Булгаков и Федорченко больше Волошина не посещали, и сведения об их дальнейшем общении, хотя бы через письма, после 1928 года отсутствуют. Вскоре усиливаются нападки в печати на Булгакова и Федорченко, что в 1929-1930 годах приводит к «закрытию» Булгакова как успешного драматурга, а Федорченко как писательницы. Обоих это приводит к нервным, а возможно и не только, болезням, депрессии и т.п. Как отмечается в биографии Федорченко: «С 1931 Ф. почти совсем прекратила свою писательскую деятельность» [7]. В связи с этим интересно, как отражены события этого периода в архивах Федорченко и Ракицкого, если они сохранились.

Что касается поездки М. Булгакова в Евпаторию и последующей публикации в «Гудке» (1924, 3 января) фельетона-пьесы «Сильнодействующее средство», то стали известны новые сведе-

ния об его главной героине. Из содержания было ясно, что это реальное лицо, но поиски в архивах, относящихся к Евпатории, не давали результата. Следы «учительницы ликбеза Клавдии Войтенко» отыскились в дореволюционном Симферополе. Можно предположить, что Булгаков был знаком с ней еще в то время, потому что в публикации он указал и ее девичью фамилию.

Благодаря этому удалось установить, что до революции Клавдия Петровна Манько работала учительницей в Симферополе в частной профессиональной школе Анны Аркадьевны Машковцевой [8, 9]. Из опубликованных в то время сведений можно узнать, что в школу «принимались бесплатно девочки 13-14 лет, окончившие курс начальной школы» и обучение в школе длилось 4 года [8]. Далее узнаем, что К.П. Манько «окончила курс» в этой школе, и с 1902 года была «помощницей руководительницы мастерской белья» [9, с.2]. Это еще не была учительская должность, видимо Клавдию оставили работать в школе сразу после ее окончания. Тогда ей в 1902 году было 17-18 лет, и следовательно, в 1923 году, при встрече с 32-летним Михаилом, ей было 38-39 лет.

В 1913 году в той же школе она уже числится «преподавателем спецпредмета» и осуществляет «методическое руководство». Судя по аналогичным справочникам, она работала в школе до конца ее существования в 1917 году. Но дальнейшие сведения еще надо искать.

В Симферополе также нашелся родственник живущей в Евпатории 92-летней Л.А. Минаковой по линии воронежских Ткаченко. Это ее дед Ткаченко Василий Алексеевич, который служил в Санкт-Петербурге, занимался конструированием паровых корабельных двигателей, Но потом он заболел, имел большой избыточный вес и уехал в Крым. В Симферополе он работал с 1905 года бухгалтером в Казенной палате и Симферопольском губернском казначействе [10, с.18]. Но после 1915 года его следы в справочных и адресных книгах Таврической губернии и Симферополя исчезают, что соответствует дате его смерти, до этого сообщенной автору Л.А. Минаковой. Ее бабушка Мария, по линии Булгаковых, жена В.А. Ткаченко, насколько она помнит, умерла еще в 1890 году, когда отцу Минаковой — Александру Васильевичу Ткаченко, было всего два года.

По сведениям Минаковой, Михаил Булгаков и ее отец могли познакомиться в мае 1911 году, когда оба приезжали на свадьбу богатых евпаторийских родственников. Тогда же они могли общаться с В.А. Ткаченко в Симферополе, а также и с К.П. Манько.

Последнее предположение подкрепляется содержанием фельетона «Сильнодействующее средство». Он написан в духе до-

машних спектаклей в киевский период жизни Михаила. По воспоминаниям его сестры Надежды, в них в качестве персонажей в различных смешных ситуациях фигурировали родственники и друзья будущего писателя и драматурга [11, с.64]. В указанном фельетоне в качестве такого персонажа фигурирует К.П. Войтенко (урожденная Манько), поэтому можно думать, что и с ней Михаила связывали, по меньшей мере, дружеские отношения как человека, который сможет оценить его юмор и не обидится. Но хотя во избежание ненужных домыслов, Булгаков охарактеризовал Клавдию Петровну как «женщину неопределенного возраста», она была еще сравнительно молодой женщиной, и эта публикация вряд ли понравилась его жене. Их отношения все ухудшались, и вскоре закончились разводом. Возможно, евпаторийские поездка и это «приключение» добавили свой негатив в этот процесс.

В настоящее время продолжается поиск других родственников рода Булгаковых и Покровских, к которым принадлежал писатель. В частности, в селе Каранайман, где по сведениям Минаковой, в 1923 году побывал М. Булгаков. До революции, судя по архивам, там жил крестьянин (по советским понятиям — кулак) Булгаков Федор Михайлович, владевший 133 десятинами земли, принадлежавшей к Евпаторийскому уезду [12, л.23]. Лица с фамилией Булгаков, из разных сословий, обнаружены и в других местах Таврической губернии, в том числе тех, где бывал писатель — Ялта, Феодосия и др.

В Симферополе до революции (1914-1915 гг. и ранее) были врачи Покровские, причем оба относились к Российскому обществу Красного Креста: Александр Николаевич Покровский, доктор медицины, действительный статский советник и доктор Николай Александрович Покровский. Пока нет сведений, что они родственники писателя по материнской линии, но уместно вспомнить, что Булгаков начинал свою карьеру врача в системе Красного Креста. Его родственница, Ирина Лукинична, была сестрой милосердия КК в Крыму и была расстреляна в 1920 году. Биографы знают, что карьеру врача Булгаков выбрал под влиянием родственников матери, в семье которой было много врачей.

Врачей по фамилии Преображенские в то время в Крыму не обнаружено, но с В.А. Ткаченко работал бухгалтер Преображенский [10, с.18]. Однако тогда в Симферополе было много действующих церквей, в их числе Покровская и Преображенская. Возможно, бывая в Симферополе, Булгаков обратил на это внимание, что и могло повлиять при выборе фамилии главного персонажа «Собачьего сердца».

До революции семьи, особенно принадлежавшие к крестьянскому и духовному сословию, были многодетны, поэтому родственные связи со временем сильно разрастались. В советское время в силу известных причин они зачастую утрачивались. В настоящее время установление этих связей только через архивные документы, если вспомнить пережитое Крымом в революционные и военные годы, представляет очень сложную задачу. Однако интерес писателя к Крыму имеет под собой, в том числе и родственную составляющую, поэтому поиски в этом направлении стоит продолжать.

Литература

1. Виленский Ю.Г., Навроцкий В.В., Шалюгин Г.А. Михаил Булгаков и Крым. — Симферополь: Таврия, 1995.
2. Мешков В.А. Михаил Булгаков и Крым: новые страницы. Симферополь: Бизнес-Информ, 2011.
3. Михаил Булгаков и Крым. Революция, Гражданская война и 1920-е годы. Первые Крымские Международные Булгаковские Чтения (ноябрь 2009). Научный сборник. Евпатория, 2011.
4. Мешков В.А. Михаил Булгаков в «Трудах и днях Максимилиана Волошина» // Доклад на III Крымских Международных Булгаковских научных чтениях «Творчество Михаила Булгакова: литературные пути и перепутья». / X (Юбилейный) Международный научный симпозиум «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст». Крым, Саки, 15-19 сентября 2011.
<http://bulgakov.lit-info.ru/bulgakov/about/meshkov-bulgakov-voloshin.htm>
5. Ракицкий Н.П. Встречи с М.А. Булгаковым.
www.russianboston.com
6. Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания. — М.: Художественная литература, 1990.
7. Федорченко // Литературная энциклопедия. Т.11. М.: Худож. лит., 1939. Стб. 680-681.
8. Частная бесплатная женская Профессиональная школа А.А. Машковцевой. Краткий очерк. Деятельность и состояние за пять лет существования (с 19-го февраля 1896 г.). — Симферополь. Типография С.Б. Синани. 1901.
9. То же. Краткий очерк деятельности и состояния ея за два года (с 19 февраля 1901 года). Симферополь. Типография Тавр. Губ. Правления. 1903.
10. Справочная книга по г. Симферополю на 1913 год. Издание Симферопольского Городского Управления. Симферополь, типография Г.М. Эпеля, 1913.

11. Земская Е.А. Из семейного архива. *Материалы из собрания Н. А. Булгаковой-Земской* // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Советский писатель, 1988.

12. ГААРК (Гос. архив Автономной Республики Крым), Ф. 681, оп.1, д. 498.

2012

Родословие Михаила Булгакова: крымская ветвь

В настоящее время родословная ветвь писателя Михаила Булгакова фактически ведет свое начало от его деда — Булгакова Ивана Авраамиевича (1830-1894). О его прадеде, Авраамии Булгакове, священнослужителе Орловской губернии, известно очень мало: «Даты жизни Авраамия неизвестны: исследователи, правда, полагают, что он мог родиться в одно время и даже в один год с Пушкиным (1799); неизвестен год смерти Авраамия и имя, фамилия, биографические данные его жены — прабабушки писателя по отцовской линии» [1].

«Дед писателя, Булгаков Иван Авраамьевич, в немногих найденных мною документах упоминается так: священник села Бойтичи Брянского уезда (1859), священник Богоявленского храма села Подоляны Орловского уезда (1875) (ныне с. Подоляны Малоархангельского района Орловской обл. — *Е.П.*), ключарь Петропавловского собора Орла (с 1984 года), священник Сергиевской кладбищенской церкви в городе Орле (1891). — Центральный государственный исторический архив СССР (Киев), фонд 711, опись 1, дело 11032; Киевский городской архив, фонд 16, опись 465, дело 16366» [2, с.4].

«Даты жизни, документированные для „наших“, „колоколь-нодворянских“ Булгаковых мы находим только через 300 лет, в середине XIX века. Тогда Иван Авраамиевич Булгаков был уже много лет сельским священником в селе Бойтичи Жирятинского уезда на Брянщине, где женился на Олимпиаде Ферапонтовне Ивановой, также из рода священнослужителей. Семья сначала живет в Орле, где рождается ее первенец Афанасий (1859), отец писателя; потом И.А.Булгаков — глава прихода в селе Подоляны Орловского уезда. Там рождаются остальные дети: Михаил (1860), Петр (1861), София (1863), Елена (1865), Николай (1867), Ферапонт (1870), Сергей (1873) и Анна (1875). Всего в семье было 11 детей. На чудом сохранившейся старой фотографии 1880-х гг. все они в сборе: рядом с родителями их дети, кроме погибших во младенчестве двоих: Авраамия (1877), который

скончался „от обжога“, и Владимира (1878), в возрасте полутора лет умершего от коклюша. Ко времени рождения первенца-внука Михаила И.А.Булгаков — священник Сергиевской кладбищенской церкви в Орле, где и умер в 1894 г., когда внуку уже было 3 года. Олимпиада Ферапонтовна, которая была крестной матерью Михаила, пережила своего мужа и сына Афанасия, скончавшись в Киеве в 1908 г. в возрасте 68 лет» [1].

Генеалогическая ветвь И.А. Булгакова хорошо исследована, и постоянно проживавших в Крыму его прямых родственников не обнаруживает.

О других детях Авраамия Булгакова ничего не известно. По некоторым сведениям, исходящим от Л.А. Минаковой (1919 г.р.), возможно, единственной из ныне здравствующих родственников, воочию видевших писателя, в семье Авраамия тоже было 11 детей. Вполне вероятно, что некоторые из детей или дальнейших потомков Авраамия могли оказаться в Крыму. Кроме того, и у самого Авраамия могли быть братья и сестры, как родные, так и двоюродные. Поскольку Крым в XIX веке был популярным местом для переселенцев, то существует большая вероятность обнаружения крымских родственников М. Булгакова. Отсутствие упоминаний о таких родственниках в архивах писателя и его родных может объясняться особенностями советской истории в годы красного террора и десятилетий сталинских репрессий. В этот период люди больше стремились скрывать корни своего родства, нежели заниматься собственными генеалогическими изысканиями.

Эта особенность привела к тому, что в Крыму впервые о родстве с писателем было сообщено в прессу только в 2004 году. По сведениям вышеупомянутой Любови Александровны Минаковой (урожденной Ткаченко), ее бабушкой была Мария Сергеевна (?) Булгакова, дедом которой являлся Авраамий Булгаков. В отчестве своей бабушки Минакова с самого начала высказывала сомнения: она его могла неправильно запомнить. В этом году исследователь генеалогии Булгакова из Москвы Евгений Пажитнов прислал копию обнаруженной им дореволюционной фотографии молодой женщины [3]. Фотография сделана в Евпатории в фотоателье Рихтера. На обратной стороне имеется надпись «Мария Хрисантовна Булгакова».

Фотография была предъявлена Минаковой. К сожалению, ее бабушка умерла в молодом возрасте, и внучка ее никогда не видела. Тем не менее черты лица и сравнение с фото Минаковой в молодом возрасте не опровергают возможности того, что это действительно фото ее бабушки. Таким образом, Минакова не отвергла эту версию.



Что касается отчества, Хрисантовна, а не Сергеевна, то об этом говорилось выше. По воспоминаниям Минаковой, это греческое имя, а по семейным преданиям в их роду были греки. В этом случае, у Авраамия должен был быть сын Хрисант (Хрисанф?) Авраамиевич. Дальнейшая линия рода этой семьи тогда становится известна благодаря Минаковой.

Ее дедушка Василий Алексеевич Ткаченко, происходивший из Воронежа, женился на Марии Хрисантовне (Сергеевне?) Булгаковой. У них было три дочери — Вера, Надежда и Любовь, и два сына — Александр и Владимир. Александр Васильевич Ткаченко, еще до революции переехавший с отцом в Петербург, имел с женой Евдокией Федоровной трех детей: сына Петра (1917 г.р.) и двух дочерей — Александру (1915 г.р.) и младшую Любовь (Минакову).

Со временем объявились и другие крымские родственники Минаковой и тем самым М. Булгакова. По сведениям Минаковой и ее родственницы в Евпатории Любви Александровны Булгаковой их отцы были знакомы с братьями Булгаковыми — Михаилом и Николаем. По семейным преданиям, ее отец Александр Булгаков помог Николаю перебраться за границу во время красного террора 1920-1921 гг. [4].

Родная тетя Л.А. Булгаковой — Екатерина Ивановна в 1911 году вышла замуж за Андрея Павловича Шокарева, сына состоятельного евпаторийского купца. Отцом Екатерины и Александра (1898 г.р.) является Иван Карпович Булгаков, а их мать Агриппина Несторовна Булгакова (урожденная Бредихина). Бредихины составляли в Евпатории и Евпаторийском уезде большое и богатое семейство купцов и землевладельцев.

В Евпаторийском уезде вместе с Бредихиными сельским хозяйством занимались другие родственники Булгаковых. Они в свое время переселились из Мелитопольского уезда, приобретя в Крыму земельные наделы, и числились крестьянами. Это Федор Михайлович Булгаков, родившийся в 1853 году (ГААРК Ф. 681 оп. 2. д. 540), имевший в 1913 году 133 десятины земли в деревне Каранайман. Следует отметить, что сведения об этих родственниках были указаны сначала Минаковой по памяти, а затем подтверждены документально в архиве. В настоящее время потомки Ф.М. Булгакова проживают в Севастополе.

Следует отметить, что изучение справочников разных лет по Таврической губернии обнаружило много лиц, носивших фамилию Булгаковых. Род их занятий и сословная принадлежность различная, но в большей части они относятся к священнослужителям, чиновникам, учителям, крестьянам. Имеются лица,нося-

щие фамилию Покровские, которые могут относиться к родственникам М. Булгакова по материнской линии. В основном это врачи и чиновники. Однако пока данных, позволяющих однозначно утверждать их родство с писателем, не обнаружено.

По состоянию на сегодняшний день никаких документальных и архивных сведений о родственниках писателя в Крыму не имеется. В то же время имеются свидетельства постоянного, на протяжении советского периода его жизни, интереса к Крыму, отразившиеся в его творчестве и поездках. Имеются устные свидетельства родственников писателя, много лет до последнего времени, скрывавшие факт своего родства с ним. Поэтому для достоверного установления крымской ветви генеалогического древа М.А. Булгакова требуются глубокие изыскания для обнаружения всех детей Авраамия Булгакова и их дальнейших родственных линий.

Литература

1. Мягков Б.С. Родословия Михаила Булгакова / Борис Мягков М.: «Апарт», 2003.
2. Яновская Л.М. Творческий путь Михаила Булгакова / Лидия Яновская. — М.: Советский писатель, 1983.
3. Пажитнов Е. Частное сообщение.
4. Мешков В.А. Михаил Булгаков и Крым / Валерий Мешков. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2011.

2013



ПАМЯТИ Л.А. МИНАКОВОЙ



Л.А. Минакова и И.Я. Горпенко-Мягова. Евпатория, 2009.

Дорога длиной в 90 лет

Человеческую жизнь недаром часто сравнивают с дорогой. Сам ли человек выбирает свой жизненный путь, или все в жизни предначертано судьбой или Богом? А может многое зависит от случая?

Среди тех, кому выпало почти всю свою жизнь связать с Евпаторией, Любовь Александровна Минакова — одна из старейших жительниц города. Она могла бы родиться и жить в Петрограде, но шел 1919 год. Это было тяжелое время гражданской войны и борьбы советского государства за свое существование.

Бывший царский офицер Александр Васильевич Ткаченко воевал в рядах Красной Армии, а его семья оставалась в голодном и холодном Петрограде. Наверное, только отчаяние и страх не пережить предстоящую зиму, заставил его жену Евдокию Федоровну с двумя детьми осенью отправиться к родственникам в Крым. Но до Крыма сразу добраться не удалось, пришлось остаться на станции Лозовой. Там 3 октября 1919 года появилась на свет

Люба Ткаченко. Приютились на некоторое время у местной попадьи, которая стала крестной, а крестным — сцепщик вагонов. Потом семья добралась до родных в Крым в село Кара-Найман, ныне это село Крыловка Раздольненского района. Конечно, обо всех тех событиях маленькой Любе было известно только по рассказам родителей.

После победы Красной Армии и установления советской власти в Крыму, вскоре демобилизовался и присоединился к семье отец. Он был опытный механик, и работа ему нашлась и в селе, и потом в Евпатории, — долгие годы он работал в морпорту. Мать Любы, по образованию фельдшер, до 1941 года работала медсестрой в санатории РКК (ныне ЦДКС МО Украины).

В Евпаторию вся семья переехала весной 1923 года. К этому времени старшей сестре Шуре надо было идти в школу. Вначале жили у купца Айракса, владевшего пивным заводиком в районе Александровской площади. К осени поселились на Второй Продольной улице (ныне ул. Кирова, двор с выходом на нынешнюю ул. Урицкого), в доме ставшем родным семейным гнездом на все последующие годы. В 1925 году пошел в школу брат Петя.

Люба в 1927 г. стала учиться в школе №2 (ныне гимназия им. Сельвинского), давшей городу и стране много замечательных людей. Среди ее подруг и одноклассниц была Ада Эренграсс, в параллельном классе учился будущий писатель Борис Балтер, навсегда запечатлевший судьбу их поколения в замечательной повести «До свидания, мальчики!». Детство и юность в Евпатории, несмотря на бедность, случавшиеся невзгоды и огорчения, до сих пор вспоминаются как самые яркие и незабываемые годы жизни.

После окончания школы Люба поехала в Ленинград, где поступила в медучилище и жила у родственников. В этом городе в октябре 1938-го вышла замуж за военного летчика Сергея Минакова, и с тех пор носит его фамилию. Жили в воинской части под Ленинградом. В августе 1939-го у молодой семьи появился сын Александр. Но мирная жизнь продлилась недолго. Вскоре началась советско-финская война, летчик С. Минаков стал ее участником. В 1940 г. за боевые заслуги он был награжден орденом «Красного Знамени».

В 1941-м с началом войны с Германией семьи летчиков эвакуировали, Люба с маленьким сыном оказалась в Саранске Мордовской АССР. Работала медсестрой в эвакогоспитале, а с 1943-го кладовщиком и делопроизводителем авиабазы ВВС ВМФ. Муж старший лейтенант Сергей Сергеевич Минаков, летчик-истребитель, 13 марта 1942 г. героически погиб в бою под Ленинградом, посмертно награжден вторым орденом «Красного Знамени».



*С.С. Минаков и его боевые друзья-летчики.
Фото предоставлены Л.А. Минаковой*

С победами Советской армии фронт стал смещаться на запад, а за ним продвигались и тыловые части. Вместе с авиабазой Люба Минакова с сыном, 23 мая 1944 года уже были в Крыму, а на следующий день — в родной Евпатории.

С того времени Л.А. Минакова постоянно проживает в Евпатории, не меняя адреса. Работала медсестрой в детском санатории МО, а затем в санатории «Орленок», откуда и ушла на пенсию в 1977 году. Все эти годы, и даже потом, на пенсии, Любовь Александровна активно занималась общественной работой.

Возможно, такое отношение, — интерес к жизни других людей, желание им помогать, — способствовали активному долголетию Минаковой, бодрости духа и оптимизму. А ее памяти можно только позавидовать. Она без труда вспоминает все участки своей общественной работы, людей с которыми общалась. Например, 5 лет была заместителем председателя участкового комитета (председатель — Калганов М.М.), где занимались многими делами: работа с детьми, общественный порядок, учеба, жилищные проблемы и т.д.

Три года была заместителем председателя товарищеского суда при ЖЭК-2 (председатель — Гриценко А.А.); по рекомендации председателя горисполкома Кулакова М.М. пять лет была внештатным секретарем ВТЭК; в Красном Кресте занималась распространением знаний; несколько лет работала в Собесе — общественной помощницей (председатель — Бочковский); 16 лет — уполномоченной по жилищным вопросам от дома №12 по ул. Урицкого; 13 лет — в ДНД. Можно только удивляться, как она

успевала, — и работать, и с семейными делами справляться, и никогда не отказывалась от общественных нагрузок.

Невольно задаешься вопросом, а может быть плачевное состояние нынешнего нашего общества во многом из-за того, что каждый теперь должен решать свои проблемы в одиночку? А вот Любовь Александровна считает, что раньше люди были более внимательны друг к другу, и помогали другим охотнее.

За свою труд в военное и мирное время, общественную работу Л.А. Минакова была отмечена многими медалями, грамотами и благодарностями. В 2003 году в связи с юбилеем города ей вручили медаль «2500 лет городу Евпатории». Самыми дорогими для нее являются медали «За победу над Германией» и «Ветеран Труда».

После войны в 1946 году родился сын Юрий, но с его отцом вскоре расстались. Ныне он капитан-инженер III ранга на пенсии, после многих лет службы подводником остался жить в Мурманске. Старший сын Александр тоже живет и работает в России. Много лет он был заместителем директора Липецкого металлургического комбината. Своими сыновьями Любовь Александровна гордится, они часто к ней приезжают, звонят по телефону, пишут письма, присылают поздравления и подарки.

В 1952 году Любовь Минакова вышла замуж за фронтовика Владимира Петровича Григоренко, инвалида Великой Отечественной Войны. Вместе они дружно прожили более тридцати лет.

Дома со своим хозяйством она до сих пор справляется сама, ведь муж умер еще в 1983 году. По-прежнему живо интересуется событиями в мире, в России и в Украине, городской жизнью. Любит читать и решать кроссворды. Уже сорок лет как она является постоянной подписчицей «Евпаторийской здравницы».

Одно из главных событий в ее жизни связано с писателем Михаилом Булгаковым. Долгие годы сохраняла Любовь Александровна в своей памяти детские впечатления о приезде в Евпаторию Михаила Афанасьевича, рассказы о нем отца. И только лет пять назад, благодаря уговорам своей хорошей подруги литературоведа Ады Харитоновны Эренграсс, ныне покойной, согласилась их обнародовать. Во многом благодаря этому наш город теперь имеет памятную доску, посвященную М.А. Булгакову, и по праву вошел в число городов, связанных с жизнью и творчеством писателя.

В прошлом году инициативная группа евпаторийцев обратилась с предложением о переименовании улицы Урицкого в честь Михаила Булгакова. Были собраны подписи граждан города, поддержавших это предложение, и переданы в Общественный совет города, который весной этого года поддержал эту инициативу. Теперь дело за решением депутатов горсовета.

Любовь Александровна и в этом деле не осталась в стороне. Она сама собрала много подписей жителей улицы Урицкого. Ее мечтой и заветной надеждой остается желание прожить свои оставшиеся годы жизни на улице Михаила Булгакова.

В следующем году исполняется 70 лет со дня смерти Булгакова, а еще через год — 120 лет со дня его рождения. Будем надеяться, что к этому времени горсовет примет нужное решение и осуществит надежды Л.А. Минаковой и тех горожан, кому дорого творчество писателя.

Самой же Любви Александровне остается пожелать в канун ее 90-летия по-прежнему сохранять здоровье, силы, бодрость и оптимизм. В наше трудное время Вы служите примером не только достойной жизни, но и достойной старости!

30 октября 2009 г.

К 70-летию освобождения Евпатории от немецко-фашистских захватчиков

Весна 1944-го: Трудная дорога домой, в Евпаторию...

70 лет назад шли решающие бои Советской Армии с фашистскими захватчиками за освобождение Крыма. По-разному складывались судьбы в эти переломные для нашего полуострова, а может и для всей страны, дни. Кто-то воевал в рядах советских воинов, кто-то работал в тылу, кто-то находился в оккупации.

А перед войной семья одной из старейших жительниц Евпатории Л.А. Минаковой находилась под Ленинградом в Новом Петергофе. Ее муж, военный летчик старший лейтенант Сергей Сергеевич Минаков, служил в одной из авиационных частей, имел боевой опыт участника финской войны 1940 года на истребителе И-16. С началом Отечественной войны он защищал Ленинград, который потом оказался в блокаде. 13 марта 1942 года в одном из боев над Финским заливом его сбили и он погиб. Посмертно награжден вторым орденом Боевого Красного Знамени (первый — за войну с финнами).

Но его жена Люба еще в начале осени 1941 года вместе с сыном эвакуировались в Мордовскую республику г. Саранск. Там она поступила медсестрой в эвакогоспиталь № 4662 и работала с 8 сентября 1941 года по 8 июня 1943-го. Работа была очень трудная для хрупкой невысокой женщины, раненые и тяжелораненые поступали с передовой.

Помогало то, что вместе с ней оказались родители и сестра. Они тоже успели эвакуироваться из Крыма на Кавказ буквально последним катером, под бомбежками. Узнав, что их дочь в Саранске, сумели переехать к ней. Отец — Александр Васильевич Ткаченко, до войны работавший механиком и водителем катера в Евпаторийском морпорту, стал заниматься ремонтом автомобилей для фронта в одной из воинских частей. Освоил и иностранные марки, в том числе Студебеккеры. Сам же и перегонял машины на фронт, до самой передовой. Как участник войны был награжден медалью «За боевые заслуги».

Старшая сестра Шура с матерью в основном занимались домашним хозяйством, вести которое в голодные военные годы было непросто. Но они еще находили два-три часа в день и на общественных началах как медработники помогали в госпитале.

В марте 1943 года Любу встретил в Саранске генерал В. Злыгарев, зам. командира авиадивизии, где служил ее муж до своей гибели. Он предложил ей перейти на работу в авиационную базу 3 ВМАУ (Военно-морское авиационное училище), где она и работала с 9 июня 1943 года по 3 марта 1944 делопроизводителем и завскладом ГСМ (горюче-смазочных материалов).

В это время поступил приказ, и авиабазе надлежало передислоцироваться в Крым, где шли ожесточенные бои. Гражданских работников уволили, но семья не захотела оставаться в Саранске, и добились разрешения вместе с авиабазой отправиться в Крым. Долгая дорога на грузовом поезде привела в Краснодарский край г. Анапа. Крым был уже близок, но как добраться до него, если места в грузовиках едва хватало военнослужащим? На цистернах с горючим прикрепляли доски, и на этих досках семья с детьми отправилась на свой страх и риск в путь. 7 мая им выдали справку, что семья «действительно следует в порядке эвакуации к месту постоянного жительства из г. Анапа в г. Евпатория». В пути солнце палило уже так, что все лица обгорели до крови.

Дорога проходила по узкой полоске земли, окруженной морем, в просторечии называемой Чушкá. Она то расширялась метров до ста, то сужалась до шести метров. По ней шли многие колонны пехотинцев, моряков, десантников, артиллеристы, техника, орудия, боеприпасы. Часто налетали с бомбежкой немецкие самолеты. Столпотворение было ужасное, и приходилось долго ждать, пока можно было двигаться вперед.

В таких условиях добрались до станции Тоннельная. Там пришлось ждать, пока моряки построят подвесной мост на Керчь. Как и дорога, ожидание на берегу тоже проходило под постоянной бомбежкой, много людей погибло. Особенно много гибло

моряков на строительстве моста, по 500 человек в день. Но выполняли приказ Сталина любой ценой.

Наконец мост был готов, и переправа на керченский берег началась. Ходил также и паром, вмещавший 1 машину и 12 человек, которым вода приходилась по щиколотку. Переправлялись только ночью. На берегу в Керчи на водонапорной башне рассматрели надпись «Разминировано. Пархоменко». Там и ночевали, накрыв солому брезентом.

Утром увидели много убитых немцев. Вначале специальная команда хоронила в братских могилах своих, для этого машина рыла неглубокую траншею. Перед захоронением с убитых снимали жетоны. Немцы оставались лежать вокруг.

Снова на тех же цистернах семья отправилась дальше через Старый Крым. Везде вдоль дороги лежали масса трупов, и немцев, и своих. Только 22 мая прибыли в Саки. Там уже располагался 23-й авиаполк, которым командовал Михаил Васильевич Охтеня, муж сестры Шуры. Но ей не сообщили, что накануне 18 мая он погиб, сражаясь с немецкими «мессерами» в боях за Севастополь. Самолет упал в море. Сестре Шуре сказали, опасаясь за ее больное сердце, что его вызвал начальник, генерал авиации Жаворонков. Семье выделили 6-7 килограмм пшенной крупы, 3-4 кг мандарин и несколько банок с американской тушенкой и колбасой.

24 мая вместе с авиаполком прибыли домой в родную Евпаторию. Местным начальником НКВД был Юдин, и все возвращавшиеся должны были у него зарегистрироваться. Потом он вместе с семьей пошел на квартиру, где они проживали до войны. Это нужно было для того, чтобы решить проблемы, нередко возникавшие с теми, кто занял чужое жилье во время оккупации.

Как вспоминает Любовь Александровна, жизнь после освобождения в Евпатории была тяжелая. Множество нищих и инвалидов попрошайничали на улицах и стучали в квартиры. С продуктами были большие трудности, пришлось ввести карточную систему. Хлеба давали по 400 грамм, и вставать в очереди за ним надо было в 4 часа утра. Кругом разрушенные здания, опустошенность, безработица. Но люди быстро взялись за дело, с большим желанием стали восстанавливать Евпаторию.

Первое время Люба работала в той же авиабазе, что и в Саранске. Сохранилась фотография, где сотрудники и командный состав снялись перед дальней дорогой в Крым. Потом работала медсестрой в детском санатории Министерства Обороны, а затем до самой пенсии в санатории «Орленок». Но это уже была мирная жизнь.



*Служащие авиабазы 3 ВМАУ в Саранске перед переездом в Крым.
Третья справа в первом ряду — Л.А. Минакова. Весна 1944 г.*

Отец — А.В. Ткаченко снова стал работать в морпорту судоводителем катера, и там трудился до ухода на пенсию. Мать занималась детьми и хозяйством, а сестра вскоре уехала в Ленинград. Любовь Александровна вырастила и воспитала двух прекрасных сыновей. Александр Сергеевич Минаков много лет работал зам. директора Липецкого металлургического комбината, одного из крупнейших в стране. Там же работает и до сих пор, занимается вопросами научного обеспечения производства. Юрий Сергеевич Минаков — морской инженер, капитан 3-го ранга в Мурманске, плавает на военных гидрографических судах Северного флота, много раз награжден.

Любовь Александровна Минакова, которой идет 95-й год, вспоминая, сегодня вновь переживает события 70-летней давности. Много трудностей и огорчений пришлось перенести и в мирное время. Но она всегда стремилась сохранять бодрость духа, помогать людям. Много лет занималась общественной работой. Как и все крымчане 60 лет ожидала восстановления справедливости и возвращения Крыма в состав России. И сегодня для нее большая радость, что несмотря на все, смогла дожить до этого радостного события.

Поздравляем с юбилеем

95 лет — жизнь продолжается...

С Любовью Александровной Минаковой мы познакомились более 10 лет назад. С нее продолжилась моя журналистская и литературная работа, которая до нашей встречи ограничивалась одной статьей в местной газете «Трибуна» (март 2002). В этой статье впервые был поставлен вопрос о том, бывал ли писатель Михаил Булгаков в нашем городе. Публикация, казалось, не вызвала интереса, и я о ней со временем забыл.

И вот как-то летом 2004 года мне позвонила женщина, и попросила к ней зайти по поводу «булгаковской истории» и моей статьи о писателе. Особого желания заниматься дальше этим вопросом у меня не было, но что-то не позволило отказать. При встрече сразу нашли общий язык, общие интересы, общие взгляды на многие вещи. Л.А., несмотря на преклонные годы, оказалась прекрасным рассказчиком, с великолепной памятью, и к тому же грамотным и образованным человеком. Хотя она родилась 3 октября 1919 года, в ней чувствовалась благородная дореволюционная закваска, доставшаяся по наследству от родителей. Ведь они воспитывались и долгое время жили в Петрограде.

Недавно обнаружился портрет Марии Хрисанфовны Булгаковой, присланный московским краеведом Е. Пажитновым. Судя по всему, на нем запечатлена бабушка Л.А. Минаковой (урожденной Ткаченко). Проследить всю крымскую генеалогическую ветвь родственников Михаила Булгакова пока не удастся, известны только ее отдельные фрагменты. Но говорят, что существует «голос крови», и Любовь Александровна признала, что на фотографии изображена ее бабушка. Ведь с детства она хорошо помнила, что ее бабушку звали Мария Булгакова, а отчество она не запомнила, хотя предположительно называла ее Сергеевной.

Но это было спустя много лет. А в 2004 году нам совместно пришлось проделать большую работу: из разрозненных и часто смутных и противоречивых воспоминаний составить осмысленную картину жизни в Евпатории в 1920-х годах и обстоятельств приезда М. Булгакова. Если бы не было произведения Булгакова евпаторийской тематики и воспоминаний Минаковой, факт его приезда доказать не удалось бы. И наоборот, одних воспоминаний Минаковой, без фельетона Булгакова, тоже для этого не хватало. Этим и объяснялось то, что скороспелым публикациям местного журналиста, не упоминавшего о моей первой статье, никто не верил. К тому же он искажал по своему произволу воспоминания Л.А., что и вызвало ее обращение ко мне.

С этого и началось исследование булгаковской евпаторийской темы. Со временем это дало результат: установление на доме по улице Урицкого памятной доски о посещении города М.А. Булгаковым в декабре 1923 года. Заветная мечта Минаковой: дожидаться, когда этой улице присвоят имя Булгакова.

Все, что было найдено нового о писателе, в итоге было издано в книге автора этих строк «Михаил Булгаков и Крым: новые страницы» (Симферополь: Бизнес-Информ, 2011). Во многом Любовь Александровна явилась вдохновителем и даже соавтором, без нее этой книжки просто не было бы.

За прошедшие годы после издания книги были найдены и новые сведения, источником поиска которых служили воспоминания Минаковой. При этом многое и уточняется, потому что память человеческая не беспредельна, и со временем какие-то детали утрачиваются или забываются. Например, Л.А. помнила, что ее дедушку звали Василий Алексеевич Ткаченко, и он умер в 1915 году в Петербурге. Но поиски по петербургским дореволюционным адресным книгам ни к чему не привели. Дедушка отыскался в Симферополе, где он проживал с 1903 года и работал бухгалтером. Остальные сведения, в том числе и дата смерти, оказались правильными.

Найдены также следы других родственников Булгакова, о которых предварительно рассказывала Минакова, проживавших в сельской местности в Евпаторийском уезде. Есть большие основания полагать, что работавшие до революции в Симферополе врачи Общества Красного Креста отец и сын Покровские являются родственниками матери М. Булгакова. Так что есть надежда, что со временем мы сможем восстановить и крымскую ветвь генеалогии писателя. Подобные поиски, и не только известных людей, приобретают последнее время все более массовое явление.

Сегодня мы должны быть благодарны Любви Александровне Минаковой, что она не смирилась с неудачным началом ее «булгаковской истории», и ее усилия не пропали даром. К богатой литературной истории города добавились знаменательные страницы.

Прошедшие годы не принесли здоровья юбилярше, но она старается не унывать. Многие десятилетия она выписывала газету «Евпаторийская здравница», но последние несколько лет в ней разочаровалась. Ее симпатии теперь принадлежат «ОКД», да и наша газета не раз публиковала материалы, основанные на воспоминаниях и идеях Минаковой.

Ее интерес к событиям крымской жизни с годами не угас, она всегда следит за новостями, по возможности участвует и сама в городских событиях: не пропускает ни одни выборы. И как ис-

тинная женщина, до сих пор способна на неожиданный поступок. В прошлом году при встрече зашел разговор о юбилее местного поэта С. Овчаренко. Любовь Александровна чувствовала себя неважно, но поинтересовалась, когда это будет. Посоветовал ей позвонить в библиотеку им. Пушкина, где это мероприятие проводилось.



Л.А. Минакова на 60-летию С. Овчаренко. Ноябрь 2013.

Когда уходил, и в мыслях не было, что она собирается там побывать. Уже с полгода здоровье ей не позволяло никуда выбираться, тем более одной. Но оказалось, я ее плохо знал. Она узнала время, сама оделась, вызвала такси и отправилась к юбиляру: она его знала с малых лет, младенцем держала его на руках. На юбилейной встрече Любовь Александровна произвела фурор своим появлением и рассказом о родителях юбиляра.

Так что жить, а не выживать, можно и в таком возрасте. Поздравим нашу старейшую читательницу с юбилеем, о котором с полным основанием она может сказать: «Мои года, мое богатство». 95 лет — жизнь продолжается...

2014

Р.С. К сожалению, для людей преклонного возраста празднование юбилеев несет большую опасность. Собираются многочисленные родственники и друзья, организуются длительные застолья с тостами и поздравлениями, которые часто не под силу выдерживать даже здоровому и молодому человеку. Именинник же часто переоценивает свои силы, старается всем уделить внимание, держаться «молодцом». И нередки случаи, когда такие перегрузки вскоре после празднования юбилея приводят к печальному исходу. Вот и с празднованием 95-летия Л.А. Минаковой, по мнению автора этих заметок, произошло нечто подобное.

Хотя следующие два-три дня все вроде было хорошо, разъехались родственники, а потом и два сына Любви Александровны. Она им не на что не жаловалась, ей было не привыкать оставаться одной, и со всеми делами в своем доме она справлялась. Но когда и как ей стало плохо, теперь точно сказать нельзя. Вскоре после отъезда сыновей мне сообщили соседи и знакомые Минаковой, что она не открывает двери. Когда я приехал, то мы решили взломать дверь. Было воскресенье, и милиция приехать по такому случаю отказалась, как и коммунальные работники. Войдя в помещение, обнаружили Любовь Александровну без сознания, но она еще была жива. Вызвали скорую помощь, ее привели в чувство, но она была очень слаба.

Были вызваны сыновья, которые срочно прилетели из своих дальних городов — Липецка и Мурманска, и все дальнейшие заботы легли на их плечи. Я еще бывал у Любви Александровны, она могла говорить и еще многим интересовалась, но быстро утомлялась. Подняться на ноги ей уже не удалось, и 10 декабря 2014 года она скончалась.

Пусть ей будет пухом евпаторийская земля...

БУДЕТ ЛИ В ЕВПАТОРИИ УЛИЦА МИХАИЛА БУЛГАКОВА?



МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

БОГАТЫМ на события в культурной жизни Евпатории стал День украинского языка и письменности. Традиционные возложения цветов к памятникам Тарасу Шевченко и Николаю Гоголю сопровождалась яркой культурной программой, праздничные встречи, посвященные национальному языку и литературе, прошли в музеях и библиотеках города. Одним из центральных мероприятий стало также открытие аннотационной доски на доме №12 по ул. Урицкого — в память о пребывании в Евпатории одного из самых ярких писателей двадцатого столетия Михаила Булгакова.

«В ЭТОМ доме в декабре 1923 г. гостил у родственников писатель Михаил Афанасьевич Булгаков. По возвращении в Москву в газете «Гудок» 3 января 1924 г. опубликовано его произведение «Сильнодействующее средство», основанное на реалиях тогдаш-

ней жизни Евпатории» — свидетельствует надпись на аннотационной доске.

А подробнее факты пребывания тогда еще начинающего автора в Евпатории изложил присутствующим историк Владимир Заскока. Живым подтверждением тех давних событий стали свидетельства хозяйки дома — внучатой племянницы М.Булгакова Любови Минаковой (Ткаченко), а также Валерия Мешкова, исторические и литературные исследования которого помогли восстановить факт пребывания писателя в Евпатории. Вот так, благодаря поиску и бережному отношению к творческой биографии родного города многих евпаторийцев богатая его история становится общим достоянием.

Заместитель городского головы Валерий Батюк в своем выступлении продолжил эту мысль: с 2003 года в Евпатории общими усилиями местной власти, общественных организаций и политических партий восстанавливается историческая справедливость. Многие улицы обозначены теперь двумя названиями — современным и историческим, имена героев Великой Отечественной войны, выдающихся деятелей культуры увековечены в памятниках и аннотационных досках. Огромная благодарность за это депутату горсовета Сергею Стрельбицкому, члену горсовета ветеранов войны и труда Борису Брускину, учащимся школ и училищ, всем энтузиастам, патриотам Евпатории.

Вырисовалась также концепция целого историко-культурного комплекса, так называемого Малого Иерусалима, в старой части города. Осуществление подобных проектов придает дополнительный духовный вес и своеобразие нашему курорту.

— Евпатория уникальна и неповторима, — сказал Сергей Стрельбицкий. — Наша цель — сохранить драгоценные крупы, свидетельства истории и культуры, и донести их до всех, кто живет в нашем городе сегодня, кто приезжает на отдых и лечение.

Б. ШЕВЧУК.

«Евпаторийская здравница» №217 от 16 ноября 2005 г.

Памятная доска в честь Булгакова

Публикации о Михаиле Булгакове, его отношении к Евпатории, его родственниках в нашем городе, в последнее время появлялись в различных крымских изданиях. Большое внимание этим вопросам было уделено на страницах «Литературного Крыма».

В настоящее время, в результате исследований автора настоящего сообщения, на основании воспоминаний родственников

М.А. Булгакова, проживающих в Евпатории, анализа литературных источников и известных жизнеописаний Булгакова удалось установить следующее:

1) Булгаков в декабре 1923 г. побывал в Евпатории, где несколько дней проживал в семье своих родственников Ткаченко по адресу ул. Урицкого, д.12.

2) Сохранился дом и комната, где жил Булгаков, по нынешнему адресу: ул. Урицкого, д.12, кв.1, где ныне проживает его дальняя родственница Минакова Л.А.(урожденная Ткаченко).

3) По возвращении в Москву М.А. Булгаков опубликовал в газете «Гудок» 3 января 1924 г. произведение «Сильнодействующее средство», основанное на реалиях тогдашней жизни в Крыму и Евпатории, с которыми писатель столкнулся непосредственно.

Начало исследования, которым дал толчок и фактически курировал все это время историк и краевед В.М. Заскока, положила статья «М.А. Булгаков и Евпатория» в газете «Трибуна» (№6, март 2002 г., г. Евпатория).

Подробно материалы исследования опубликованы в литературной форме с изложением всех фактических данных в органе Союза писателей Крыма газете «Литературный Крым» в статьях «Михаил Булгаков и Евпатория» (№39-40 от 29 октября 2004 г.) и «Булгаковская история» (№11-12 от 31 марта 2005 г. и №13-14 от 15 апреля 2005 г.). Одобрительно отозвался на эти статьи специально позвонивший из Ялты один из авторов книги «Булгаков и Крым» доктор наук В.В. Навроцкий.

Теперь факт приезда Булгакова установлен не только детальными свидетельствами очевидца, Л.А. Минаковой, но и документальными подтверждениями, содержащимися в фельетоне «Сильнодействующее средство».

Эти важные для историко-культурного наследия города события усилиями представителей городской общественности и при содействии городских властей завершились 9 ноября этого года установлением на фасаде дома №12 по ул. Урицкого памятной доски с надписью:

«В этом доме в декабре 1923 г. гостил у родственников писатель Михаил Афанасьевич Булгаков.

По возвращении в Москву в газете «Гудок» 3 января 1924 г. опубликовано его произведение «Сильнодействующее средство», основанное на реалиях тогдашней жизни в Евпатории».

В нашем телефонном разговоре В.В. Навроцкий отметил, что камнем преткновения в таких делах чаще всего является финансовый вопрос. В Ялте ему пришлось добиваться установления

памятной доски в честь Ханжонкова, одного из основателей российского кинопроизводства и Ялтинской киностудии. Вопрос был решен, когда необходимые средства выделил турецкий предприниматель. Однако в Евпатории усилиями В.М. Заскоки и депутата горсовета Евпатории С. Стрельбицкого средства нашлись достаточно оперативно.

Кроме этого, в стадии изучения и поиска хотя бы косвенных доказательств находятся вопросы о посещении М.Булгаковым Евпатории в мае 1911 г. и обстоятельства, связанные с пребыванием в Крыму в годы гражданской войны его братьев Николая и Ивана. В музей Булгакова в Киеве отосланы копии следующих документов:

1) Приглашение на свадьбу от родственников, проживавших в Крыму, имевших дома в Евпатории и поместья в крымских селах. Такое приглашение, по рассказам родственников, посылалось Булгаковым в Киев и могло там тоже сохраниться.

2) Фотография четырех молодых людей, сделанная перед свадьбой в 1911 г. Крайний слева — возможно жених. Остальные неизвестны. Возможно, кто-то из этих лиц бывал у Булгаковых и мог попасть на семейные фотографии с гостями, бывавшими на даче под Киевом.

Однако ответа из Киева пока не последовало.

На открытии памятной доски выступающие говорили о том, что еще много надо сделать для сохранения историко-культурного наследия города и восстановления тех памятников, что существовали еще недавно. Например, необходимо восстановить памятник Маяковскому и памятную доску с текстом его знаменитого стихотворения, посвященного Евпатории.

Будем также надеяться, что со временем финансовое положение Евпатории позволит восстановить историческую справедливость и заменить название улицы Урицкого, не имеющего никакого отношения к городу. *В России уже более десятка лет это одиозное имя палача, предшественника Ягоды, Ежова, Берии, исчезло из названий городов, поселков, улиц и даже спортивных клубов, что было в свое время данью господствующей тогда идеологии.*

А улица Булгакова украсит Евпаторию, как и памятная доска, посвященная писателю.

В заключение хочется поблагодарить редакцию «Литературного Крыма» за внимательное отношение к публикациям, связанным с историко-культурным наследием нашего города, памятными датами и событиями, имеющими краеведческое значение. Ведь может оказаться, что через много лет такая публикация останется единственным документом, дошедшим до наших потомков.

2006.



2006 — Будет ли в Евпатории улица Михаила Булгакова?

Улица Урицкого среди евпаторийских улиц одна из уютных, тихих и малолюдных, хотя и располагается недалеко от самых посещаемых городских пляжей. Как и многие улицы города, она вместе со своими обитателями пережила две революции и три войны. Ее достопримечательностями являются Гоголевский сквер и некогда шикарный ресторан «Золотой пляж». Когда-то здесь ходил Маяковский, отдыхавший рядом. На пересечении с Дувановской жил герой Советского Союза И.С. Любимов. Известный местный поэт посвятил этим местам цикл стихов «Сказки улицы Урицкого».

Не так давно стало известно, что здесь побывал в 1923 г. писатель Михаил Афанасьевич Булгаков, и в доме №12 проживает его родственница 87-летняя Л.А. Минакова, сохранившая воспоминания об этом событии.

Непонятно только, какое отношение к Евпатории и к этой улице имеет тот, в честь кого она названа. Может быть, это сам по себе такой выдающийся человек, что в любом случае Евпатории

почетно такое название? Нет, в России уже полтора десятка лет прошло с тех пор, как имя Урицкого исчезло из названий улиц, городов и поселков, школ и даже спортивных клубов. Пора бы и Евпатории разобраться с этим вопросом, и не вызывать насмешки приезжих, сразу делающих вывод, что по части информации наш город так и застыл на уровне глухой советской провинции 50-60-х годов прошлого столетия.

Из Малой энциклопедии СССР издания 1960 г. узнаем, что Моисей Соломонович Урицкий (1873-1918) родился в Черкассах, окончил Киевский университет. Одно время торговал лесом, потом примкнул к революционерам, и всю жизнь куда-нибудь «примыкал». До февраля 1917 к меньшевикам, затем к «межрайонцам», с которыми примкнул к большевикам, а по вопросу о Брестском мире «неправильно» примыкал к «левым коммунистам». Примерно также «примыкал» и его идейный наставник Троцкий. Как активные участники Октябрьской революции, они быстро поднимались по карьерной лестнице. В 1918 г. Урицкий избран кандидатом в члены ЦК РКП(б), а затем был назначен председателем Петроградской ЧК. В заключение в энциклопедии кратко сказано «Убит эсером». Если бы не это, скорее всего, его жизненный путь и участь были бы схожи с судьбой Троцкого и его приверженцев. Но он погиб на боевом посту, будучи большевиком всего год, был объявлен героем революции и получил все посмертные почести, полагавшиеся в СССР «видным деятелям».

Об эсерах в советское время нам было известно, что они оказались конкурентами большевиков в борьбе за власть и развязали террор против руководителей своих противников. В день убийства Урицкого 30 августа 1918 г. произошло покушение на Ленина в Москве, ранее в июне — убийство Володарского (тоже есть одноименная улица в Евпатории). Многие годы эти события освещались односторонне, в этих убийствах обвиняли эсеров, и лишь недавно стал доступен более объективный взгляд. В разжигании террора и последующей братоубийственной гражданской войны были виновны многие стороны, и не только большевики и эсеры. Существуют факты, ставящие под большое сомнение способности Ф. Капкан покушаться на Ленина, и говорящие о том, что это был заговор большевистской верхушки во главе со Свердловым. Но до сих пор многое остается закрытым для историков того периода, а то, что начало приоткрываться в период перестройки, в период растерянности и борьбы за власть на постсоветском пространстве, вновь оказалось под замком в тех же архивах и хранилищах. Вот и в Крыму после победы Красной Армии над Врангелем была обещана амнистия сложившим оружием белогвар-

дейцам. Но вскоре по настоянию наркомвоенмора Троцкого из Крыма отозвали Фрунзе, а прибывшие эмиссары Троцкого организовали массовые расстрелы десятков тысяч оставшихся офицеров и солдат. Дед автора статьи, Мешков Григорий Михайлович, попавший в Крым с частями донских казаков, сумел выжить, скрываясь в рыбацких сараях посреди озера Сиваш, добраться к которым можно было, только перепрыгивая по сваям. Правда об этих событиях замалчивается до сих пор. В результате мы по-прежнему живем в странах с непредсказуемым прошлым.

История убийства Урицкого также весьма поучительна в этом отношении. Убийцей был не какой-нибудь боевик-эсер, действовавший по заданию своих руководителей, а поэт и литератор Леонид Каннегисер (1898-1918). Газеты большевиков тогда сообщали примерно то же, что через год писал тогдашний правитель Петрограда Зиновьев: «Убит тов. Урицкий. Убийца, как и следовало ожидать, правый эс-эр, студент Каннегисер». Потом так стали писать и в энциклопедиях.

Кончается же статья Зиновьева в газете «Известия» так: «На контрреволюционный террор против лиц, рабочая революция ответит террором пролетарских масс, направленным против всей буржуазии и ее прислужников». Известно, что после убийства Урицкого в Петроградской коммуне, находившейся в ведении Г. Зиновьева, было в одну ночь расстреляно пятьсот ни в чем не повинных людей.

Через пять лет после этих событий писатель-эмигрант Марк Алданов (Ландау) откликнулся очерком «Убийство Урицкого». Он был знаком с обстановкой тех лет, хотя уехал из Петрограда за границу за несколько месяцев до убийства. С Каннегисером и семьей его родителей знаком был лично и достаточно близко.

В отличие от многих деятелей революции, имеющих и общечеловеческие исторические заслуги, о которых мы читали множество статей, книг, видели пьесы и кинофильмы, Урицкий в их число почему-то не попадал. Стало быть, ничем выдающимся не отличился. Не только в очерке Алданова, но и в материалах царской тайной полиции Урицкий характеризуется иронически: «Урицкий, Моисей Соломонов, мещанин гор. Черкасск, комиссионер по продаже леса... Не производит впечатления серьезного человека (Документы б. Московского Охранного отделения)».

А вот личное впечатление Алданова:

«Урицкий был комический персонаж.

Мне приходилось его видеть. В моей памяти осталась невысокая, по-утиному переваливающаяся фигурка, на кривых, точно

от английской болезни, ногах, кругленькое лицо без бороды и усов, смазанный чем-то, аккуратный проборчик, огромное пенсне на огромном носу грибом... Вид у него был чрезвычайно интеллигентный; сразу становилось совершенно ясно, что все вопросы, существующие, существовавшие и возможные в жизни, давно разрешены Урицким по самым передовым и интеллигентным брошюрам; вследствие этого и повисло раз и навсегда на его лице ту-по-ироническое самодовольное выражение. В общем, вид у него был довольно противный, хотя и гораздо менее противный, чем, например, у Троцкого или у Зиновьева».

И тем не менее Алданов утверждает: «Человек, который в ту пору почти бесконтрольно распоряжался свободой и жизнью нескольких миллионов людей, отнесенных к Северной коммуне, был Урицкий».

На примере Урицкого можно проследить, как благие цели революции превратились в еще более отвратительную тиранию даже по сравнению с самодержавием: «Жизнь Урицкого была сплошная проза. И вдруг все свалилось сразу: власть, — громадная настоящая власть над жизнью миллионов людей, власть, не стесненная ни законами, ни формами суда, — ничем, кроме „революционной совести“, — огромные безграничные средства, штаты явных и секретных сотрудников, весь аппарат государственного следствия... У него знаменитые писатели просили пропуск на выезд из города! У него в тюрьмах сидели великие князья! И все это перед лицом истории! Все это для социализма! Рубить головы серпом, дробить черепа молотом!..».

Был или не был у него выбор, но он добровольно занял место палача и мелкого тирана. Алданову было известно мнение некоторых влиятельных коммунистов: «Настоящий убийца Урицкого — Зиновьев. Он предписывал все то, за что был убит Урицкий». Урицкий стал первым в ряду, который потом пополнили Ягода, Ежов, Берия и им подобные, но более мелкие фигуры. Дальнейшее изучение деятельности Урицкого не является целью данной статьи.

Более интересными представляются сведения о личности убийцы Урицкого и его мотивах. В советское время это полностью замалчивалось. Не был убийца и эсером. Как пишет Алданов: «Недолгий и сложный процесс, который в дни, предшествовавшие драме, разорвал душу убийцы Урицкого, мне не ясен. Почему выбор Каннегисера остановился на Урицком? Не знаю. Его убийство нельзя оправдать даже с точки зрения завязтого сторонника террора».

Еще более удивляло Алданова то, что Каннегисера, казалось, ждала совсем другая жизнь: «Судьба поставила его в очень благоприятные условия. Сын знаменитого инженера, имеющего европейское имя, он родился в богатстве, вырос в культурнейшей обстановке; в доме, в котором бывал весь Петербург. В гостиной его родителей царские министры встречались с Германом Лопатиным, „изломанные молодые поэты“ со старыми заслуженными генералами... молодой человек, убивший Урицкого, был совершенно исключительно одарен от природы. Талантливый поэт, он оставил после себя несколько десятков стихотворений. Из них были напечатаны, в „Северных записках“ и в „Русской мысли“, шесть или семь отнюдь не лучшие. Многое другое он мне читал в свое время. Его наследия мало, чтобы посвятить ему литературно-критический этюд; вполне достаточно, чтобы без колебаний признать в нем дар, не успевший развиться».

Известны и другие литературные работы Каннегисера (печататься начал в 16 лет), в частности еще в 1914 г. он отозвался на сборник Анны Ахматовой «Четки» критической рецензией. Не упоминает Алданов о дружбе Леонида с Сергеем Есениным. А друзья они были довольно близкие. Познакомились весной 1915 г. В своих воспоминаниях Марина Цветаева, знавшая обоих, напишет много позже, в 1936 г.: «Лёня <Каннегисер>, Есенин. Неразрывные, неразливные друзья. В их лице, в столь разительно-разных лицах их сошлись, слились две расы, два класса, два мира. Сошлись — через всё и вся — поэты.

Лёня ездил к Есенину в деревню, Есенин в Петербурге от Лёни не выходил. Так и вижу их две сдвинутые головы — на гостиной банкетке, в хорошую мальчишескую обнимку, сразу превращавшую банкетку в школьную парту... (Мысленно и медленно обхожу ее: Лёнина черная головная гладь, есенинская сплошная кудря, курча, есенинские васильки, Лёнины карие миндалины. Приятно, когда обратно — и так близко. Удовлетворение, как от редкой и полной рифмы)». Есенин, как известно одно время водил дружбу с эсеровскими кругами, его привлекала их крестьянская программа. Поэтому был повод и Каннегисера на скорую руку причислить к эсерам.

Но Алданов пишет о том периоде так: «Леонид Каннегисер не принимал никакого участия в политике до весны 1918 года. Февральская революция его захватила, — кого же она не захватила так недели две или три?

Он был председателем „союза юнкеров-социалистов“. Не поручусь, — как это ни странно, — что он не увлекался и идеями революции октябрьской. Ленин произвел на него, 25 октября, потрясающее впечатление...



Л. Каннегисер. 1917 г.

События 1918 года, Брест-Литовский мир, скоро переменили мысли Каннегисера. Изложение его политической эволюции не входит в мою задачу (да я этой эволюции и не знаю). Но в апреле (или в мае) 1918 года он уже ненавидел жгучей ненавистью большевиков и принимал какое-то участие в конспиративной работе по их свержению. Гибель друга сделала его террористом».

Следует отметить, что к этой деятельности Алданов относится весьма иронически: «Конспирация у них была детская — по-детски серьезная и по-детски наивная. Не будучи Шерлоком Холмсом, можно было в каждом из них за версту признать заговорщика. Им не хватало только черных мантий, чтобы совершенно походить на актеров четвертого действия „Эрнани“. Леонид Каннегисер ходил, летом 1918 года, вооруженный с головы до ног...

Если не ошибаюсь, он тогда предполагал взорвать Смольный институт.

Я знал и Перельцвейга, и еще несколько молодых людей, юнкеров и офицеров, принадлежавших к тому же кружку. Они были казнены еще до убийства Урицкого, недели за две или за три. Гибель Перельцвейга, близкого друга Леонида Каннегисера, по всей видимости, и была непосредственной причиной совершенного им террористического акта: она страшно его потрясла...». В те времена заговорщиков пускали в «расход» зачастую не за то, что они совершили, а за то, о чем они мечтали и говорили. К тому же матерых врагов молодой ЧК и ее председателю Урицкому найти было нелегко, а работа ЧК долгое время оценивалась и тогда и потом числом пойманных и уничтоженных врагов новой власти...

Алданов делает такой окончательный вывод о психологических мотивах Каннегисера:

«Многое туда входило: и горячая любовь к России, заполняющая его дневники, и ненависть к ее поработителям, и чувство еврея, желавшего перед русским народом, перед историей противопоставить свое имя именам Урицких и Зиновьевых, и дух самопожертвования — все то же „на войне ведь не был“, и жажда острых мучительных ощущений — он был рожден, чтоб стать героем Достоевского; и всего больше, думаю, жажда „всеочищающего огня страданья“, — нет, не выдуманно поэтами чувство, которое прикрывает эта звонкая риторическая фигура».

И все же даже находясь за границей, писатель не мог полностью раскрыть эти мотивы и как всегда в советское время многое читатель должен был увидеть между строк. Недаром в очерке на втором плане возникает фигура народовольца Германа Лопатина (1845-1918), отдавшего многие годы своей жизни борьбе с само-

державием. Итогом его бурной революционной деятельности стал смертный приговор, замененный на вечное заключение в Шлиссельбургской крепости. После 20 лет заключения был освобожден в революцию 1905 г., и как считается, отошел от прежней деятельности.

Лопатин был близким другом семьи Каннегисеров, людей широких демократических взглядов, отличавшихся любовью к русской культуре. Как замечает Алданов, близко их знавший, Леонид «преклонялся перед личностью Г. А. Лопатина, и, думается мне, ставил его себе примером, — пример далеко не плохой», а Герман Александрович «очень любил молодого человека». В первые годы после революции народовольцы, как и старые большевики, пользовались почетом как борцы с самодержавием. Тем не менее, вспоминает Алданов, уже в то время «Лопатин, сохранивший до конца дней свой бурный темперамент, не стеснялся в выражениях, когда говорил о большевиках и о способах борьбы с ними». И еще один эпизод связан с Лопатиным уже после расстрела Каннегисера. В конце декабря 1918 г. мать Леонида Каннегисера была выпущена из тюрьмы, и в этот же день успела побывать в Петропавловской больнице, где умирал Герман Лопатин. В конце разговора он сказал, что не думал уже увидеть свою давнюю знакомую, боялся, что она сердится на него за гибель сына. На ее вопрос, чем он мог быть виноват, не ответил, и умер спустя несколько часов, больше ничего не сказав. Это было 26 декабря 1918 г.

Многие обстоятельства этого дела неясны до сих пор. Непонятно, почему была арестована и расстреляна группа юнкеров и офицеров, а их предводитель, председатель Союза юнкеров-социалистов остался на свободе, общался с родителями и друзьями. Алданов приводит свидетельство одного из них, что при нем состоялся разговор Каннегисера с Урицким по телефону. Впоследствии газеты писали, что Урицкому было известно об угрозах Каннегисера убить его. Тем не менее в день убийства из дома родителей Леонид на велосипеде поехал в ЧК и ожидал Урицкого в приемной. Когда тот приехал, он просто подошел к нему и выстрелил. Урицкий был убит наповал, а убийца смог выбежать из здания. Но план бегства, по мнению Алданова, не был обдуман заранее.

Никто не помогал ему скрыться. Вместо того, чтобы бежать налево и смешаться с толпой на Невском, Леонид сел на велосипед и поехал вправо по дороге, забыв даже спрятать оружие. Вскоре его стали догонять на автомобиле. Бросив велосипед, он пытался скрыться через ближайший проходной двор, но проходные ворота оказались закрыты...

Ничего героического в смерти Урицкого не было, но она была использована по всей стране для обоснования и усиления «красного террора» по отношению к врагам советской власти. Был ли героем Каннегисер? Наверное, да. У него не оставалось другого выбора, бежать или остаться и сотрудничать с новой властью, он не мог в сложившихся обстоятельствах. И он выбрал единственный способ защитить свою честь. Как и у народовольцев, его акт террора был направлен против высокопоставленного сановника, в данном случае советского, а не против населения. Что касается Урицкого, то даже в «Электронной еврейской энциклопедии» справедливо отмечается, что он «проводил репрессивную политику в отношении офицеров русской армии и всех несогласных с большевистской властью лиц и организаций», в основном в виде расстрелов. Но после него пришел новый начальник ЧК, а расстрелов стало еще больше...



Г.А. Лопатин (1845–1918)



Анна Ахматова. 1913 г.

В 1928 г. в Париже был издан сборник «Леонид Каннегисер», в который вошли немногие сохранившиеся лирические стихи Каннегисера и воспоминания о нем М. Алданова и др. В «Автобиографической прозе» Ахматовой сохранилась запись, датиро-

ванная 1963 г.: «В дни выхода „Четок“ (март 1914 — прим. авт.) нас пригласила к себе издательница „Северных записок“ эсерка Чайкина... мы оказались на банкете в честь только что выпущенных из Шлиссельбурга народовольцев. Я сидела с Л.К. против Германа Лопатина. Потом часто с ужасом вспоминала, как Л.К. сказал мне: „Если бы мне дали „Четки“, я бы согласился провести столько времени в тюрьме, как наш визави“.

Кто-то представил мне Степуна (издатель, публицист — прим. авт.). Он тотчас же сказал: „Возьмите ваш бокал, обойдите стол и чокнитесь с Германом Лопатиным. Я хочу присутствовать при этом историческом моменте“. Я подошла к старику и сказала: „Вы меня не знаете, но я хочу выпить за вас“. Старик ответил какую-то полулюбезность, полудерзость, но это уже неинтересно».

По данным «Электронной еврейской энциклопедии» большая часть литературного наследия Каннегисера хранится в секретном фонде Центрального государственного архива литературы и искусства в Москве. Останься он в живых, вполне возможно и его имя стояло бы в ряду таких выдающихся русских поэтов или литераторов с еврейскими корнями, как Пастернак, Мандельштам, или хотя бы тот же Алданов. Если бы эти люди имели причастность к Евпатории, то вряд ли стоило бы возражать против названия их именами улиц города. А вот «товарищ» Урицкий никогда этого не заслуживал и улица Урицкого в нашем городе представляет теперь некий исторический казус, реликт изжившей себя лжеидеологии.

Ну ладно, скажет читатель, а что хорошего для Евпатории сделал Михаил Булгаков? Мало ли кто заезжал в наш город на несколько дней, просто так или пообщаться с дальними родственниками. Есть и такие, что вообще сомневаются, был ли Булгаков в Евпатории?

Автор этой статьи тоже много лет не мог понять, почему в своем «Театральном романе» Михаил Афанасьевич упомянул Евпаторию? Кое-что прояснилось в 2000 г., когда удалось познакомиться с 5-томным собранием сочинений Булгакова и обнаружить там фельетон «Сильнодействующее средство». В своей публикации в местной газете «Трибуна» в марте 2002 г. поставил вопрос о посещении писателем нашего города, на который, казалось, после прочтения статьи и фельетона, любой читатель даст положительный ответ. Но редакция фельетон Булгакова не напечатала, а публикацию без ведома автора урезала так, что становилось непонятно, был писатель в Евпатории или не был.

И все же даже в таком виде публикация вызвала эффект. Много лет молчавшие родственники писателя обнаружили себя, а главное то, что жива была Любовь Александровна Минакова, сохранившая свои детские воспоминания о встрече с Булгаковым, о рассказах родителей, о многих обстоятельствах жизни в то время. Однажды летом 2004 г. она позвонила по телефону и мы встретились. С помощью Л.А. Минаковой удалось проделать кропотливую работу, чтобы из того, что она помнит, из того, что известно о жизни Булгакова, из того, что он написал или опубликовал, составить реальную картину посещения Евпатории.

С большой достоверностью удалось установить дату посещения. В 1923 г. Булгаков работал в газете «Гудок» обработчиком писем читателей, на основе которых им составлялись заметки или фельетоны. В середине этого года Булгаков становится штатным фельетонистом «Гудка», теперь он иногда выезжает в другие города. В этом же декабре «Гудок» публикует 12 числа его фельетон «Лестница в рай» и 25 числа большой (для газеты) рассказ «Налет», эпизод гражданской войны. Следующей публикацией в самом начале 1924 г. и было «Сильнодействующее средство». Известно, что писатель был в Москве перед самым Новым годом и там же его встречал. Значит, поездка в Евпаторию была между 12 и 25 декабря. Дневниковые записи за период после 6 ноября 1923 г. до 8 января 1924 г. отсутствуют (хотя они могут быть утрачены). Недавно удалось уточнить, что 22 декабря Булгаков уже был в Москве и участвовал в литературном вечере (Никитинский субботник). Поэтому он мог быть в Евпатории между 12 и 20 декабря.

Такой точной даты Л.А. Минакова через десятки лет вспомнить точно, конечно, не могла. Однако ее воспоминания о многих деталях тех событий вполне соответствуют тому времени. Ей в то время уже исполнилось четыре года. Старшая сестра Шура ходила в школу, а Люба с братом Петей были дома, когда приехал Булгаков. Второй раз они видели писателя в день его отъезда, он повел их в магазин купить конфет. Одеты они были тепло, позимнему. Скорее всего, это был декабрь, Любовь Александровна помнит, что уже начали готовить игрушки и подставку для елки, но самой елки еще не было.

Внимание писателя к детям вполне соответствует известным сведениям из его биографии. Ему даже было в свое время вручено удостоверение «Друг детей», когда-то всерьез присваивали такое звание.



М.А. Булгаков, 1923. Рисунок А.Куренного

**Рисунок В. Куренного сделан на московских литературных посиделках «Никитинские субботники». Слева внизу автограф самого М. Булгакова с указанием даты 22.XII.1923.*

Тщательное изучение фельетона «Сильнодействующее средство» также подтверждает, что это реальный документ о посещении Булгаковым Евпатории. После анализа всех известных материалов Булгакова-журналиста, и особенно за период работы в «Гудке», обнаружилось, что если материал основан на письме в редакцию или письме рабкора, то это обязательно отмечается либо цитатой, либо эпиграфом, т.е. Булгаков дает понять, что пишет в редакции и основывается на чужом сообщении. Бывают

публикации явно юмористического, шутливого характера, и тогда имена вымышлены так, что читатель легко это понимает. Но в «Сильнодействующем средстве» эти моменты явно отсутствуют, из чего следует, что всю ответственность за материал Булгаков берет на себя. Кроме того, указывается реальное лицо, учительница Клавдия Войтенко, реальный адрес, школа ликбеза станции Евпатория Южных железных дорог, культотдел г. Симферополь. Газета «Гудок» действительно тогда была одной из главных газет страны, а железнодорожное ведомство по совместительству возглавлял Дзержинский!

Мог ли Булгаков, недавний врач белой армии, характеризуя «кабинет крымского культотдела» написать: «Накурено, тесно и паршиво», не видя это лично. Ведь тогда был риск, что его обвинят в умышленном очернении советской действительности! И риск бессмысленный... А если бы оказалось, что никакой Войтенко не существует, можно не сомневаться, сразу бы последовал донос чекистам в ОГПУ. Такое это было время.

В эпиграфе фельетона читаем: «Если К. Войтенко не уплатят жалованья, пьеса будет отправлена „Гудком“ в Малый театр в Москву, где ее и поставят». Здесь явная нелогичность: если сильнодействующим средством оказывается только намерение героини написать в «Гудок», и она этого не сделала, то непонятно, как узнали об этом в газете?

Решение этой загадки только подтверждает приезд писателя в Евпаторию. Не было письма в редакцию от Войтенко или от рабкора, да и сам факт вряд ли посчитали бы достойным того, чтобы командировать Булгакова в Евпаторию.

Была поездка Булгакова в Евпаторию к родным и вполне булгаковская история. Основные ее моменты удалось реконструировать.

Приезд к родным в Евпаторию не мог остаться незамеченным среди родственников и знакомых, тем более дела у столичного журналиста Булгакова складывались в этот период удачно. Узнав о его пребывании в Евпатории, к нему обращается со своей бедой К. Войтенко, к тому же ее дело имеет отношение к железнодорожному ведомству. Известно, что Булгаков всегда по возможности помогал людям, к нему обращавшимся, хотя бы советом. Он внимательно разобрался в этом деле, недаром сказано в характеристике Войтенко, у нее «в руках какие-то бумаги». Из содержания фельетона следует, что работала Войтенко учительницей школы ликбеза станции Евпатория, но платить ей должен был крымский культотдел, вероятно относящийся к другому ведомству, и в силу каких-нибудь бюрократических трений, не платили ни те, ни другие. Ситуация была близка и знакома Бул-

гакову, и не могла не вызвать сочувствия. Ему и до этого приходилось, и в будущем пришлось тоже зачастую «выбивать» оплату за свой труд.

Как видно, Булгаков побывал в Симферополе, возможно вместе с Войтенко, и детально описал в фельетоне место действия. Скорее всего, не обошлось без розыгрыша, возможно Булгаков как-то «сыграл» роль столичного журналиста.

В Симферополе, конечно, Булгакову обещали, что зарплату выплатят, поэтому виновные в фельетоне не названы конкретно. И тут возникает интересная коллизия: уедет Булгаков, Войтенко опять не будут платить, и как тогда будет выглядеть писатель в этом деле? Михаил Афанасьевич находит остроумный выход, по приезду в Москву убеждает редакцию, что и честь «Гудка» может пострадать, и человеку необходимо помочь, так что «пьесу» немедленно публикуют. Адресат К. Войтенко указан точно, и теперь она знает, что «Гудок» следит за ее делом, а Булгаков сделал все возможное. Во избежание лишних домыслов указано, что «учительница неопределенного возраста». Кроме того, по этой «пьесе» его могли заметить руководители МХАТ, ведь спустя год с небольшим ему предложили написать уже настоящую пьесу! Теперь ясно, что в целом это виртуозная журналистская работа, о которой и сам писатель, наверное, вспоминал с удовольствием. А заодно и о Евпатории сохранились приятные впечатления.

Стало понятно упоминание Евпатории в «Театральном романе» в ряду таких городов, как Астрахань, Вологда, Ленинград. С этими городами у Булгакова тоже связаны приятные воспоминания, встречи с друзьями. Ведь не вспоминает он здесь Владикавказ, Батум или Тифлис, и даже родной Киев, где приходилось бедствовать и испытать много горя и невзгод.

Если коротко определить основную черту характера Булгакова, то это был человек, который любил смеяться. По воспоминаниям одной его близкой знакомой, совсем незадолго до смерти, увидев печальные лица родных и друзей, писатель сказал: «Не смейте меня оплакивать, лучше вспоминайте меня веселого». Такому человеку нелегко приходилось в 20-х и 30-х годах при советской власти. Даже смех должен был быть идеологически выдержанным. Любого смеющегося человека могли заподозрить в том, что смеется он над советской властью или ее вождями. За это с помощью «урицких» и им подобных можно было попасть в лагерь и лишиться жизни. Так случилось с одним из самых талантливых поэтов того времени Мандельштамом. Его насмешливые стихи о «вожде всех народов» дошли до адресата, и судьба его была предрешена.

Но именно в те времена Булгаков решает для себя, что худшим людским пороком является трусость. И хотя его дневник тех лет ныне называется «Под пятой», в своем писательском творчестве писатель всегда был свободен и честен. В том же 1923 г. в октябре-ноябре в берлинской газете «Накануне» появился его очерк «Золотистый город» о Выставке достижений советского хозяйства. С иронией в нем рассказывается о посещении павильона кустарных промыслов, где с гордостью демонстрировали «маленький бюст Троцкого» из мамонтовой кости. «И всюду Троцкий, Троцкий, Троцкий. Черный бронзовый, белый гипсовый, костяной, всякий». Влиятельный тогда Троцкий, которого почти все считали наследником умиравшего Ленина, был в бешенстве. Неудивительно, что Булгаков становится постоянной мишенью советской партийной критики, наряду с «есенинщиной» еще более вредным явлением в литературе объявили «булгаковщину». Поэтому Булгакову пришлось оставить ремесло писателя-сатирика, как он сам себя называл в письме к Сталину, а потом и успешную в течение нескольких лет карьеру драматурга. И все равно, и в сравнительно удачные периоды жизни, и во времена невзгод, Михаил Афанасьевич многим знавшим его людям запомнился своими шутками и необычными поступками.

При этом он выделялся во время работы в «Гудке» даже на фоне таких мастеров сатиры и юмора, как Евгений Петров, Юрий Олеша. В начале своей работы фельетонистом он начал подписываться псевдонимом Г.П. Ухов. Только после того, как прошел ряд фельетонов, это заметили, и разразился скандал. Редакционное начальство было надолго напугано. В 1925 г. Булгаков, уже известный писатель, автор «Белой гвардии», многих очерков, рассказов и повестей, больше года не мог напечатать свою лучшую, как он считал, повесть «Собачье сердце». А в 1926 г. пришлось с обыском и изъятием дневники Булгакова и «Собачье сердце», при жизни автора так и не опубликованное. При обыске, когда обычно люди в страхе и отчаянии ждут своей участи, случился эпизод, описанный в воспоминаниях Л.А. Белозерской, в то время жены писателя: «Славкин (следователь — прим. авт.) занялся книжными полками. „Пенсне“ (помощник следователя — прим. авт.) стало переворачивать кресла и колоть их длинной спицей. И тут случилось неожиданное: М.А. сказал: Ну, Любаша, если твои кресла выстрелят, я не отвечаю. (Кресла были мною куплены на складе бесхозной мебели — прим. Белозерской).

И на нас обоих напал смех, может быть, нервный».

Все эти черты Булгакова ярко проявились и во время визита в Евпаторию, отразившись и в «Сильнодействующем средстве».

Эту «пьесу» хоть сейчас можно бы поставить с лучшими артистами и это было бы и злободневно и смешно. Дальнейшее изучение творчества Булгакова показало, что это было первое его произведение театрализованной формы после «кавказского периода». Но написанные тогда для пропитания конъюнктурные пьесы к этому времени были писателем уничтожены. О них он сам написал в автобиографической повести «Записки на манжетах»: «...Вы, беллетристы, драматурги в Париже, в Берлине, попробуйте! Попробуйте, потехи ради, написать что-нибудь хуже! Будь вы так способны, как Куприн, Бунин или Горький, вам это не удастся. Рекорд побил я! В коллективном творчестве. Писали же втроем: я, помощник поверенного и голодуха. В 21-м году, в его начале...». Есть что-то мистическое, что именно в Евпатории, городе с богатыми театральными традициями, у Булгакова с новой силой открылся его дар драматурга. Именно тогда произошло событие, в итоге приведшее его во МХАТ, к встрече с тогдашними корифеями этого театра, тоже в свое время посещавшими Евпаторию.

Но было у этой поездки и отрицательное последствие, с писательством и театром напрямую не связанное. Михаил Афанасьевич любил и умел ухаживать за женщинами. Об этом хорошо знала и его тогдашняя жена Татьяна Лаппа. До поры до времени Булгаков объяснял ей, что это необходимо для его работы. Вряд ли жене понравился евпаторийский фельетон, да еще не очень удачная попытка с указанием возраста учительницы как «неопределенного». Любая женщина в таком случае заподозрит обман. Трещина в отношениях супругов к этому времени уже была, Татьяна часто оставалась дома одна, а Михаил приходил поздно, часто и навеселе после встреч с друзьями. Он пытался еще шутить, но уже не мог развеселить жену, которой было не до смеха. А в начале 1924 года он встретил Любовь Белозерскую, понимание с ее стороны и общее веселье. К 1925 году Михаил разошелся с Татьяной и женился на Белозерской. Прошли годы, и пришло время, трудное для писателя, а Белозерской было уже весело с другими. Как и с Татьяной, Михаил и Любовь расстались спокойно и без скандалов, а вскоре он встретил Елену Сергеевну, ставшую женой и в радости и в горе, на всю оставшуюся жизнь. А шутки и веселое настроение Булгакова она ценила больше всего.

Не исключено, что с персонажем фельетона, Клавдией Войтенко (урожденной Манько), Булгаков был знаком еще раньше, в дореволюционной жизни. По сохранившимся воспоминаниям евпаторийских родственников, первый раз Булгаков побывал в Евпатории в мае 1911 г., когда ему было 20 лет. Тогда он мог познакомиться с Войтенко. К сожалению, документальных свиде-

тельств не сохранилось. Попытки найти потомков Войтенко пока результатов не дали, хотя в Евпатории живут люди с такой фамилией. Л.А. Минакова обзвонила по телефону, наверное, всех, но никто не помнит. Любопытно, что в одной из школ нашлась даже учительница с такой фамилией, но тоже не признавшая родственницей Клавдию Войтенко.

После установления в прошлом году на доме №12 по улице Урицкого памятной доски о приезде М.А. Булгакова, в киевской газете «2000» и симферопольской «Крымское время» появились публикации («пасквили» по определению Л. А. Минаковой) искажающие факты, ложно излагающие события и даты. Это было бы смешно, если бы не просматривалась некая тенденция. И при жизни Булгакова ложь была главным оружием его критиков. Теперь подобная ложь направлена против Булгакова и Евпатории. Например, «Крымское время», для начала исказив фамилию Минаковой, сомневается в приезде Булгакова на том основании, что в местном музее об этом ничего не знают. Оказывается, Михаил Афанасьевич не удосужился предоставить в музей о своем приезде соответствующий документ или экспонат. Порадую музейных ревнителей, имеется документ из киевского музея Булгакова, свидетельствующий о том, что и о фельетоне «Сильнодействующее средство» там тоже ничего не знают. Два года назад в Киев были послано сообщение, но ответа до сих пор не последовало. В этом году киевский музей выпустил в свет небольшим тиражом 1000 экз. книгу с претенциозным заглавием «Весь Булгаков», но о Евпатории там ни строчки. Книга выпущена в «шикарном» варианте, стоит около 200 гривен, содержит в основном широко известные сведения. Как видно, предназначена для иностранцев и людей с толстым кошельком, а не для своего думающего и заинтересованного читателя. Думаю, нетрудно догадаться, что в духе времени кто-то старается «приватизировать» Булгакова и стричь купоны с его наследия. Из работ последнего времени, заслуживающих внимания и открывающих новое о писателе, следует отметить книгу В.И. Сахарова «Михаил Булгаков: писатель и власть» (Москва, «ОЛМА-ПРЕСС», 2000 г.).

Кроме того, существует еще и конкуренция со стороны как крымских, так и киевских заинтересованных сторон. Есть те, кому не нравится, что в истории нашего города открылась еще одна яркая страница, связанная с Булгаковым, несомненно, дающая ценный вклад в привлекательность Евпатории для отдыхающих и туристов. Кто-то позавидует, что в их городе нет подобного, а кто-то посчитает, что менее привлекательной будет их реклама турецких и прочих «некрымских» мест отдыха. Хочется

только отметить, что на уточнения и опровержения, посланные в эти газеты, ответом было глухое молчание. Всем же сомневающимся и «сомневающимся» по заказу ответом будут служить слова самого Булгакова, сказанные в предисловии к одному из фельетонов 1924 г.: «Когда описываешь советский быт, товарищи писатели земли русской, а в особенности заграничной, не нужно врать. Чтобы не врать, лучше всего пользоваться подлинными документами».

Думается, что в нынешние времена вопросы переименования улиц должны решать сами горожане с помощью представителей власти и общественности, не дожидаясь указаний или подсказки сверху или со стороны. Примером такого правильного шага является переименование улицы Свердлова и возвращение ей исторического названия Дувановская. Если бы можно было спросить мнение Ахматовой (память о ней сохраняется в нашем городе), то можно не сомневаться, на чьей стороне она бы оказалась.

Знакомство Ахматовой и Булгакова произошло летом 1933 г. в Ленинграде, в доме художника Николая Радлова. Потом она бывала у Булгаковых в Москве, слушала его чтение первых глав «Мастера и Маргариты», после его смерти дружила с Еленой Сергеевной Булгаковой, одной из первых прочитала и высоко оценила этот роман. Булгакову посвящено ее стихотворение, где есть строчки: «Ты пил вино, ты как никто шутил...». В дневнике Е.С. Булгаковой осталась запись от 30 октября 1935 г.: «Днем позвонили в квартиру. Выхожу — Ахматова — с таким ужасным лицом, до того исхудавшая, что я ее не узнала и Миша тоже. Оказалось, что у нее в одну ночь арестовали и мужа (Пунина) и сына (Гумилева). Приехала подавать письмо Иосифу Виссарионовичу. В явном расстройстве, бормочет что-то про себя». Известно, что Булгаков помог Ахматовой составить письмо на имя Сталина, посоветовал переписать его от руки и потом радовался успеху этого послания.

Об улице Булгакова автор статьи трижды писал в газете «Литературный Крым», обращался и к властям города. Но пока только хватило духу на установление памятной доски. Поэтому приходится повторяться и привести выдержки из прежних публикаций:

«...было бы неплохо, чтобы в городе появилась улица Булгакова и еще лучше, если она будет пересекаться с улицей Гоголя. Булгаков считал Гоголя одним из своих учителей и старался продолжить в литературе гоголевские традиции. На могиле Булгакова в Москве ныне находится гранитная глыба, голгофа, снятая с могилы Гоголя при установке нового памятника. Гоголь был его любимый писатель. А голгофа некогда была привезена в Москву из Крыма...» (*«ЛК», №№ 39-40 от 29 октября 2004 г.*).

«Если когда-нибудь в Евпатории появится улица Булгакова, это будет лучшим финалом нашей булгаковской истории. Как-то мы говорили с Любовью Александровной об этом и вдруг подумали, есть музеи Булгакова в Киеве и Москве, но нигде нет улицы Булгакова. И городские власти Евпатории имеют теперь, по нашему мнению, все основания, чтобы такая улица впервые появилась бы в Евпатории!» («ЛК», №№13-14 от 15 апреля 2005 г.).

«Будем также надеяться, что со временем финансовое положение Евпатории позволит восстановить историческую справедливость и заменить название улицы Урицкого, не имеющего никакого отношения к городу. А улица Булгакова украсит Евпаторию, как и памятная доска, посвященная писателю» («ЛК», №№21-22 от 9 июня 2006 г.).

Тогда будет восстановлена историческая справедливость, так как Урицкого с помощью обмана и пропагандистской истерии представили героем, достойным почитания, а честного, смелого и веселого человека, писателя Михаила Булгакова затравили до смерти, на десятилетия спрятав от читателей его произведения и правду о нем. В разговоре с одним из местных чиновников мне было сказано, что власти об этом прекрасно знают, да вот финансовая сторона не позволяет это дело решить. Вряд ли этот довод заслуживает внимания. В данном случае это касается чести города, а честь дороже денег. Будем надеяться, что совместно общественность и власти, наконец, решат этот вопрос законным и официальным порядком, справедливость восторжествует, а город избавится от еще одного темного пятна прошлого.

Автор благодарит Л.А. Минакову за помощь и сотрудничество, а также всех друзей и знакомых, выразивших ему свою поддержку, и надеется на поддержку всех жителей города.

6 ноября 2006



Информация к размышлению

 MIGnews.com.ua



// 16.12.2010 // 06:17 //

Киевские улицы переименовуют.

В Киеве переименовуют почти 200 улиц. Об этом сообщил член комиссии по переименованию улиц, установки памятных знаков и мемориальных досок КГГА, глава постоянной комиссии Киевсовета по вопросам культуры и туризма, депутат горсовета от БЮТ, писатель Александр Бригинец. Большинство улиц, которые подлежат переименованию, это улицы-дублиеры, то есть улицы с одинаковыми названиями. Кроме того, планируется изменить название 34-х улиц по "идеологическим" соображениям. В частности, будут переименованы улицы Артема, Мельникова, Урицкого.

Все предложения о переименовании киевских улиц, одобренные профильной комиссией КГГА, будут направлены на срочное повторное рассмотрение в Киевсовет. Речь идет о 34 улицах, решения о переименованиях которых были приняты комиссией, но так и не проголосованы Киевсоветом из-за несоответствующего оформления документов, или же не подписаны мэром.

Кроме того, в Киеве появится 22 новых улицы и одна площадь.

Интересно, что три инициативы главы столичной администрации Александра Попова комиссия по переименованию отклонила. В частности, тот предлагал переименовать улицу Физкультурную в честь бывшего президента Международного олимпийского комитета Хуана Антонио Самаранча, также наименовать одну из городских улиц в честь Соловьянского и установить мемориальную доску Александру Лядко (который 15 лет возглавлял советское правительство в Украине). Предложения были отклонены под тем предлогом, что с момента смерти человека, в честь которого хотят что-либо назвать, должно пройти 10 лет.

"Если приплюсовать эти 60 улиц, их 90 дублеров и еще 34 наполовину согласованных переименований, то нас ожидает очень серьезная волна переименований", - прогнозирует Александр Бригинец.

(Сокращенный вариант статьи)

По материалам stolitsa.kyivpravd.info

Заместитель председателя КГГА Сергей Рудик рассказал, сколько стоит переименование улиц в Киеве.

Сайт Киевский портал

Об этом Киевскому portalу сообщили в пресс-службе Киевгорадминистрации.

По словам Рудика, для обеспечения жилого дома новыми номерными знаками, указателями на подъездах и досками объявлений необходимо в среднем 615 грн. Причем все таблички будут унифицированными: единого образца и с обязательной подсветкой.

Таким образом, на проведение мероприятий по переименованию, например, такой большой улицы, как проспект Советской Украины на проспект Георгия Гонгалдзе (38 домов) нужно 23 376 грн, а ул. Службной на ул. Василия Степанченко (7 домов) - 4 306 грн. Относительно улицы Ивана Мазепы (бывшая Январского восстания), на которой расположено 93 дома, то на ее переименование нужно 57 209 грн. Все таблички с названиями улиц и номерами домов изготавливает коммунальное предприятие "Киевжилспецэксплуатация", а заказывают и устанавливают соответствующие районные в г. Киеве государственные администрации.

Финансирование затрат на изготовление и установление уличных указателей осуществляется за счет балансодержателя (коммунального предприятия "Киевдорсервис" или другого юридического лица). Ориентировочная стоимость замены одного указателя - 2 тыс. грн.

Финансовые затраты, связанные с внесением изменения в уставные документы и перерегистрацией у государственных регистраторов составляют: для юридических лиц - 51 грн, а для физических лиц - предпринимателей - 11,20 грн. Относительно затрат для киевлян, то в случае изменения названия улицы жители осуществляют только процедуру перерегистрации, продолжительность осуществления которой не ограничена по сроку.

Перерегистрация может проходить во время замены паспорта, обновления фотокарточек, изменения фамилии и т.п., т.е. когда у человека возникает потребность обратиться к паспортисту. При перерегистрации граждане оплачивают только госпошлину в размере 0,85 грн и услуги органов регистрации МВД Украины в размере 44,50 грн. Другие документы заменять не нужно. В случае необходимости осуществления нотариальных действий с недвижимостью Главное управление по вопросам внутренней политики КГГА бесплатно выдает жителям справки об осуществленном переименовании улицы, которые нотариусы приобщают к делу.

Как следует из последнего прилагаемого ниже документа, в Крыму и Евпатории действуют совсем другие законы, нежели в Киеве, Львове и других городах, особенно Западной Украины, где улицы переименовывают даже больше одного раза в год.

В Евпатории переименование улицы повлечет для ее жителей финансовую катастрофу, и заботливые власти «заботятся» о том, чтобы их от этого уберечь.



Украина

Автономная Республика Крым

Евпаторийский городской совет

97416, г.Евпатория, пр. Ленина, 2, тел. 3-23-01
Иск.№М-4/240/2 от «94» 02 2011г.
На № М-4/2564/2 от 21.12.2010г.
№ М-4/208/2 от 11.02.2011г.
№ М-4/240/2 от 21.02.2011г.

Мошкову В.А.
г.Евпатория,
ул.Коммунальная,8

Уважаемый Валерий Алексеевич!

На Ваши неоднократные обращения в городской совет и в прокуратуру г.Евпатории по вопросу переименования улицы Урицкого в улицу им. М.Булгакова сообщаем следующее.

По поручению городского головы данный вопрос был рассмотрен на заседании профильной постоянной комиссии по вопросам регламента, депутатской деятельности и этики, связей с общественностью, межнациональных отношений, информационной политики, законности и защиты прав граждан, о чем Вы были проинформированы в предыдущем ответе. По инициативе комиссии для более детального изучения возможных последствий переименования улицы для граждан и юридических лиц, которые зарегистрированы по улице Урицкого, нами были направлены запросы в КРП «Бюро регистрации и технической инвентаризации г.Евпатории», в налоговую инспекцию г.Евпатории, в отдел государственной регистрации исполнительного комитета, в отдел по торговле и предпринимательству Евпаторийского городского совета и в отдел ГАИ по обслуживанию административной территории г.Евпатории при УГАИ ГУ МВД Украины в АР Крым.

Проанализировав все полученные ответы можно сделать вывод, что помимо финансовых затрат, возникает очень много формальностей, урегулировать которые должны будут граждане и юридические лица.

По имеющимся данным отдела ведения Государственного реестра избирателей, на улице Урицкого находится 5 многоквартирных жилых домов, в которых зарегистрирован 41 человек. Каждый зарегистрированный гражданин должен будет лично обратиться в сектор гражданства, иммиграции, регистрации физических лиц Евпаторийского ГО ГУ МВД Украины в АР Крым (паспортный стол) для перерегистрации по новому адресу.

Большинство квартир находится в частной собственности жителей г.Евпатории, а также граждан Украины и других государств, которые не зарегистрированы в г.Евпатории, но интересы которых в данном случае тоже будут затронуты. При изменении адреса им всем необходимо будет внести соответствующие изменения в правоустанавливающие документы, т.е. граждане вынуждены будут тратить свое личное время для урегулирования этого вопроса с КРП «Бюро регистрации и технической инвентаризации г.Евпатории», ориентировочная стоимость выполнения работ для каждого собственника составит минимум 400 грн.

По данным налогового учета ГНИ г.Евпатории, полученных от государственного регистратора, зарегистрировано 7 юридических лиц (в том числе 2 общества совладельцев многоквартирных домов) и 3 физических лица – предпринимателя, у которых улица Урицкого зарегистрирована, как юридический адрес. Согласно ответу отдела государственной регистрации исполнительного комитета, порядок внесения изменений в сведения о юридическом лице, содержащиеся в Едином реестре юридических лиц и физических лиц-предпринимателей (далее-ЕГР), государственной регистрации изменений в учредительные документы юридического лица, государственной регистрации изменений в сведения о физическом лице-предпринимателе, содержащиеся в ЕГР, определяется Законом Украины «О государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей». Поскольку учредительные документы юридического лица в обязательном порядке должны содержать сведения о его местонахождении,

в случае изменения наименования улицы для проведения государственной регистрации изменений в учредительные документы юридическое лицо обязано предоставить:

- заполненную регистрационную карточку на проведение государственной регистрации изменений в учредительные документы (ф.3);
- оригинал или нотариально заверенную копию решения о внесении изменений в учредительные документы;
- документ, подтверждающий правомочность принятия решения о внесении изменений в учредительные документы;
- оригиналы учредительных документов с отметкой об их государственной регистрации со всеми изменениями, действующими на день подачи документов;
- два экземпляра изменений в учредительные документы в виде отдельных приложений или два экземпляра учредительных документов в новой редакции (подписи учредителей должны быть заверены нотариально);
- свидетельство о государственной регистрации;
- паспорт и доверенность на предоставление документов, в случае, если предоставляет уполномоченное лицо.

В случае изменения адреса юридического лица также производится замена справки о постановке на налоговый учет (ф.4-ОПП) на основании личного заявления плательщика, поданного в ГНИ по основному месту учета плательщика налогов.

Для внесения изменений в бланки: «Свидетельство на право уплаты единого налога субъектом малого предпринимательства – юридическим лицом», «Торговый патент на право осуществления торговой деятельности, деятельности по предоставлению платных бытовых услуг, деятельности по торговле валютными ценностями, деятельности по оказанию услуг в сфере развлечений» плательщику необходимо обратиться в органы государственной налоговой службы по месту выдачи таких документов с заявлением о внесении соответствующих изменений.

В случае внесения изменений в данные неприбыльных организаций, какими являются общества совладельцев многоквартирных домов, такая неприбыльная организация обязана в 10-дневный срок с момента возникновения изменений подать в орган государственной налоговой службы по месту нахождения документы с указанными изменениями и дополнительную регистрационную заявку с отметкой «изменения».

Кроме этого, владельцы транспортных средств (как граждане, так и юридические лица) должны будут обратиться в отдел ГАИ по обслуживанию административной территории г.Евпатории при УГАИ ГУ МВД Украины в АР Крым, чтобы внести соответствующие изменения в свидетельство о регистрации транспортного средства. Данная услуга является платной.

Исходя из вышеизложенного, наглядно видно, какие процедуры должны будут соблюсти, какие именно действия вынуждены будут предпринять граждане и юридические лица при изменении наименования улицы и какие им будут причинены неудобства.

Кроме этого, информируем Вас, что в городской совет поступило коллективное обращение граждан, проживающих по улице Урицкого (20 человек), а также обращение от клуба избирателей «Справедливость», в котором они выражают свое несогласие с переименованием улицы.

Секретарь городского совета



А.А.Николаевко

Герасимчук Н.В.
3-23-85
ОЩ-1

2014-2016 — Будет ли в Евпатории улица Михаила Булгакова?

Статьи с таким названием автору уже приходилось публиковать в прежней «Евпаторийской здравнице» (декабрь 2006) и «Литературной газете+Курьер культуры: Крым-Севастополь» (2009). Но тогда ситуация была другая, этим делом «плотно» занимался В.М. Заскока, и как он уверял на протяжении двух-трех лет, дело должно было вот-вот решиться: Андрей Петрович <Даниленко, мэр Евпатории> «за», нужные документы представлены куда надо.

Но в 2010 году уже приближался трехлетний срок этим обещаниям, и вопреки пословице автора «стали терзать смутные сомнения», что обещанного не дождешься. За разъяснениями 18 июня обратился с заявлением (см. Приложение 1) в Общественный Совет (далее — ОС) города, где председателем был Андрей Петрович, замом Заскока, а секретарем А. Николаенко. Бумагу вручить оказалось не так просто, так как Заскока стал в позу обиженного недоверием и вскоре приказал в Центр занятости к нему с этим делом не пускать, а потом не пускать вообще.

В приемной Горсовета бумагу не принимали, потому что она к ним не относилась, а комната ОС недели две была закрыта. Однажды Анжеле Александровну удалось застать и бумагу вручить. Она тоже рассказывала, что ОС все решил, переименование улицы Урицкого в честь М. Булгакова одобрил, и необходимые бумаги в Горсовет подал. Вскоре состоится заседание, и меня даже могут пригласить участвовать. Удалось даже получить копии резолюции ОС (от 17 июля 2009) и обращения Заскоки к секретарю Горсовета М. Ведмецкой (от 22 июля 2009) с упоминанием приложения пяти листов с подписями Инициативной группы граждан.

Потом 19 августа 2010 побывал на заседании комиссии Горсовета по этому вопросу, в зал допустили на 10 минут, чтобы пояснить депутатам необходимость переименования. Характерно, что никого из ОС на этом этапе рассмотрения вопроса уже не было, как и в дальнейшем, а мне после этого будут вменять, что только один человек в городе об этом хлопочет.

Более того, на том же заседании М. Ведмецкая объявила, что никаких документов от ОС не поступало, зато есть заявление граждан, прослышавших об этом, против переименования. Много позже мне показали это заявление с пятью-шестью подписями, причем, двое граждан не были жителями Евпатории. Посему было решено данный вопрос на сессию Горсовета не выносить.

Начались мои попытки выяснить, где же документы? Канцелярия исполкома 20 августа 2010, а затем и 7 сентября 2011 сообщала, что к ним документы не поступали, Заскока их не передавал. Зная его дотошность в таких делах, я просил ОС предоставить доказательства, что документы были переданы Ведмецкой, но они это не смогли сделать. А в это время приближались выборы. Анжела Николаевна конфиденциально попросила пока с этими делами подождать, уверяя, что после выборов будет новая ситуация и все вопросы будут решены. Пришлось согласиться — ведь выборы дело государственное.

Выборы прошли, и Анжела Александровна Николаенко из должности секретаря ОС пересела в кресло секретаря Горсовета, т.е. заменила Ведмецкую. Заскока стал депутатом Горсовета и председателем комиссии по этике, законности и правам граждан, а Андрей Петрович сохранил свою должность. Можно было подумать, что теперь эти люди, возглавлявшие ОС, одоббившие переименование, возглавив Горсовет, воплотят свою резолюцию в жизнь. Но оказывается, городская политика — дело темное и непредсказуемое, как и политика вообще.

8 декабря 2011 удалось попасть на прием к Николаенко. Мне сообщили, что документы нашлись, и теперь они находятся в соответствующем отделе, но ОС прекратил свое существование, да и вообще он был нелегитимным органом, разве что консультативным. 27 декабря комиссия (конечно Заскоки!) снова рассмотрела вопрос и теперь все документы якобы появились (в копиях). Было решено, что переименование станет финансовой катастрофой для жителей улицы Урицкого, потому что им всем придется тут же идти и менять всевозможные документы. До 31 декабря обещали провести встречу с жителями улицы Урицкого для изучения их мнения: согласны ли они ради переименования пойти на такое разорение?

Будучи информирован из прессы и Интернета о многочисленных переименованиях улиц в Киеве, Харькове и др. городах, особенно на Западе Украины, позволил себе в это не поверить. Разве не проще решить проблему, просто выдав нуждающимся справку, что улица была переименована? Иногда устанавливают переходной срок на несколько лет и т.п. Нет, мне говорили, надо устраивать сход жителей улицы и если все как один согласятся, тогда переименуем. Но при чем тут жители улицы, ведь улица и ее название принадлежит городу, а не жителям улицы. Такие вопросы по уму и должен решать Горсовет. Поняв, что все это игры чиновников, которые сменив партийную принадлежность поменяли свое мнение на 180 градусов, потребовал вернуть все

документы Инициативной группы граждан, которые были в свое время переданы в ОС.

Они представляли собой ксерокопии публикаций с обоснованием переименования улицы, носящей имя Урицкого, одного из первых организаторов массового «красного террора», первого в ряду таких палачей, как Ягода, Ежов, Берия и т.п. Были собраны подписи жителей города (автором этой статьи), и жителей улицы Урицкого. Их собирала тогда 90-летняя Любовь Александровна Минакова, ходила по домам и квартирам и собрала около 20 подписей. А всего на улице, как сообщал горисполком, было прописано 41 человек.

Но отдать документы обратно мне отказали. Тогда возникло подозрение, что их действительно утеряли, или «краевед» Заскока по старой привычке оставил в своем архиве, а на самом деле, как ранее сообщала Ведмецкая и подтверждала канцелярия, в Горсовет и горисполком он их все-таки не передавал?

Странно повели себя в горисполкоме, когда потребовал хотя бы показать, что эти документы находятся у них, убедиться в их существовании. Мне было предложено позвонить Заскоке, и если он разрешит, то мне их покажут. Но Заскока не разрешил. Чтобы довести уже это абсурдное дело до конца, не пожалел небольшой суммы и подал в суд. Здесь тоже начались чудеса. Заявление в суд относил, когда он был на улице Перекопской в нижнем этаже обычного дома, а вот рассматривала его судья Абзатова уже в новом здании «Правосудия». Когда-то это был Горком партии. После развала СССР и КПСС его должны были по указу отдать горсуду, но как-то власти тогда сумели оттянуть это решение лет на 20. Хотя тогдашний председатель горсуда Лебедев много хлопотал по этому поводу, пока не ушел на пенсию.

Случайно или нет, эта передача состоялась во время рассмотрения «булгаковского дела»? Михаил Афanasьевич этому бы не поверил. Вот и автор полагал, что благодарные нынешним городским властям судьи энное количество дел будут рассматривать в режиме наибольшего благоприятствования для «дарителей».

Так и получилось, ответчики не только не явились, но даже не прислали объяснений, не говоря уже об адвокатах. Все эти функции судья взяла на себя, поэтому результат был предсказуем. Оказывается, такое теперь возможно. Пришлось подать в апелляцию, а затем и в Верховный Суд Украины. Апелляция в Симферополе лихо проштамповала решение горсуда, даже не уразумев, на мой взгляд, сути дела. Ведь в Симферополе тоже власти свято хранят улицы имени Бела Куна, Землячки и других крымских палачей 1920-х годов.

Дело ушло в Киев и с тех пор ни слуху, ни духу. В нынешней ситуации теперь уже украинские судьям не указ и дело должны решать новые городские власти.

Вот и выходит, что история с переименованием улицы Урицкого далеко не такая простая. Она отражает все язвы и болезни бывшей городской власти и в то же время власти вообще. Когда сегодня вам говорят одно, а завтра те же люди — другое. Когда сегодня они в одной партии, а завтра — в другой. Ко всему прочему, ситуация выглядит комичной: сначала Даниленко, Заскока, Николаенко в Общественном Совете при городском голове своей резолюцией одобряли переименование, а затем те же Даниленко, Николаенко и Заскока, вступив в «Партию регионов» задействовали все ресурсы власти, чтобы эту резолюцию свести на нет. Это было бы смешно, если бы не было так грустно...

Ведь в Евпатории масса улиц носят имена писателей, не имевших отношения к городу, и сегодня мало кому интересных. А имя Булгакова продолжает работать на имидж города, его знают и ценят во всем мире. После упомянутых в Приложении 1 событий проведены уже Четвертые Крымские международные Булгаковские Чтения, но увы, не в Евпатории, а в Симферополе и в Саках. В 2011 году 120-летие Булгакова с большим подъемом отмечалось в нашей Центральной городской библиотеке, был выпущен Булгаковский научный сборник. Автором в том же году издана книга «Михаил Булгаков и Крым: новые страницы» (Симферополь, 2011). И, как говорил сам писатель, он еще принесет нам много неожиданного. Булгаков писатель мистический, и кто знает, что ждет его антагонистов.

Летом этого года посетил штаб «Единой России», когда только начиналась подготовка к новым выборам. Там меня заверили, что вопрос будет решен, когда партия придет у власти в городе. Ныне эта программа осуществилась, и теперь хотелось бы услышать официальный ответ на вопрос: будет ли в Евпатории улица Михаила Булгакова вместо нынешней улицы имени палача Урицкого?

2014

**Председателю Общественного Совета
при городском голове г. Евпатории**
от Мешкова Валерия Алексеевича,
члена Евпаторийского
культурно-просветительского
общества им. Анны Ахматовой,
нештатного сотрудника
«Евпаторийской здравницы»

ЗАЯВЛЕНИЕ

В начале 2008 года инициативной группой граждан были собраны подписи жителей Евпатории, и в том числе жителей ул. Урицкого, под обращением к руководству города о переименовании улицы Урицкого в честь писателя М.А. Булгакова.

В настоящее время установлен факт и обстоятельства посещения Михаилом Афанасьевичем нашего города, на улице Урицкого установлена аннотационная доска, уже ставшая одной из достопримечательностей. В Евпатории еще жива родственница Булгакова — Любовь Александровна Минакова, сохранившая память об этом событии.

В 2008 году собранные подписи, соответствующие документы и обоснования, публикации в прессе, были переданы В.М. Заскоке в Общественный Совет для рассмотрения и принятия решения. В дальнейшем, как неоднократно сообщал В.М. Заскока, Общественный Совет выразил поддержку инициативе граждан города и передал вопрос на рассмотрение депутатов Горсовета для принятия решения.

Наша инициатива вызвала интерес не только жителей города, но уже несколько лет приносит пользу культурному имиджу города Евпатории в глазах наших гостей.

Она нашла поддержку и за пределами нашего города, и за пределами Украины.

В 2009 году при содействии Крымского Центра гуманитарных исследований и Московского Центра-музея «Булгаковский Дом» именно в Евпатории были проведены Первые Крымские Булгаковские Чтения, в библиотеке им. А.С. Пушкина проходила выставка «Булгаков и современность». В этом году инициатива Евпатории получила продолжение в республиканском центре, где с 31 мая до середины июня проходили Булгаковские Дни: выставки, круглые столы и другие мероприятия. На осень этого

года намечены новые булгаковские мероприятия, готовы приехать новые гости.

Участники и гости Первых Чтений также поддержали идею и желание иметь в нашем городе улицу Михаила Булгакова. В поддержку выступили уважаемый крымский ученый, депутат Верховного Совета Крыма, доктор филологических наук В.П. Казарин, руководитель научно-методического отдела «Булгаковского Дома» И.Я. Мягкова и др. От имени руководства города выступил В.В. Батюк, заверивший всех, что этот вопрос скоро будет решен.

Однако на сегодняшний день неизвестно, когда же этот вопрос будет рассматриваться депутатами Горсовета.

В связи с этим прошу рассмотреть сложившуюся ситуацию на ближайшем заседании Общественного Совета с приглашением для участия в обсуждении В.М. Заскоки и В.А. Мешкова для дальнейшей информации жителей города.

18 июня 2010 года

2015-2016: Дело с улицей Булгакова все тянется...

Казалось бы в связи с теми изменениями, что произошли в крымской жизни весной 2014 года, изменится и отношение евпаторийских властей, свято ориентировавшихся на «киевские ветры», к русскому советскому писателю Михаилу Афанасьевичу Булгакову. Но прежней власти в лице А.П. Даниленко, а затем сменившей его М. Ведмецкой было явно не до этого, хотели только как-то зацепиться за должности, но увы...

В конце года пришла «новая власть», в лице тех, кто быстрее всех прежних «начальников» сориентировался и влился в ряды «Единой России». Появилась надежда, что теперь проблем с улицей Булгакова не должно быть. Автор этих строк даже побывал на всякий случай на приеме у новоиспеченного председателя Евпаторийского горсовета Олеси Викторовны Харитоненко, подробно осветил ей историю этого дела, и вроде бы был внимательно выслушан. Получил и стандартные обещания «разобраться и рассмотреть» данное дело.

И опять, увы, в напрасных ожиданиях прошел весь 2015 год. Но об этом пусть расскажут документы, которые теперь уже подавались не прежним украинским властям, видимо на генетическом уровне питавшим неприязнь к Булгакову, а российским муниципальным...

**Председателю Евпаторийского
Городского совета
Харитоненко Олесе Викторовне
От Мешкова Валерия Алексеевича,
г. Евпатория, ул. Коммунальная, 8.**

З А Я В Л Е Н И Е

Прошу Горсовет и его комиссии вновь рассмотреть вопрос о переименовании улицы Урицкого, первого в ряду таких палачей советского и русского народа как Ежов, Берия и др.

В 2010-12 гг. годах прежнее руководство города всякими нечестными бюрократическими увертками «похоронило» рассмотрение этого вопроса о переименовании указанной улицы в честь русского советского писателя Михаила Афанасьевича Булгакова.

В то же время по Украине производились массовые переименования улиц в честь новоявленных националистических «кумиров», и местное руководство Евпатории трусливо предпочитало «не высываться». Теперь этот вопрос может быть решен справедливо, без всяких опасений, как к этому отнесутся очередные власти или влиятельные партии в Киеве.

Летом я обращался за поддержкой в городскую организацию «Единая Россия» (устное обращение) и мне обещали, что вопрос будет решен после выборов новой местной власти. Ныне жители города доверили «Единой России» решать все вопросы городского самоуправления.

М.А. Булгаков побывал в Евпатории в 1923 году, он упоминал наш город в своем «Театральном романе», Евпатория является местом действия его фельетона «Сильнодействующее средство» (1924). Ныне на улице Урицкого имеется аннотационная доска в честь писателя.

Как известно, будущий год объявлен в России «Годом литературы», и Евпатория переименованием улицы Урицкого в честь любимого российским народом популярного, известного во всем мире писателя, внесет существенный вклад в общероссийское мероприятие.

10 ноября 2014 г.

Приложение 2.

1. Статья «Будет ли в Евпатории улица Михаила Булгаков?» (газета «Обозрение крымских дел» №30 от 31 окт. — 7 нояб. 2014 г., с. 17).

2. Документы Общественного Совета при Городском Голове от 17 и 22 июля 2009 г. (на двух листах).

3. Ксерокопия части подписных листов от Инициативной группы 2009 г. (два листа из 6 листов) — на двух листах.

4. Данные о финансовых затратах на переименование улиц в Киеве в 2008г. Всего на 5 листах.

5. Книга «Михаил Булгаков и Крым» (Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. — 160 с. (о переименовании см. стр. 50-71, 155-159).

Мешков В.А.,

Член Союзов журналистов России и Украины.

**Председателю Евпаторийского
Городского совета**

Харитоненко Олеся Викторовне

От Мешкова Валерия Алексеевича,

г. Евпатория, ул. Коммунальная, 8.

З А Я В Л Е Н И Е

Еще в конце 2014 года у Вас на личном приеме я обращался с заявлением (прилагается), и просил Горсовет и его комиссии вновь рассмотреть вопрос о переименовании улицы Урицкого в честь любимого российским народом популярного, известного во всем мире писателя Михаила Афанасьевича Булгакова. Но прошел год, объявленный в России «Годом литературы», а мне до сих пор не дан даже ответ на это заявление, к которому были приложены все документы, относящиеся к этому вопросу.

По этому поводу я обращался в начале 2015 года в секретариат (каб.1), затем был переадресован в каб.25, где мне сообщили, что данное заявление передано на рассмотрение в Отдел культуры его начальнику А.И. Деркачеву, который и должен дать мне ответ.

Но время шло, и у Деркачева, к которому я неоднократно обращался, постоянно находились отговорки, чтобы ничего не делать. То он болел и лечился, потом был курортный сезон, и ему было не до этого, затем в отпуске были его руководители, а без них он не мог решать, и т.д., и т.п. Так прошел 2015 год — «Год литературы», а о Булгакове в Отделе культуры так и не озабо-

тились. Что наводит на определенные сравнения, т.к. такое же отношение Деркачев демонстрировал и при прежнем мэре города А. Даниленко.

Наконец, уже 22 января 2016 года я последний раз обратился к Деркачеву с требованием дать мне письменный ответ на заявление, которое рассматривается уже больше года. В ответ услышал «Вас много, а я один», «Вам нечего делать, а у меня дел выше крыши» и т.п. отговорки, типичные для хамского поведения чиновника.

Поэтому вынужден повторно обращаться к Вам, т.е. в ту инстанцию, куда было подано и где было принято заявление, и следовательно, несущую ответственность совместно с Деркачевым.

«Год литературы» остался без яркого события, каким могло бы быть появление в Евпатории улицы М. Булгакова, и это останется на совести руководства города.

Но вскоре Россия будет отмечать в этом году 125-летие со дня рождения писателя (он родился 16 мая 1891 года) и есть еще одна возможность уже к этой дате исправить ситуацию. **Поэтому прошу наконец-то рассмотреть данное и предыдущее заявление по существу и дать конкретный ответ**, который я обязательно доведу до республиканских и российских СМИ.

P.S. Что касается «нерадивости» чиновника Деркачева, то в таком его поведении, видимо проявилась патологическая, на генетическом уровне, ненависть к М. Булгакову как сатирику, который высмеивал именно подобных чиновников и подобные их «деяния».

26 января 2016 г.

Мешков В.А.

**член Союза журналистов России,
член Союза писателей Республики Крым**

Прокурору г. Евпатории

**Заявитель: Мешков Валерий Алексеевич,
адрес: ул. Коммунальная, 8, Евпатория,
Р. Крым, РФ, 297406.**

З А Я В Л Е Н И Е

В ноябре 2014 г. на личном приеме у Председателя Горсовета Харитоненко О.В. я обратился с заявлением (прил. Л.1) и просил новый состав Горсовета рассмотреть вопрос о переименовании улицы Урицкого в улицу Михаила Булгакова. К заявлению были приложены документы и публикации в обоснование решения этого вопроса в положительном смысле еще с 2009 г. Харитоненко пообещала, что заявление будет рассмотрено Горсоветом, и выразила поддержку. Однако это оказалось обманом.

К тому же, как выяснилось впоследствии, в нарушение ст. 13 п.4 Федерального закона РФ ФЗ-59, заявление не было зарегистрировано, и через месяц никакого ответа я не получил. Когда я обратился по этому поводу в начале 2015 г. в Горсовет, то в приемной Харитоненко о его судьбе ничего не знали, и только после поисков в каб. 25 мне сообщили, что оно передано начальнику отдела культуры Деркачеву. О том, как он его рассматривал, сообщено в моем повторном заявлении Харитоненко (прил. Л.2). В результате даже более чем год спустя никакого ответа из отдела культуры я не получил, хотя устно Деркачев меня не раз уверял, что предложение поддержит, что важность решения этого вопроса для культурно-исторического наследия и имиджа города он понимает. Однако это тоже оказалось ложью, как и его уверения, что его начальник Батюк тоже поддерживает идею переименования улицы.

После этого заявления мной был получен ответ от зама Харитоненко Кутнева (прил. л.3) о том, что заявление направлено Главе администрации Филонову. Как и в случае с передачей заявления Деркачеву это является нарушением ст.5 п. 3 ФЗ-59, т.к. снова мне не был дан ответ по существу заявления, а оно было незаконно переадресовано в исполнительную службу, которая не имеет права принимать решения о переименовании улиц, т.к. это компетенция Горсовета. В результате я получаю отписку от зама Филонова Батюка не по существу заявления, где он сообщает о том, что скоро они изготовят некие «Правила переименования улиц». Почему ответ дан некомпетентным лицом, почему оно не рассматривается полтора года Комитетом по культурно-историческому наследию и имиджу города, куда делись приложенные мной к первоначальному заявлению документы и публикации, не сообщается.

О незаконных действиях и нарушениях Деркачева, Батюка и Кутнева я вновь обратился с заявлением (прил. Л.4) к Харитоненко (что позволило узнать, что и она служит ширмой для подобных действий). Ответа от нее по существу я так и не получил, что снова нарушает мои права указанной выше ст.5 п.4 ФЗ-59. Вместо нее отвечает председатель Общественной палаты Павловский, сообщая содержание «Правил переименования». Ответ опять дан лицом, в компетенцию которого не входит принятие решения о переименовании улиц, более того, это даже не должностное лицо. Из содержания ответа выясняется, что для этого «деяателя» нет никакой разницы между палачом, идеологом террора мирных жителей Урицким и русским писателем-гуманистом Михаилом Булгаковым. Его уровень мышления — это уровень мышления работников коммунальных служб. При этом приводят-

ся лживые сведения о якобы необходимости для жителей улицы и предпринимателей нести большие расходы на перерегистрацию.

Прошу прокуратуру принять меры к прекращению вопиющих безобразий и нарушений законов РФ при рассмотрении моих заявлений, обязать Горсовет рассмотреть их по существу соответствующим Комитетом Горсовета по культурно-историческому наследию и имиджу города, с рассмотрением всех документов приложенных к первому заявлению, и с моим участием.

**Мешков В.А., член Союза журналистов России,
член Союза писателей Р. Крым**

24 мая 2016 г.



ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРОКУРАТУРА
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ПРОКУРАТУРА
ГОРОДА ЕВАТОРИЯ

ул. Гоголя, 5/8,
г. Евпатория, 297408

Мешков В.А. *24.05.2016*

На № _____

Главе муниципального образования
городской округ Евпатория
Республики Крым

Харитоненко О.В.

✓ Мешкову Валерию Алексеевичу

ул. Коммунальная, 8, г. Евпатория,
Республика Крым

В соответствии со ст. 8 Федерального Закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», направляю для рассмотрения обращение Мешкова В.А. для разрешения в части вопроса о переименовании ул. Урицкого на ул. М.А. Булгакова, а также возможного участия заявителя в его рассмотрении.

О результатах рассмотрения прошу уведомить заявителя в установленный законом срок.

Одновременно информирую заявителя о продолжении проведения прокуратурой города проверки соблюдения требований Федерального закона от 02.05.2006 № 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» представительным и исполнительным органами городского округа Евпатория, о результатах которой Вам будет сообщено дополнительно.

Приложение: копия обращения Мешкова В.А. на 1 л.

Заместитель прокурора города
советник юстиции

А.В. Ермоленко



**ЕВПАТОРИЙСКА
МІСЬКА РАДА
РЕСПУБЛІКИ КРИМ**

**ЕВПАТОРИЙСКИЙ
ГОРОДСКОЙ СОВЕТ
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ**



**КТЫРЫМ
ДЖУМХУРИЯТИНИНЪ
ЕВПАТОРИЯ
ШЕЪР ШУРАСЫ**

пр. Ленина, д.2, г.Евпатория, Республика Крым, 297408
тел.: (06569) 3-23-01, факс: (06569) 2-82-07
e-mail: evpgorsovnet@mail.ru

от 08.06.16 Mail-4/54/16
на № _____ от _____

Мешкову В.А.
ул. Коммунальная, 8
г. Евпатория

Уважаемый Валерий Алексеевич!

На Ваше обращение, адресованное прокурору города Евпатории по вопросу переименования улицы Урицкого в улицу Михаила Булгакова, рассмотрено Евпаторийским городским советом Республики Крым.

В соответствии с п. 33 ч. 2 ст. 40 Устава муниципального образования городской округ Евпатория Республики Крым, к полномочиям Евпаторийского городского совета относятся присвоение названий, переименование улиц и площадей городского округа в соответствии с законодательством Республики Крым.

26.02.2016г. Евпаторийским городским советом Республики Крым принято решение №1-31/10 «Об утверждении Правил присвоения, изменения и аннулирования адресов объектам недвижимого имущества (объектам адресации) и присвоение наименований элементам планировочной структуры, изменения и аннулирования таких наименований на территории муниципального образования городской округ Евпатория Республики Крым в новой редакции».

Согласно пункту 1.1 настоящего Положения регламентировано, что присвоение, переименование, аннулирование наименований элементам улично-дорожной сети и элементам планировочной структуры осуществляется решением Евпаторийского городского совета на основании заключения Комиссии по присвоению, переименованию, аннулированию наименований элементам улично-дорожной сети и элементам планировочной структуры муниципального образования городского округа Евпатория Республики Крым (далее – Комиссия), в связи с чем Ваше обращение направлено в комиссию. На основании заключения комиссии Евпаторийский городской совет рассмотрит вопрос о переименовании улицы Урицкого в улицу Михаила Булгакова.

О результатах рассмотрения Вашего обращения сообщим дополнительно.

В соответствии с ч.2 ст. 46 Конституции Российской Федерации, решения и действия (бездействие) органов местного самоуправления и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. Ответ о рассмотрении обращения Вы вправе обжаловать в административном и (или) судебном порядке в соответствии с ч.4 ст. 5 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращения граждан Российской Федерации».

Глава муниципального образования
председатель Евпаторийского городского совета


О.В. Харитоненко

ПРИЛОЖЕНИЕ



АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в г. Киеве в 1891 году. Учился в Киеве и в 1916 году окончил университет по медицинскому факультету, получив звание лекаря с отличием.

Судьба сложилась так, что ни званием, ни отличием не пришлось пользоваться долго. Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, едучи в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали. Потом напечатали несколько фельетонов. В начале 20-го года я бросил звание с отличием и писал. Жил в далекой провинции и поставил на местной сцене три пьесы. Впоследствии в Москве в 1923 году, перечитав их, торопливо уничтожил. Надеюсь, что нигде ни одного экземпляра их не осталось.

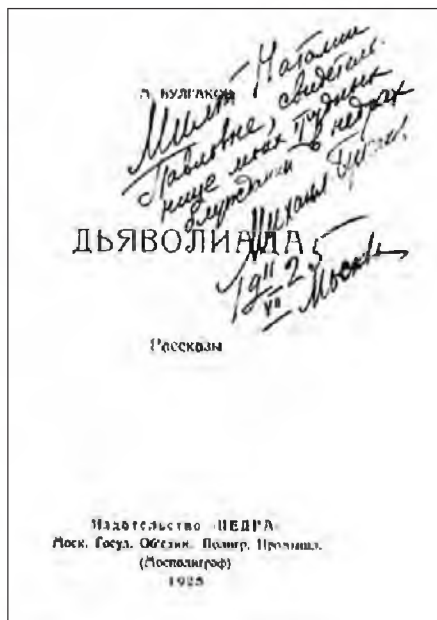
В конце 21-го года приехал без денег, без вещей в Москву, чтобы остаться в ней навсегда. В Москве долго мучился; чтобы поддерживать существование, служил репортером и фельетонистом в газетах и возненавидел эти звания, лишённые отличий. Заодно возненавидел редакторов, ненавижу их сейчас и буду ненавидеть до конца жизни.

В берлинской газете «Накануне» в течение двух лет писал большие сатирические и юмористические фельетоны.

Не при свете свечи, а при тусклой электрической лампе сочинил книгу «Записки на манжетах». Эту книгу у меня купило берлинское издательство «Накануне», обещав выпустить в мае 1923 года. И не выпустило вовсе. Вначале меня это очень волновало, а потом я стал равнодушен.

Напечатал ряд рассказов в журналах в Москве и Ленинграде. Год писал роман «Белая гвардия». Роман этот я люблю больше всех других моих вещей.

Москва, октябрь 1924 г.



Булгаков и Евпатория

1

Публикации о Михаиле Булгакове, его отношении к Евпатории, его родственниках в нашем городе, в последнее время появлялись в различных крымских изданиях, в том числе и в «Евпаторийской здравнице».

В настоящее время, в результате исследований автора этой статьи, на основании воспоминаний родственников М.А. Булгакова, проживающих в Евпатории, анализа литературных источников и известных жизнеописаний Булгакова удалось установить следующее:

1) Булгаков в декабре 1923 г. побывал в Евпатории, где несколько дней проживал в семье своих родственников Ткаченко по адресу ул. Урицкого, д.12.

2) Сохранился дом и комната, где жил Булгаков, по нынешнему адресу: ул. Урицкого, д.12, кв.1, где ныне проживает его дальняя родственница Минакова Л.А.(урожденная Ткаченко).

3) По возвращении в Москву М.А. Булгаков опубликовал в газете «Гудок» 3 января 1924 г. произведение «Сильнодействующее средство», основанное на реалиях тогдашней жизни в Крыму и Евпатории, с которыми писатель столкнулся непосредственно.

Начало исследованиям, которым дал толчок и фактически курировал все это время историк и краевед В.М. Заскока, положила статья «М.А. Булгаков и Евпатория» в газете «Трибуна» (№6, март 2002 г., г. Евпатория).

Подробно материалы исследования опубликованы в литературной форме с изложением всех фактических данных в органе Союза писателей Крыма газете «Литературный Крым» в статьях «Михаил Булгаков и Евпатория» (№39-40 от 29 октября 2004 г.) и «Булгаковская история» (№11-12 от 31 марта 2005 г. и №13-14 от 15 апреля 2005 г.). Одобрительно отозвался на эти статьи специально позвонивший из Ялты один из авторов книги «Булгаков и Крым» доктор наук В.В. Навроцкий.

Публикации на эту тему «Евпаторийской Здравницы» (от 10.07. 2002 и 13.07.2004), к сожалению, содержали неточности и ошибки. Инициатором первой из этих публикаций была Ада Харитоновна Эренграсс, подруга со школьных лет Л.А. Минаковой, родственницы Булгакова. Она знала о приезде Булгакова и о том, что в Евпатории есть родственники Булгакова, но документальных подтверждений не имела. После публикации в «Трибуне» она решила об этом сообщить в местную прессу. Приход жур-

налиста для Л.А. Минаковой во многом оказался неожиданным, а потом ей стало ясно, что публикации получились недостаточно убедительными и взвешенными.

О том, что публикация в «Трибуне» была первой, Л.А. Минаковой стало известно только в июне 2004 г. Поскольку публикации в «ЕЗ» ее не удовлетворили, она обратилась ко мне с предложением продолжить работу и найти истину. Это было не так просто, учитывая возраст и здоровье Любови Александровны, однако и в свои 86 лет она сохранила редкую память и является прекрасной собеседницей. Не раз я приходил с ней консультироваться и по другим вопросам и событиям, касающимся нашего города, да и не только.

Теперь факт приезда Булгакова установлен не только детальными свидетельствами очевидца, Л.А. Минаковой, но и документальным подтверждением: фельетоном «Сильнодействующее средство».

На этом основании считаем необходимым отразить эти важные для историко-культурного наследия города факты установлением на фасаде дома №12 по ул. Урицкого памятной доски с надписью:

«В этом доме в декабре 1923 г. гостил у родственников писатель Михаил Афанасьевич Булгаков».

По возвращении в Москву в газете «Гудок» 3 января 1924 г. опубликовано его произведение «Сильнодействующее средство», основанное на реалиях тогдашней жизни в Евпатории».

Как сообщил мне В.М. Заскока, такое намерение у представителей городской общественности, занимающихся этими вопросами, в настоящее время есть, и скоро осуществится. Надеемся, что «ЕЗ» тоже окажет в этом поддержку. В телефонном разговоре В.В. Навроцкий отметил, что камнем преткновения в наше время чаще всего является финансовый вопрос. В Ялте ему пришлось добиваться установления памятной доски в честь Ханжонкова, одного из основателей российского кинопроизводства и Ялтинской киностудии. Вопрос был решен, когда необходимые средства выделил турецкий предприниматель. Будем надеяться, что в Евпатории средства найдутся.

Кроме этого, в стадии изучения и поиска хотя бы косвенных доказательств находятся вопросы о посещении М.Булгаковым Евпатории в мае 1911 г. и обстоятельства, связанные с пребыванием в Крыму в годы гражданской войны его братьев Николая и Ивана. В музей Булгакова в Киеве отосланы копии следующих документов:

1) Приглашение на свадьбу от родственников, проживавших в Крыму, имевших дома в Евпатории и поместья в крымских селах. Такое приглашение, по рассказам родственников, посылалось Булгаковым в Киев и могло там тоже сохраниться.

2) Фотография четырех молодых людей, сделанная перед свадьбой в 1911 г. Крайний слева — возможно жених. Остальные неизвестны. Возможно, кто-то из этих лиц бывал у Булгаковых и мог попасть на семейные фотографии с гостями, бывавшими на даче под Киевом.

Однако ответа пока не получено.

2

В связи с вышеуказанными публикациями о Михаиле Булгакове «Евпаторийской Здравницы» со ссылкой на его родственников, проживающих в Евпатории, и в их числе на Любовь Александровну Минакову, по ее просьбе и от своего имени сообщая редакции следующие сведения.

Указанные публикации не предоставлялись Л.А. Минаковой для предварительного ознакомления и не визировались ею, вследствие чего в них содержится много неточностей и ошибочных сведений.

Отец Минаковой — Александр Васильевич Ткаченко, не был красным партизаном, а был в Красной армии, награждался именным оружием. Семью в 1919 г. отправил из Петрограда в Крым, в Кара-Найман, чтобы спасти от голода. Любовь Александровна родилась не в Петрограде, а в дороге, на станции Лозовая 3 окт. 1919 г., что записано в ее свидетельстве о рождении. В Евпатории семья Ткаченко не с 1924, а с весны 1923 г., т.к. в этот год надо было идти в школу сестре Шуре. К осени 1923 г. переехали в дом по ул. Урицкого, и именно в этом году, а не в 1925, приезжал Булгаков.

Поездка писателя в Кара-Найман происходила на повозке, переделанной из кареты Бредихиных, запряженной двумя лошадьми, а не на волах. На другой день А.В. Ткаченко пригнал лошадей и возвратил Бредихиным, а повозка осталась в селе. Версия о том, что Булгаков ездил к целителю для лечения, теперь нам с Л.А. Минаковой не кажется достоверной, она, скорее всего, служила для прикрытия, а цель поездки была — узнать о судьбе в Крыму братьев и обстоятельствах их перехода за границу.

Николая Булгакова могли спасти крымские родственники, как известно из семейных преданий, но не в 1922 г., а в конце 1920 г. Достоверно известно, что в 1920 г. он уже был за границей. Разыскать там родителей он никак не мог, т.к. они никогда не эмигрировали, а жили в Киеве, отец умер в Киеве в 1907 г., а мать там же в 1922 г.

Что касается ныне живущей в Евпатории дальней родственницы Булгакова Минаковой Любови Александровны (урожденной

Ткаченко), то родственники с фамилией Ткаченко фигурируют в «Жизнеописании Булгакова» М. Чудаковой, но связи с ними давно утеряны. С другой стороны родственные связи Булгаковых весьма обширны и теперь все приходится собирать по крупицам, т.к. именно дореволюционные родственные связи людям приходилось долгие годы скрывать. При этом, как заметил В.М. Заскока, фамилия Булгаков до революции в Крыму, и в частности в Евпатории, была весьма известной, т.к. ее носителями были представители высшей мусульманской знати Крыма. Родственники писателя Булгакова имеют российские корни и православную веру, а в числе их предков могут быть какие-нибудь обрусевшие татары.

В связи с последней публикацией ЕЗ (27.09.2005) «Корни родства» отметим, что снова Л.А. Минакова обнаружила ошибки: ее отец, Александр Васильевич Ткаченко, является троюродным братом Михаила Афанасьевича Булгакова, и не является двоюродным братом отца писателя Афанасия Ивановича. А.И. Булгаков и Иван Карпович Булгаков, муж Агриппины Несторовны (урожденной Бредихиной) — двоюродные братья, а Мария Сергеевна, бабушка Л.А. Минаковой, их двоюродная сестра.

От того, что дедушка Таисии Николаевны Горкун — Григорий Миронюк, женился вторым браком на Надежде Васильевне Ткаченко, родной тете Л.А. Минаковой, в родстве по линии Булгаковых ничего не изменилось. Сама Горкун ведет свое родство от детей первого брака, хотя воспитала всех шестерых сирот Надежда Васильевна. Если бы статья была предварительно просмотрена Минаковой, эта ошибка не прошла бы.

Утверждение о том, что в семейном архиве Т.Н. Горкун имеется фотография М. Булгакова 1910 г. также вызывает недоумение. Видимо, имеется в виду вышеупомянутая фотография 1911 г. Ранее родственники полагали, что один из молодых людей — Булгаков. Однако сравнение с известными фотографиями говорит не в пользу такой версии, а от музейных работников ответа пока нет.

По свидетельству Минаковой Л.А. существовала фотография 1911 г., на которой были вдвоем М. Булгаков и ее отец А.В. Ткаченко, да и ЕЗ об этом тоже писала. Где сделана фотография, в Крыму или Киеве, она не помнит. Если бы фотография нашлась, то Л.А. Минакова ее сразу бы узнала. Пропала эта фотография после смерти ее брата, а попасть к Т.Н. Горкун, как считает Минакова, никак не могла. Много фотографий, касающихся родственников, передала Горкун сама Минакова несколько лет назад во время болезни, опасаясь, чтобы и они не пропали.



А.В. Ткаченко в последние годы жизни. Евпатория, ул. Урицкого, 12.

Для того чтобы избежать ошибок и неточностей в дальнейшем, Любовь Александровна Минакова просит редакцию на публикации, связанные с ней и ее ближайшими родственниками, обязательно предварительно получать ее согласие. После публикации этой статьи в ЕЗ претензий к редакции на данный момент у нее не будет.

В заключение хочется пожелать авторам и редакции «Евпаторийской здравницы» более взвешенно и более ответственно подходить к публикациям, связанным с историко-культурным наследием нашего города, памятными датами и событиями, имеющими краеведческое значение. Ведь может оказаться, что через много лет такая публикация останется единственным документом, дошедшим до наших потомков. Скорее всего, в таких случаях необходимо предварительно консультироваться со специалистами, краеведами и историками.

18 октября 2005



Л.А. Минакова с подругой. Фото после войны

Булгаковские дни в Евпатории

По-весеннему теплая ноябрьская погода словно готовилась встретить булгаковские дни в Евпатории. Они открывали программу историко-мемориальных мероприятий, посвященных 90-летию завершения Революции и Гражданской войны 1917-1920 годов.

Севастопольский Оргкомитет по подготовке и проведению Памятных дней, посвященных тем событиям, принял предложение инициативной группы провести в нашем городе Первые Крымские научные Чтения «Михаил Булгаков и Крым. Революция, Гражданская война и 1920-е годы». В будущем такие Булгаковские Чтения будут проводиться в рамках Международного Симпозиума «Крым и мировая литература», которые проводят Крымский центр гуманитарных исследований и Таврический национальный университет.

В состав Оргкомитета Булгаковских чтений вошли: И.Я. Горпенко-Мягкова — руководитель научно-методического отдела культурно-просветительского центра «Булгаковский дом» (Москва); Заскока В.М. — историк, краевед, председатель Евпаторийского культурно-просветительского общества имени Анны Ахматовой; Батюк В.В. — заместитель городского головы г. Евпатория; Николаенко А.А. — советник городского головы г. Евпатория; Овчаренко С.Г. — член НСПУ, член Союза писателей России; Никифорова Л.Л. — член правления культурно-просветительского общества им. Анны Ахматовой, краевед.

Открытие Чтений состоялось 28 ноября в конференц-зале ТЭС-отеля (ул. Пушкина, 16а). В выступлениях участников отмечалось все возрастающее значение Евпатории на литературной карте Крыма, активность общественности города в проведении культурно-просветительских мероприятий, важную в этом роль евпаторийских творческих союзов: «В Евпатории какая-то особая, хорошая, интенсивная, настоящая, живая атмосфера культурной жизни». Теперь Евпатория видится «совсем не провинциальным городом, а одним из центров культурной жизни не только Крыма, Украины, но и стран СНГ». «В Евпатории, — как говорили многие, — по праву должна быть улица Михаила Булгакова, как и в Киеве должна быть улица Михаила Булгакова, в Москве должна быть улица Михаила Булгакова». Выступающие с приветствиями призывали присутствующих к осмыслению, восстановлению и сохранению памяти о прошлом, к ответственности перед потомками не только за достижения и победы, но и за провалы и поражения. Говорили о том, что в следующем году исполняется 90-летие окончания гражданской войны, и памятным событием является то, что имен-

но из Евпатории 13 ноября 1920 года начался Великий исход — эвакуация Русской армии генерала Врангеля.

Затем гостей и участников встречи от имени городской громады и исполкома приветствовал заместитель городского головы В.В. Батюк. Нынешнее событие ему напомнило о праздновании в 2003 году 2500-летия города и активном отношении жителей города, их желании внести свой вклад, проявить инициативу, способствовать оживлению общественной и культурной жизни. Тот год стал переломным, сказал Валерий Васильевич, и с того времени началось восстановление исторической традиции и исторической справедливости в нашем городе. О связях Евпатории с Севастополем напоминает кафе «Ахматовой», которое появилось во многом благодаря севастопольским предпринимателям. Такое отношение крымчан и евпаторийцев не остается незамеченным гостями города, известны примеры, когда и они вносят свой вклад в культурное становление города. Сказав о роли общественных и творческих организаций города, В.В. Батюк отметил их взаимодействие с городской властью, что уже дает положительные результаты. Такое движение навстречу друг другу помогло осуществить многие интересные проекты и задумки. Кратко охарактеризовав жизнь и творчество М.А. Булгакова, В.В. Батюк напомнил о его произведениях, связанных с Евпаторией, о памятной доске в честь пребывания писателя в нашем городе. Валерий Васильевич от имени городской власти заверил собравшихся, что в скором времени будет решены все необходимые вопросы, и в нашем городе, о чем уже здесь говорили многие, появится улица Булгакова.

Представлявшая «Булгаковский дом» И.Я. Мягкова в своем выступлении поделилась впечатлениями от Евпатории: тишина и шум моря, посещение Храма св. Николая, начало рождественского поста. Напомнила о голодоморе, и Великом Расколе 1917-1920, о его корнях. О том, что, по словам Булгакова: «корни болят», но это значит, что они еще живые... Ирина Яковлевна привезла в подарок городской библиотеке и ахматовскому обществу книги, среди которых «Булгаковская энциклопедия», книги А.Варламова («Михаил Булгаков», 2008), Марии Барр («Перечитывая Мастера», 2009) и др.

С приветствием от литературной общественности города выступил поэт С.Г. Овчаренко. Сергей Георгиевич выразил пожелание о создании «Евпатории литературной».

В.В. Батюк подарил И.Я. Мягковой книги и диски о Евпатории и вручил благодарность городского головы за личный вклад в организацию Булгаковских чтений и популяризацию творчества Михаила Булгакова.

В.М. Заскока от ахматовского общества подарил ТНУ и И.Я. Мягковой книги евпаторийских авторов.

После небольшого перерыва начались доклады участников Чтений.

Первый доклад сделала И.Я. Горпенко-Мягкова, хранитель архива булгаковеда Бориса Мягкова (Москва): «Эссе Михаила Булгакова „Грядущие перспективы“ и комментарий московского булгаковеда Б.С. Мягкова».

Интересный факт — эссе было опубликовано в газете «Грозный» в Чечне 13(26) ноября 1919 года, т.е. 90 лет назад. Об обстоятельствах жизни Булгакова в то время, его взглядах и пророчествах, высказанных в его самом раннем печатном тексте, было рассказано обстоятельно и аргументировано.

Этот доклад задал серьезный научный уровень Чтений. Последующие доклады также были выслушаны с интересом.

Интересные мысли о том, как из анализа исторического фона произведений, местных особенностей, житейских деталей и т.п., можно с большой достоверностью судить, написан ли документальный фельетон с места событий, или это литературная обработка писем читателей высказал В.М. Заскока, историк, краевед (Евпатория). Тема его выступления: «Евпаторийские реалии начала 1920-х в фельетоне М. Булгакова «Сильнодействующее средство».

О своем исследовании «Сергей Есенин и Михаил Булгаков» доложил участникам и гостям В.А. Мешков, к.т.н., краевед (Евпатория). Эта тема оставалась практически неизученной в булгаковедении, и автором получены интересные выводы о том, как в образе поэта Бездомного из «Мастера и Маргариты» отразились черты характера и факты биографии С. Есенина.

Член НСПУ Е.Г. Никифоров (Евпатория) в своем докладе «М. Булгаков и А. Чехов: два лекаря, два литературных дебюта» дал сравнительную характеристику врачебной карьеры писателей, рассказал о том, как они пришли в литературу.

Филолог и краевед Л.Л. Никифорова (Евпатория) в докладе «Судьба братьев Горенко и братьев Булгаковых после октября 1917 года» рассказала о своих исследованиях обстоятельств жизни братьев Горенко в Евпатории, приведших к выяснению подробностей их дальнейшей судьбы, во многом подобной судьбе братьев Булгаковых и многих других семей после гражданской войны.

Большой интерес вызвал доклад «„Сатириконтство“ Булгакова-фельетониста», с которым выступила библиограф Центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина Я.С. Грошева (Евпатория). Она подробно очертила творческий путь Булгакова в «газетный период», истоки его сатиры и юмора.

Заведующая городским методическим кабинетом управления образования Ю.В. Смородина (Евпатория) в своем докладе «Интерпретация романа М. Булгакова „Мастер и Маргарита“ на уроках в школе» подняла вопросы преподавания произведений Булгакова в современной системе образования, неоднозначного отношения к творчеству писателя учащихся с разными уровнем воспитания и культуры, взглядами на жизнь, отношением к религии.

Все доклады будут напечатаны в научном сборнике, который будет издан ахматовским обществом.

В перерыве Чтений участники и гости отправились на улицу Урицкого, 12, к памятной доске, установленной в честь приезда Михаила Булгакова в Евпаторию в 1923 году. Состоялось возложение цветов. К собравшимся вышла родственница писателя Любовь Александровна Минакова, тепло приветствовавшая всех. Недавно ей исполнилось 90 лет, но ее бодрости и доброжелательности можно только позавидовать. Она вспомнила и поблагодарила всех, кто внес вклад в евпаторийскую булгаковскую историю.

Затем в зале Евпаторийской городской библиотеки состоялось открытие Выставки «Михаил Булгаков и современность» на материале архива московского булгаковеда Бориса Сергеевича Мягкова (1938-2003).

Представляла выставку Ирина Яковлевна Горпенко-Мягкова, после смерти мужа продолжившая дело его жизни.

Были представлены: уникальнейшая коллекция фотографий М.Булгакова и его окружения, ставшая основой фотоальбома «Михаил Булгаков. Жизнь и творчество» (Эллис Лак 2006); книга и схема «Родословия Михаила Булгакова» Б.Мягков (Апарт, 2003); библиографическая схема «Четыре времени булгаковедения» (1996) Б.Мягков; литературная карта-схема «Булгаковская Москва», созданная первым экскурсоводом инженером — химиком Б.Мягковым в 1981 г.; публикации Михаила Булгакова в «Гудке» (1922-1925); иллюстрации к «закатному роману» М.Булгакова «Мастер и Маргарита», выполненные художником В.В.Прокофьевым (1934-2006); литературно-топографические публикации Б.Мягкова 1980-90-х годов; и книги «Булгаковская Москва» (1993), «Булгаков на Патриарших» (2008).

Можно было только пожалеть, что выставка продлилась всего два дня.

На следующий день состоялся Выездной «Круглый стол» московского центра «Булгаковский дом» и выступления участников Чтений и гостей.

Декабрь 2009



Выездной «Круглый стол» московского центра «Булгаковский дом» проводит И.Я. Мягкова. Фото А.П. Кустовского.

«Булгаковский Дом» снова в Крыму

В конце прошлого года Евпатория внесла большой вклад в современное развитие темы «Булгаков и Крым». По инициативе Евпаторийского культурно-просветительского общества им. Анны Ахматовой совместно с московским центром-музеем «Булгаковский Дом» и Крымским центром гуманитарных исследований состоялись Первые Крымские Булгаковские Чтения. В зале Евпаторийской библиотеки им. А.С. Пушкина была представлена выставка «Михаил Булгаков и современность» на материале архива московского булгаковеда Б.С.Мягкова (1938-2003), демонстрировался фильм о писателе и его времени, проводился выездной «Круглый стол» московского центра-музея. Представляла москвичей руководитель научно-методического отдела «БД» Ирина Яковлевна Горпенко-Мягкова, большой друг нашего города.

Евпаторийская инициатива была замечена и получила отклик и продолжение в Симферополе. По приглашению руководства Крымской республиканской универсальной научной библиотеки им. И.Я. Франко ныне проводится 1-я международная выездная выставка культурно-просветительского центра-музея «Булгаковский дом». Выставка располагается в новом здании республиканской библиотеки в живописном парке на берегу реки Салгир (Набережная, 29-а).

Экспозиция выставки занимает несколько залов на двух этажах библиотеки. Нам удалось ознакомиться со стендами и экспонатами незадолго до открытия выставки, состоявшегося 31 мая этого года. И.Я. Мягкова, вновь представляющая «БД», рассказала, что в Евпатории помещение позволяло выставить только небольшую часть экспонатов. В нынешней булгаковской выставке совместно используются и материалы из фонда библиотеки им. Франко. С большой полнотой представлены издания разных лет, журнальные и даже некоторые газетные публикации, как произведений М. Булгакова, так и исследований о его жизни и творчестве. Тематические стенды рассказывают о киевском и московском периодах жизни писателя с помощью фотодокументов того времени, художественных иллюстраций, краеведческих материалов. Выделяется тематический стенд «Булгаков и театр».

На выставке также широко освещены различные направления деятельности самого центра-музея, находящегося в знаменитом московском доме по улице Большой Садовой, 10, недалеко от метро «Маяковская». Музей был открыт 15 мая 2004 года, и за короткое время приобрел широкую известность. Ежемесячно «БД» посещают около 7 тысяч человек. Нашему городу стоит познакомиться с опытом и новыми формами экскурсионной и театральной деятельности музея. Экскурсии на трамвае у нас не в диковинку, но их театральное оформление заслуживает внимательного изучения. Евпатория — город театральный, поэтому «Театр Бу...» и участников театральных программ центра-музея было бы неплохо пригласить к нам в курортный сезон. Задор и веселье этих молодых ребят были бы уместны даже на детском театральном фестивале. Творчество Булгакова притягивает молодежь, например, на ночные мероприятия «БД» в ночь с 15 на 16 мая (день рождения писателя) собиралось до 5 тысяч человек!

Возвращаясь к выставке, отметим, что для Крыма она является уникальной. Не осталась в стороне и тема «Булгаков и Крым», хотя именно здесь можно отметить недостатки. За рамками выставки оказались «Евпатория и Булгаков», даже те недавние события, о которых говорилось выше. А ведь эта тема освещалась

и в прошлом, и в этом году, и в предыдущие годы не только в «ЕЗ», но и в республиканских изданиях. Все же отметим, что на стенде наград, присужденных «БД» за его краткое время существования, почетное место занимает благодарственная грамота от городского головы Евпатории А.П. Даниленко.

Будем надеяться, что дружба Евпатории с «Булгаковским Домом» еще получит продолжение. А пока жители и гости города могут свободно посетить выставку в Симферополе. Она будет работать до 12 июня этого года.

Май 2010



Борис Мязков, Ирина Горпенко, Валентин Молодцов. Апрель 1981.

...СТАТЬ БЕССТРАСТНО НАД КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ

Эта принципиальная позиция писателя Михаила Булгакова, высказанная им в 1930 году в письме Советскому правительству, стала лейтмотивом целого комплекса памятных мероприятий, прошедших недавно в Крыму. В ноябре этого года исполнилось 90 лет Великого раскола. В настоящее время существует тенденция утверждать, что трагедия Гражданской войны, завершившейся в 1920 году в Крыму, состояла в том, что она свела в непримиримой схватке два лагеря, каждый из которых был искренне предан России, но понимал эту Россию по-своему. Русский раскол

прошел по семьям, разделил родных людей на советских граждан и эмигрантов.

Основной научной составляющей мероприятий стал прошедший 12-17 ноября 2010 года IV Международный Симпозиум «В поисках утраченного единства», посвященный 90-летию окончания Гражданской войны в России (Украина, АР Крым, Симферополь-Севастополь-Евпатория-Керчь). Памятные дни и Симпозиум проводились при поддержке Посольства Российской Федерации в Украине, при содействии Постоянного представительства президента Украины в АРК и ряда крымских музеев и библиотек, в числе которых был и Евпаторийский краеведческий музей. Организаторы мероприятий — Крымский Центр гуманитарных исследований и Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского.

Торжественное открытие Симпозиума состоялось 12 ноября в Голубом зале Центрального музея Тавриды (Симферополь, ул. Гоголя, 14). Перед этим гости познакомились с книжной выставкой «Исход из Крыма. Осень 1920» и имели возможность приобрести книжные новинки российских, украинских и крымских издательств. Состоялась также презентация почтовой (клубной) открытки Всекрымского общества коллекционеров, посвященной 90-летию Русского исхода.

Приветственные слова членов Оргкомитета стали и вступлением к Пленарному заседанию Симпозиума. Они напомнили о значении памятных дней с 13 по 16 ноября, напоминающих о противостоянии красных и белых русских воинов. В частности, мероприятия в Евпатории (о которых уже сообщала ЕЗ) приурочены к 13 ноября. В этот день в 1920 году в 23 часа в Евпатории корабли с белыми войсками вышли в море и взяли курс на Константинополь, а в ночь с 13 на 14 ноября части Латышской советской стрелковой дивизии заняли город.

В последующие дни проходили аналогичные мероприятия в Ялте, Феодосии, Симферополе, Алуште, Севастополе. Завершающий день эвакуации Русской армии и гражданского населения отмечался в Керчи 16 ноября. В этот день отсюда отошли последние корабли с юнкерами, взявшие курс к берегам Турции.

В выступлениях некоторые докладчики обосновывали, почему Гражданская война завершилась в Крыму в 1920 году, а не в 1922 году на Дальнем Востоке, как полагают некоторые историки. С эвакуацией Врангеля прекратило существование последнее легитимное белое правительство и Вооруженные Силы Юга России, претендовавшие на представительство всей России и признававшиеся за границей. Освобождение Сибири и Дальнего Востока

проходило уже в рамках изгнания американских и японских интервентов и борьбы с бандами.

Далее пленарное заседание проходило в рамках Международной научной конференции «Революция и гражданская война в истории Отечества». С приветствиями, фактически с небольшими докладами, выступили к.ф.н., генеральный директор Центрального музея Тавриды А.В. Мальгин, вновь избранный депутатом Верховной Рады Крыма от «Русского единства» С.И. Шувайников. Большинство следующих докладов освещало различные аспекты белого движения и связанные с ним малоизвестные события крымской истории. Такой «перекос», скорее всего, является временным, т.к. в советское время эти темы и относящиеся к ним документы находились под запретом, и эти «завалы истории» только в последние годы стали доступны интенсивному научному изучению.

С особым интересом была встречена презентация фильма «Шмелев в Алуште» филолога и краеведа Л.Н. Поповой. Она много лет изучала жизнь и творчество писателя Ивана Сергеевича Шмелева, его наиболее трагические 1918-1922 годы проходили в Крыму. Некоторым гостям повезло, и они смогли приобрести диск с фильмом или одноименную книгу Лии Николаевны. Ее уникальная работа не только открыла много подробностей жизни писателя, но и представила поиски и находки алуштинских прототипов знаменитого романа Шмелева о красном терроре «Солнце мертвых».

По завершении первого дня Симпозиума с концертной программой «Белая стая» выступил известный крымский поэт и исполнитель своих песен и романсов К.Ю. Фролов.

Симпозиум продолжился 15 ноября секционными заседаниями. В этот раз в программу Крымских Международных научных чтений вошли секции XX Шмелевских «И.С. Шмелев, русская революция и судьбы православной культуры», XVI Сельвинских «Великий раскол и его последствия в художественном осмыслении И. Сельвинского», XII Набоковских «Русский раскол в судьбе В.В. Набокова и проблемы литературного взаимодействия». Впервые в программе Симпозиума были научные чтения в честь А. Аверченко «Русское лихолетье глазами писателя-сатирика», а также II Булгаковские «Михаил Булгаков: между белыми и красными». Приятно было, когда на Симпозиуме вспомнили, что I Булгаковские научные чтения состоялись в Евпатории в ноябре 2009 г.

Хотя было заявлено много докладов, но двухдневный перерыв на проведение памятных мероприятий и поездки в разные города и места Крыма, видимо утомили гостей, и выступающих осталось

не очень много. Среди них были и евпаторийские исследователи. Л.Л. Никифорова (Гимназия им. Сельвинского) представила доклад «Роман И. Сельвинского „О, юность моя!“ как свидетельство истории». К.т.н. В.А. Мешков (ОИР Украины) затронул вопрос об инициаторах послевоенного крымского террора и его освещении в СССР и за рубежом в докладе «Булгаков, Троцкий, Фрунзе и Крым в 1920 году».

Были и другие интересные выступления. К.ф.н. А.А. Лаврова (Каменец-Подольский, Украина) сделала доклад об особенностях булгаковского цикла «Путешествие по Крыму». В своем городе она недавно опубликовала монографию «Художественное пространство и время „малой“ прозы М.А. Булгакова». Так что изучение жизни и творчества писателя не ослабевает.

Завершающее пленарное заседание симпозиума состоялось 17 ноября, в объявленный в календаре мероприятий «День начала красного террора в Крыму». При подведении итогов, в числе отмеченных были и упомянутые выше доклады. Затем состоялось выступление исполнителя авторской песни В. Грачева с программой «Бог, Любовь, Душа, Россия». Отметим атмосферу Симпозиума, благожелательное и объективное отношение к разным точкам зрения и взглядам, цивилизованный характер полемики и дискуссий.

История Крыма постепенно получает адекватное научное представление, открываются новые факты и документы, уточняются и исправляются издания прошлых лет. Пример тому недавно вышедшее, 2-е издание фундаментального труда братьев А.Г. и В.Г. Зарубиных «Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму» (Симферополь, АнтикВА, 2008). Объем книги намного возрос и составляет более 700 страниц. В заключительных ее строках авторы дают понять читателю, что гражданская война в Крыму и противостояние потомков красных и белых продолжают до сих пор.

Имеются другие мнения, что конец противостоянию поставила Великая Отечественная война, примирившая красных и белых. Обе точки зрения имеют на своей стороне весомые аргументы, являются предметом дискуссий, и не только научных. Симпозиум показал, что наука и литература уже не делятся для филологов, историков и краеведов на советскую и эмигрантскую, они уже существуют в едином информационном поле. Научная истина и ее поиск всегда служат объединению людей, а ложные истины и идеологии в духе «Разделяй и властвуй» нужны политикам и часто ведут к войнам, конфликтам, террору и насилию.

Ноябрь 2010 г.

120-ЛЕТИЕ ПИСАТЕЛЯ МИХАИЛА АФАНАСЬЕВИЧА БУЛГАКОВА

Впервые тема «Булгаков и Евпатория» была заявлена в 2002 году. Это была статья в газете «Трибуна» № 6. Редакция ее несколько изуродовала, а также не смогла объяснить потом, куда делся оригинал. Но с этого пошла «евпаторийская булгаковская история», и самое главное в ней, что отозвались родственники писателя, живущие в городе.

Из них много дала Любовь Александровна Минакова (1919 г.р.), сохранившая свои личные детские впечатления, а также рассказы отца и других родственников, что удивительно в таком возрасте. Это я могу утверждать, потому что с 2004 года, после первой встречи, мы общаемся до сего времени.

Без нее мы до сих пор уверенно не могли бызнать, когда и при каких обстоятельствах Булгаков побывал в Евпатории. Ее память вместе с текстами Булгакова (упоминания Евпатории в «Театральном романе», и особенно в фельетоне «Сильнодействующее средство»), помогла нам выяснить «время и место», в результате мы уже 5 лет имеем памятную доску на улице Урицкого.

Продвинуться дальше и сделать следующий логичный шаг, который будет приветствоваться не только всеми любителями творчества Булгакова, но, как раньше было принято говорить, «всем прогрессивным человечеством» (без преувеличения), нам препятствуют наши местные власти. Формальная причина достойна пера Булгакова-сатирика: оказывается, если улицу Урицкого заменить названием — улица Булгакова, то жителей и предпринимателей этой улицы ожидает неминуемый финансовый крах, разорение. Как выживают жители улиц после многих переименований в других городах — Харькове, Киеве, а особенно на Западной Украине, остается загадкой. Так благодаря Булгакову удалось узнать, что мы в Евпатории или в Крыму живем в какой-то другой стране, существуем в каком-то параллельном мире.

Но не будем дальше о грустном. Евпатория, наше Ахматовское общество, дали новый толчок в развитии литературного краеведения в Крыму. Это Евпаторийские Ахматовские Чтения в 2009 году, Первые Крымские Булгаковские Чтения в 2009 году и участие во Вторых Чтениях в Симферополе в 2010 г. Сегодня мы представляем первое издание Ахматовского общества, научный сборник по первым чтениям. Да, он скромно издается, небольшим тиражом, никакой помощи от местных властей мы не имеем, но его научный уровень приличный, статьи и доклады читаются с интересом. Не

исключено, что его еще переиздадут для школ, для учебных заведений. Во всяком случае, проф. Казарин мне сообщил, что наш сборник войдет в общий сборник КЦГИ, посвященный 1-м и 2-м Булгаковским чтениям.

Так Евпатория дала толчок к новому развитию темы «Булгаков и Крым», а через нее и к событиям крымской истории послереволюционных лет, о которых мы или знали мало, или имели искаженные сведения. Булгаков заставляет нас думать и изучать тему шире и глубже. Булгаков-сатирик учит нас критически смотреть на действия властей и чиновников. Не в этом ли кроется их «нелюбовь» к Булгакову?

На этом пути можно ожидать новых открытий и публикаций членов нашего общества. Мы теперь участвуем в международных симпозиумах, работаем в архивах, в лучших крымских библиотеках. Уже в этом году есть некоторые достижения. Скажу только по Булгакову.

Много лет было ясно, что героиня «Сильнодействующего средства» — учительница ликбеза станции Евпатория Клавдия Войтенко (урожденная Манько) — реальное лицо. Но документально подтвердить это не удавалось, среди жителей Евпатории потомки не отзывались. И только недавно установлено, что действительно существовала Клавдия Петровна Манько. До революции был период (1908—1912), когда она работала учительницей рукоделия в Симферополе в частной женской бесплатной профессиональной школе Анны Аркадьевны Машковцевой. Теперь понятно, почему в евпаторийских документах дореволюционного периода следы Клавдии Манько не обнаруживались. Кроме того, возможно, она и не была жительницей Евпатории, а приезжала в ликбез на занятия из Симферополя. Но след человека найден, и теперь есть надежда, что можно будет проследить ее судьбу.

В Симферополе обнаружили и другие интересные факты в отношении возможных родственников М. Булгакова. Известно, что в Москве у него были два родных дяди по матери — врачи Николай Михайлович и Михаил Михайлович Покровские.

А в Симферополе до революции (1914—1915 гг. и ранее) тоже были врачи Покровские, причем оба относились к Российскому обществу Красного Креста: Александр Николаевич Покровский, доктор медицины, действительный статский советник и доктор Николай Александрович Покровский. Пока нет сведений, что они родственники писателя, но уместно вспомнить, что Булгаков начал свою карьеру врача в системе Красного Креста, его родственница тоже была медсестрой КК в Крыму. Биографы отмечают, что карьеру врача Булгаков выбрал под влиянием родственников матери, в семье которой было много врачей.

А Булгаковы большей частью шли по духовной линии. И обнаруживаются Булгаковы крымские, относящиеся к духовному званию — законоучители, священники, диаконы. Со степенью родства еще предстоит разобраться, но становится понятным, почему в ныне имеющейся схеме «Родословие Михаила Булгакова» отсутствует полностью «крымская ветвь», крымская родня. Потому что события революции и 1920-х годов наиболее тяжелые последствия имели для Крыма, и как крымские события того времени, так и крымские родственные связи люди старались скрывать и не обнародовать.

Так что впереди еще много работы, и можно не сомневаться, что нам предстоит многое узнать по теме «Булгаков и Крым». Его родственники жили и в Симферополе, и в Феодосии, и на Южном берегу Крыма, и в сельской местности. Отыскать их — трудная задача. И это касается только фамилий Покровские и Булгаковы, а еще были Бредихины, Шокаревы, Ткаченко...

Отметим еще раз память Л.А. Минаковой. Она мне рассказывала о своем дедушке Василии Алексеевиче Ткаченко. Но считала, что он оставался в Петербурге, где умер в 1915 году. Но недавно обнаружилось, что человек с таким именем числился бухгалтером Казенной палаты (Симферополь, 1905—1915). В последние годы он — губернский секретарь, даже имел две должности — и.д. старшего бухгалтера в Симферопольском губернском казначействе и чиновника по особым поручениям в Казенной палате. Но затем, в последний год — должность старшего кассира, после чего из штата чиновников он исчезает.

По воспоминаниям Минаковой, вначале он работал судостроителем, изобрел двигатель для парохода, но потом болел диабетом, сильно прибавил в весе, и, судя по всему, сменил свои занятия, став бухгалтером. Надо было содержать семью. Умер он за четыре года до рождения внучки, сведения о нем она имела только из рассказов родителей. Многие ли из нас в таких случаях помнят, в каком году умер дедушка, которого мы никогда не знали, как его полное имя? А она запомнила, и пусть другие сведения неточные, но и они позволяют находить следы человека.

Так что надо сказать спасибо М.А. Булгакову за его фельетон «Сильнодействующее средство», за его упоминание не только Евпатории, но и «урожденной Манько». Он был писатель с острым историческим чувством и самоощущением, и наверно сознательно, для нас оставлял такие детали в своих произведениях, зная или предчувствуя, что когда-то они как «крючки», кого-то зацепят и заставят задуматься, искать и находить ответ на загадки его творчества. А загадок этих еще очень много, хотя о них написаны уже тома.

И теперь мы точно знаем, что власти и чиновники будут меняться, их будут забывать или проклинать, а Булгаков останется в человеческой культуре навсегда. Всем своим творчеством он был верен призыву русского поэта Некрасова: «Сейте разумное, доброе, вечное!».

(Тезисы выступления на презентации евпаторийского булгаковского сборника).

15 мая 2011 г., Евпатория, ЦГБ им. А.С. Пушкина.

На главном крымском литературном Симпозиуме

По традиции крымское лето завершается главным научным событием для представителей гуманитарных специальностей — филологов, литературоведов, историков, библиотечных и музейных работников и краеведов. Все они находят свою нишу в ежегодно проводимом в городе Саки уже XII Международном научном симпозиуме «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст». В последние годы он проходит под патронатом Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в Украине М.Ю. Зурабова и Представительства Россотрудничества в Украине. Но как уже приходилось отмечать, в этом году наблюдается потеря интереса российских и украинских властей к научным событиям. Гостей приветствовал только представитель Сакской администрации. Опоздали на открытие и некоторые члены Оргкомитета симпозиума.

К тому же из-за сокращения за счет науки бюджета не смогли прибыть многие участники прошлых лет. Значительно меньше было и молодых лиц. Но нет худа без добра. Приехали подлинные энтузиасты науки, для которых важно научное общение с коллегами и стремление к научному поиску. Как сообщил известный ученый, доктор наук из Киева, такие поездки обычно в научных учреждениях не оплачивают, но для порядка оформляют командировку, чтобы оправдать отсутствие человека на рабочем месте. На этом фоне удивительным было присутствие гостя из Японии Нонака Сусуму, доктора наук, профессора факультета свободных искусств Университета Сайтама (город-спутник Токио).

Первый день начался презентацией книг участников симпозиума, вышедших за прошедший год. Это актуально в связи с затрудненным книгообменом не только между странами, но даже областями Украины. Поэтому гости привозят свои книги, представляют их и часто дарят библиотеке ТНУ. В перерывах организуется продажа этих и крымских научных изданий. В этом

году впервые симферопольское издательство «Бизнес-Информ», специализирующееся на историко-краеведческих изданиях, представило для выставки-продажи свои книги. Они имели большой успех у гостей. Сотрудник ОКД В. Мешков познакомил гостей со своей книгой «Убийство Есенина — преступление государства. Сергей Есенин: Крымские страницы», также выпешдшей в этом издательстве. При этом автором был выражен упрек филологам и литературоведам, как находящимся в большом долгу перед Есениным: за прошедшие десятилетия много лжи и фальсификаций излили на поэта их коллеги.

Среди пленарных выступлений первого дня был интересен доклад доктора наук П.В. Михеда: «Т.Г. Шевченко в русской критике (1840-1861)». К сожалению, не нашла отклика тема доклада гостя из Японии: «Самопозиционирование консерватизма Василия Розанова». Наиболее оригинален был доклад доктора биологических наук К.А. Ефетова (Госмедуниверситет, Симферополь): «В. Набоков и загадка двухбунчужного паши». Здесь речь шла не о литературных талантах Набокова, а о его достижениях в изучении и систематизации бабочек.

В перерыве удалось побеседовать с гостем из Японии. Надо отметить, что он прекрасно владеет русским языком. Он рассказал, что также изучает творчество Платонова, но эта тема не нашла отражения в программе симпозиума. Такое бывает в литературоведении, интерес к тем или иным писателям может угасать, а потом вдруг снова возникать. Речь зашла и о Евпатории, панорама которой хорошо просматривается с сакского берега. В беседе ему было сообщено, что к Евпатории имели отношение многие известные писатели и поэты: М. Булгаков, А. Ахматова, С. Есенин, В. Высоцкий, И. Сельвинский и др. В настоящее время, как рассказал Нонака Сусуму, Япония переживает трудные времена. Атомная катастрофа Фукусима оказалась не менее масштабной, чем Чернобыль, а ее последствия в настоящее время трудно предсказать. От имени евпаторийцев ему, как представителю японского народа, было высказано пожелание его стране преодолеть все опасные последствия этой трагедии.

После перерыва начались секционные заседания первого дня. В рамках симпозиума проводятся многочисленные чтения, поэтому отметим только те, где принимали участие евпаторийцы. На XXIII Крымских Международных Пушкинских научных чтениях были представлены совместные доклады сотрудников ОКД краеведа Валерия Мешкова и библиотечного работника Янины Грошевой. К сожалению, удалось выступить только на тему «Пушкинские мотивы в евпаторийском сюжете „Города Эн“ Леонида Добычина». Второй доклад, о крымских фонтанах в творчестве Пушки-

на, не прозвучал. Причина в том, что Грошева не смогла приехать из-за загруженности на работе и в связи с отпусками сотрудников библиотеки. Хотелось бы пожелать евпаторийской библиотеке, носящей имя Пушкина, все же изыскивать возможности для участия в подобных значимых мероприятиях. Библиотеке есть, что рассказать гостям о своей работе, а многие участники не откажутся подарить свои издания для доступа к ним евпаторийских читателей.

Во второй день продолжались секционные заседания. III международные чтения Ф.М. Достоевского вновь вела Марина Кустановская, кандидат филологических наук (Евпатория, Институт социальных наук), представившая обзорный доклад «Современная достоевистика». На V международных Булгаковских чтениях на этот раз было немного участников. Как всегда, приехала из Москвы и выступила с докладом «Сатирические переклички „Булгаковской Москвы“: по страницам „закатного романа“ и сатирических произведений современников М.А. Булгакова» Ирина Яковлевна Горпенко-Мягкова, ведущий сотрудник Центра-музея «Булгаковский дом». В. Мешков (ОКД) представил сообщение «Родословие Михаила Булгакова: крымская ветвь».

Но наиболее ярким событием Симпозиума стала в этот день одноименная с докладом презентация И.Я. Горпенко-Мягковой, посвященная 75-летию со дня рождения ее мужа булгаковеда Б.С. Мягкова (1938-2003) и 20-летию издания его книг «Булгаковская Москва» и «Булгаков на Патриарших» (переиздана в 2008). Ирина Яковлевна не раз бывала и в Евпатории, открывала в 2009 году в нашем городе Первые Булгаковские чтения, в прошлом году приезжала на Евпаторийские Волошинские чтения. Ее неутомимости и энтузиазму в деле булгаковской популяризации можно только поражаться.

В этот раз она представила новые фото— и киноматериалы. Интересна была целая фотовыставка иллюстраций образа кота Бегемота из «Мастера и Маргариты» и булгаковских мест Москвы. Был показан любительский фильм 1986 года, запечатлевший последние месяцы жизни второй жены писателя Л.Е. Белозерской. В архивах Госфильмофонда был найден фильм 1978 года, не вышедший на экраны, где о жизни и творчестве Булгакова рассказывает писатель Константин Симонов и вспоминают люди, близко знавшие писателя. Никому из присутствующих не довелось видеть этот фильм ранее.

Презентация сопровождалась увлекательным комментарием Ирины Яковлевны, показывающим ее глубокие знания в области булгаковедения. После крымской премьеры презентации в Саках она будет показана в Симферополе в Русском обществе, в городах Каменец-Подольск и Киев. Пожелаем Горпенко-Мягковой еще не раз приезжать в Евпаторию и Крым.

В заключительный день, как обычно, подводились итоги, проводились неформальные встречи, обсуждения, экскурсионные поездки и торжественный ужин в честь закрытия Симпозиума. Подкачала крымская погода, но на научные итоги мероприятия и настроение участников это не повлияло. Несмотря на все трудности, научный поиск будет продолжаться. Через месяц в Симферополе предстоит другое важное для Крыма и Евпатории событие — XIX Крымские Международные научные чтения И.Л. Сельвинского.

*Саки. Оздоровительный комплекс «Парус» СБУ Украины
14-16 сентября 2013 г.*

РУССКИЙ ВЕКТОР В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: КРЫМСКИЙ КОНТЕКСТ

Международный научный симпозиум под таким названием проводится в Крыму далеко не в первый раз, к 2014 году было уже двенадцать. Но в прошлом году, в связи с известными знаменательными для Крыма событиями, наступил переходный период для крымских научных учреждений, и по ряду причин симпозиум не состоялся. Ныне структурные и кадровые изменения в научных учреждениях Крыма, судя по всему, в основном завершились, и научная деятельность теперь возобновилась на более высоком уровне.

На базе прежнего Таврического национального университета создан мощный научный центр — Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. Кроме объектов ТНУ он объединил еще ряд научных учреждений и институтов. В частности, факультет русской и зарубежной литературы теперь относится к Таврической академии КФУ. Многолетнего Председателя Оргкомитета симпозиума профессора В.П. Казарина сменил доктор филологических наук, доцент ТА КФУ Сергей Олегович Курьянов. Изменилось в этом году и место: в последние годы симпозиум проходил в Саках, а частично его мероприятия иногда включали и Евпаторию. Но в этом году в рамках «Года литературы в РФ» и «Фестиваля науки КФУ — 2015» местом проведения стал Симферополь.

Открытие симпозиума состоялось 2 октября 2015 года в Доме науки КФУ — здании «Научно-образовательного центра ноосферологии и устойчивого ноосферного развития», расположенного в живописном Ботаническом саду университета. Это историческое строение было возведено в 1820-е годы и служило загородной выездной резиденцией генерал-губернатора Новороссии графа М.С. Воронцова. Забегая вперед: после обеденного перерыва для участников была проведена краткая экскурсия по залам здания,



оформленным росписями в античном стиле, украшенным произведениями живописи. Здесь же находится солидная библиотека Института археологии АН РФ и готовится будущий музей В.И. Вернадского.

После торжественного открытия симпозиума и оглашения официальных приветствий, началось пленарное заседание. К сожалению, не все из заявленных докладов были доложены, но для таких случаев предусмотрена заочная форма участия, и наиболее интересные вместе с пленарными и секционными докладами войдут в тематические сборники чтений, проводимых в рамках симпозиума. Среди прозвучавших пленарных докладов следует отметить такой актуальный как «Книга, обращенная к ребенку и подростку сегодня: филологически предметный разговор о всеобщем и национально значимом» И. Г. Минераловой, доктора филологических наук из Москвы.

Доктор филологических наук В.М. Калинин (Донецкий национальный университет им. М. Горького) уже своим приездом свидетельствовал о том, что научная деятельность в ДНР, несмотря на все трудности, не прекращается. Он рассказал об издательских планах кафедры русского языка, которую он возглавляет. Его до-

клад «Собственное имя в драме: ипостаси, функции, поэтика (к «драматическим опытам» А.С. Пушкина)» был посвящен сложным проблемам науки ономастики. Пленарным докладам был отведен весь первый день, а заключительный доклад С.О. Курьянова «Крымский текст как литературоведческая проблема» вызвал содержательную полемику, в основном с В.М. Калинкиным.

К сожалению, не состоялся доклад «Категория читателя в современном русском литературном быту» постоянного участника симпозиума доктора филологических наук, профессора Ю.Г. Милославского (США, Нью-Йорк). Он представляет Русскую Православную Церковь За Границей и является редактором Церковного издания «Нью Йоркъ Православный». Вероятно, его приезду помещали санкции, введенные против Крыма и РФ. По известной причине не было участников из Украины, а ДНР кроме участников из Донецка представляла Горловка.



*Фотография на память в зале заседания.
Симферополь, Дом Воронцова. 2015 г.*

Из далекого зарубежья прибыл редкий гость — Виджая Вахью (Республика Индонезия, Джакарта), аспирант кафедры русского языка (Институт филологии иностранных языков Московского педагогического государственного университета). Его пример показывает, что интерес к русскому языку и литературе не иссякает в самых разных точках нашей планеты. Кроме того, он произвел впечатление, как приятный и общительный человек, стремящийся к усовершенствованию своего русского языка.

Во второй день, посвященный объединенному секционному заседанию, Виджая Вахью выступил на русском языке с докладом «Записки как форма художественно-документального повествования о русско-японской войне: В.В. Вересаев „На Японской войне“ и А.С. Новиков-Прибой „Цусима“». Разнообразие тем докладов, их исторический диапазон и научная глубина не оставляли равнодушными участников, возникали вопросы докладчикам, происходила полемика — все это неотъемлемая необходимость нормального научного процесса. К сожалению, рассказать обо всех выступлениях нет возможности, отметим еще только несколько.

Наблюдается рост интереса к творчеству А.М. Горького, почти забытого во времена перестройки и последующие десятилетия. Интересен был доклад Е.А. Беловой (Симферополь, ТА КФУ) «Авангардное в поэтике романа М. Горького „Жизнь Клима Самгина“». Гоголевская тема прозвучала в докладе Е.В. Лёвиной (Петрозаводский госуниверситет) «Повесть Н.В. Гоголя „Тарас Бульба“ и гомеровская традиция. Особенности жанра». Интересные мысли были высказаны в докладе аспиранта Юлии Лейбенсон (Кафедра Истории древнего мира и средних веков ТА КФУ) «„Присвоение античности“ в интеграции Крыма в конце XVIII — первой четверти XIX века».

Заметим читателю, что к этой теме и этому историческому периоду прямое отношение имеет наш город: античное название Евпатории было присвоено по указу Екатерины Великой в 1784 году. Что касается участия евпаторийцев в симпозиуме, то оно в этот раз было минимальным. Свой доклад представил В.А. Мешков (внештатный сотрудник «Евпаторийской здравницы») «Булгаковский дом на Садовой и Евпатория». Это рассказ о том, каким образом ныне один из самых знаменитых домов в Москве связан своим происхождением с нашим городом. К сожалению, не смогла приехать в этот раз И.Я. Горпенко-Мягкова, заявившая доклад «Завещание булгаковеда Б.С. Мягкова. Последнее интервью». Но как и все интересные доклады он будет опубликован в сборнике материалов по итогам симпозиума.

Во время симпозиума участникам была предложена интересная культурная программа. Издательство «Бизнес-Информ» (Симферополь) организовало выставку-продажу своих книг по истории и краеведению Крыма. Состоялась презентация новой книги издательства (директор Ф.Д. Филатов) «У Времени на юру. История Крыма в русской поэзии». Автор-составитель Л.Н. Корнеева (Судак) проделала большую работу, собрав в книге лучшие образцы поэтических произведений о Крыме и рассказав об истории их создания и реалиях того времени. На последний день симпозиума участникам была подготовлена экскурсионная программа: Поездка в «Историко-культурный, мемориальный музей-заповедник „Киммерия М.А. Волошина“» (Коктебель).

При подведении итогов симпозиума Председатель Оргкомитета С.О. Курьянов отметил высокий научный уровень докладов. Гости поблагодарили хозяев за гостеприимство и хорошую организацию. Многие обещали приехать и в следующем году. Можно только пожелать главному крымскому гуманитарному симпозиуму дальнейших научных успехов.

Евпаторийская здравница, октябрь 2015



*Участники Симпозиума-2015 на экскурсии в Коктебеле,
где бывал и Михаил Булгаков*

ПРИМЕЧАНИЯ

Евпаторийская загадка Михаила Булгакова

Опубликовано в газете «Трибуна» (г. Евпатория) №6, март 2002 г., с. 3, под названием «М.А. Булгаков и Евпатория».

Михаил Булгаков и Евпатория

Опубликовано в газете «Литературный Крым» №№39-40 от 29 октября 2004 г., с. 4-5.

Булгаковская история

Опубликовано в газете «Литературный Крым» №№11-12 от 31 марта 2005 г., с. 4-5, 12 и №№13-14 от 15 апреля 2005 г., с. 9.

Мистика Михаила Булгакова и Евпатория

Опубликовано в газете «Евпаторийская здравница» за 2010 год 10 марта, № 44, с.3; 11 марта, №45, с. 3; 17 марта, №49, с.3; 23 марта, №53, с. 3; 25 марта, № 55, с. 3; 30 марта, №58, с. 4.; под названием «Мистические тайны Михаила Булгакова». Соавтор В.М. Заскока.

Евпаторийские друзья Булгакова и Волошина

Опубликовано в газете «Обозрение крымских дел» (Евпатория) 22-29 марта 2013 года, №9, с. 7.

«Собачье сердце» М. Булгакова и пропажа калаш:

Как это было в Евпатории

Опубликовано в газете «Обозрение крымских дел» (Евпатория) март 2014.

Булгаковский дом на Садовой

По докладу на VI Крымских Международных Булгаковских научных чтениях «Михаил Булгаков и проблемы развития русской сатиры в XX — XXI веках». XIII Международный научный симпозиум «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст». Республика Крым, Симферополь, 2-4 октября 2015.

Сергей Есенин и Михаил Булгаков

По докладу на Первых Крымских Булгаковских чтениях. Евпатория, ноябрь 2009. Опубликовано в сборнике «Мир Есенина». Вып. 10. Ташкент, 2010.

Булгаков, Троцкий, Фрунзе и Крым в 1920 году

По докладу на II Крымских Международных Булгаковских чтениях «Михаил Булгаков: между белыми и красными». IV Международный симпозиум «В поисках утраченного единства», посвященного 90-летию окончания гражданской войны в России (1917-1920). Симферополь, 11-18 ноября 2010 года.

Михаил Булгаков в «Трудах и днях Максимилиана Волошина»

По докладу на III Крымских Международных Булгаковских научных чтениях «Творчество Михаила Булгакова: литературные пути и перепутья». X (Юбилейный) Международный научный симпозиум «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст». Крым, Саки, 15-19 сентября 2011.

Михаил Булгаков: Крымские поиски и находки

По докладу на IV Крымских Международных Булгаковских научных чтениях «Творчество Михаила Булгакова: литературные пути и перепутья». XI Международный научный симпозиум «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст». Крым, Саки-Евпатория, 13-17 сентября 2012.

Родословие Михаила Булгакова: крымская ветвь

По докладу на V Крымских Международных Булгаковских научных чтениях «Михаил Булгаков и проблемы развития русской сатиры в XX-XXI веках». XII Международный научный симпозиум «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст». Крым, Саки, 12-16 сентября 2013.

Дорога длиной в 90 лет

Опубликовано в газете «Евпаторийская здравница» 1 октября 2009 г., № 183, с. 1, 3. Соавтор В.М. Заскока.

70 лет назад: Трудная дорога домой в Евпаторию

Опубликовано в газете «Обозрение крымских дел» (Евпатория) апрель 2014 г.

95 лет — жизнь продолжается

Опубликовано в газете «Обозрение крымских дел» (Евпатория) 10-17 октября 2014 г., № 28, с. 3.

Памятная доска в честь Булгакова

Опубликовано в газете «Литературный Крым» (Симферополь) 9 июня 2006 г., №№ 21-22, с. 11, под заголовком «О Михаиле Булгакове и Евпатории».

Будет ли в Евпатории улица Михаила Булгакова?

Опубликовано в газете «Евпаторийская здравница» за 2006 год 6 декабря, № 233, с.3; 9 декабря, № 236, с.3; 13 декабря, № 238, с.3; 16 декабря, № 241, с.3; 21 декабря, № 244, с. 4; 27 декабря, № 248, с. 3.

Будет ли улица М. Булгакова: 2014-2016

Опубликовано в газете «Обозрение крымских дел» (Евпатория) 31 октября-7 ноября 2014 г. №30, с. 17.

Булгаков и Евпатория

Опубликовано в газете «Евпаторийская здравница» 13 мая 2006 г., № 88-89, с.2.

Булгаковские дни в Евпатории

Опубликовано в сокращении в газете «Евпаторийская здравница» 10 декабря 2009 г., № 233, с. 3. Соавтор В.М. Заскока.

«Булгаковский дом» снова в Крыму

Опубликовано в газете «Евпаторийская здравница» 8 июня 2010 г., №103, с. 4.

...СТАТЬ БЕССТРАСТНО НАД КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ

Опубликовано в газете «Евпаторийская здравница» 30 ноября 2010 г., № 228, с. 2.

На главном крымском литературном Симпозиуме

Опубликовано в газете «Обозрение крымских дел» (Евпатория) сентябрь 2013 г.

Литературно-краеведческое издание

МЕШКОВ Валерий Алексеевич

**МИХАИЛ БУЛГАКОВ И КРЫМ:
НОВЫЕ СТРАНИЦЫ**

Печатается в авторской редакции

Подписано к печати с оригинал-макета 13.09.2016 г.

Формат 60х90 1/16. Гарнитура «Peterburg».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Условн. печ. л. 17,0.

Тираж 1000 экз. Заказ № 0476

Отпечатано с оригинал-макета заказчика

ГУП РК «Издательство и типография «Таврида»,
295000, РК, г. Симферополь, ул. Ген. Васильева, 44.

E-mail: tavrida.gup@mail.ru

*В эти дни в декабре 1923 г.
засели у родственников
писатель*

**Михаил
Афанасьевич
Бунгаков**



*По возвращении в Москву
в газете «Кудок» 3 января 1924 г.
опубликовано его произведение
«Сильнодействующее средство»,
основанное на реальных
тогдашней жизни в Канатории*

ISBN 978-5-9907963-9-3



9 785990 796393